

Б. Н. Семёнов

НОВЫЙ ЭТАП

КИТАЙСКИЙ

1927

ДЕВОЛЮЦИИ

Государственное издательство

Б. СЕМЕНОВ

НОВЫЙ ЭТАП
КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

О Т П Е Ч А Т А Н О
в 1-й Образцовой типографии
Гиза 23363 Москва, Пятницкая, 71.
Главлит № 95746. Тираж 5.000 экз.
Заказ № 4325.

В В Е Л Е Н И Е.

События 1927 года в Китае, отход военных группировок, переход уханского правительства на сторону контрреволюции не является чем-то неожиданным в развитии китайской революции; они представляют из себя продолжение того процесса, который начался еще в конце прошлого года и получил наиболее яркое выражение в перевороте, произведенном Чан-кай-ши 12 апреля 1927 года. Этот процесс был своевременно предусмотрен решениями VII расширенного Пленума ИККИ и ЦК ВКП (б) и произошел под влиянием перерастания революции в новую фазу аграрной революции. Прежний этап — этап общенационального фронта, когда на стороне революции выступали четыре основные силы: китайская буржуазия, китайский пролетариат, крестьянство и городская беднота, — неминуемо должен был под влиянием развития массового движения перерости в эту новую, более высокую фазу революции. Из этого перерастания неминуемо вытекала неизбежность отхода китайской национальной буржуазии от революции и перехода ее на сторону контрреволюции. Этот процесс, конечно, не ограничился только переворотом 12 апреля 1927 года, а должен был повлечь за собою и все дальнейшие события, в виде отхода от революции военных группировок, остававшихся по разным причинам еще на стороне революции, и, наконец, в силу особых обстоятельств, о которых ниже, — измену самого уханского правительства.

При рассмотрении этих процессов, при изучении их внутреннего содержания и связи между собой, мы можем усмотреть красной линией проходящую неизбежность этой дальнейшей размежевки социальных сил, участвовавших в революции.

Но для того, чтобы установить с большей полнотой и ясностью перспективы развития китайской революции на нынешнем этапе

аграрной революции, мы считаем необходимым в кратких чертах вернуться к первому периоду, к периоду общенационального фронта и установить целый ряд моментов, определяющих собою то или иное соотношение сил в китайской революции.

СИЛЫ, ДЕЙСТВОВАВШИЕ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ.

Все те силы, которые участвовали на стороне революции в этот первый период, когда революция основным своим остреем была направлена против империализма в Китае, и когда классовые противоречия, конечно имевшиеся внутри общенационального фронта, еще не были развязаны, — вступили в революцию на этом этапе, конечно, не случайно. Каждый класс, входивший в состав этого общенационального фронта, при достижении поставленных им задач имел свои особые задачи, которые, в силу недостаточной еще развязанности классовых противоречий, смогли в это время об'единиться именно на антиимпериалистической борьбе.

Китайская национальная буржуазия, выросшая во время до империалистической войны 1914—1917 гг., продолжавшая этот рост во время войны и не замедлившая темпа роста и после войны, вступила в революцию для достижения своих собственных целей. Иностранный капитал, пришедший в Китай с войнами, с военным разгромом Китая смог добиться целого ряда преимуществ, которые не давали возможности китайской национальной буржуазии развиваться по нормальному буржуазному руслу. Те привилегии, которыми в результате неравных договоров обладал иностранный капитал, давали ему настолько веские преимущества перед китайским национальным капиталом, что нормальное развитие китайской буржуазии в результате этого было чрезвычайно замедлено. Крайне низкий таможенный тариф, притом почти не изменявшийся со времени заключения первых неравных договоров, на ввозные товары иностранного происхождения, компенсация за эти низкие таможенные пошлины высокими тарифами на товары китайского происхождения, экстерриториальность иностранцев и не-подчинение их китайским законам, целый ряд концессий в крупнейших городах Китая, фактическое господство иностранцев в наиболее важных китайских портах, в том числе и в Шанхае, и бесчисленный ряд других преимуществ, — все это, вместе взятое,

сковывало развитие китайской национальной буржуазии и тем самым толкало ее на участие в национально-освободительной борьбе. Конечно, китайская буржуазия, в известной степени связанная с иностранным капиталом через компрадорскую прослойку, а в некоторых случаях и непосредственно, должна была неминуемо поддаться влиянию иностранного капитала. Процесс ассимиляции иностранного капитала в Китае хотя и протекал гораздо слабее, чем в других колониальных и полуколониальных странах, в силу чрезвычайного своеобразия китайской экономики и быта, но все же сделал значительные успехи, особенно за время после империалистической войны. Все это связывало китайскую буржуазию с иностранным капиталом и определяло известную неустойчивость ее в борьбе даже на первом общенациональном этапе китайской революции. Рано или поздно китайская буржуазия должна была изменить революции и под влиянием, с одной стороны, растущего революционного движения в Китае, а с другой — хотя бы и небольших уступок иностранного империализма ей отойти от общенационального фронта и перейти в лагерь реакции. Но известное, сравнительно продолжительное время, впредь до того момента, пока растущее массовое революционное движение не начало перерастать в аграрную революцию, китайская национальная буржуазия оставалась в общих рядах революции, временами, правда, колеблясь, изменяя революции и нанося ей серьезные удары. Об'ективно-революционной роли китайской национальной буржуазии на этом первом этапе революции отрицать нельзя, особенно в начале и в середине его, когда самая революция в значительной степени руководилась именно национальной буржуазией. Серьезное значение в определении позиции и роли китайской крупной буржуазии в революции играло и то обстоятельство, что иностранный капитал по своему удельному весу значительно превосходил китайский национальный капитал.

Китайский рабочий класс в революционное движение вступил под влиянием своего безвыходного экономического положения и совершенно бесправного политического положения. Экономическое положение китайского рабочего совершенно нельзя сравнить ни с одним рабочим какой-либо другой страны. Мы не будем здесь подробно останавливаться на этом общеизвестном факте, ограничимся только констатированием его. Политическое бесправие китайского рабочего, который не только не имеет никакого голоса

в управлении страной, но который являлся настоящим рабом на фабрике или заводе, на котором он работал, также не имеет предцедентов ни в одной стране, кроме разве наиболее угнетаемых колоний мирового империализма. Такое положение китайского рабочего естественно толкало его на революционные выступления. Так как иностранный империализм угнетал китайских рабочих и был естественным препятствием по пути получения им хотя бы минимальных политических прав, и так как без освобождения Китая от гнета иностранного империализма в то время не могло быть и вообще речи о переходе китайской экономики на более высокую ступень, а следовательно, и облегчения участия китайских рабочих, — то рабочее движение, в первую очередь, направлялось против иностранного империализма за освобождение Китая.

Точно так же общеизвестен факт беспримерного тяжелого экономического положения китайских крестьян. Самый процесс обезземеливания китайского крестьянина шел главным образом в результате наличия крупнейших остатков феодального строя в деревне, а также и в результате происходящей капитализации страны. Феодально-милитаристическая система в Китае не давала возможности в какой-либо степени улучшить совершенно невозможное экономическое положение китайского крестьянина. Беспримерные поборы, производимые милитаристами, чрезвычайно высокие налоги, взимаемые в натуральной форме помещиками в деревне, постоянное разорение в результате милитаристических войн внутри Китая направляли ненависть китайского крестьянина, в первую очередь, против феодально-милитаристической системы. Поскольку вся эта система теснейшим образом была связана с империализмом, который сознательно ее поддерживал, используя как местную китайскую силу, при помощи которой облегчались трудности фактического закабаления Китая, — постольку эта ненависть с милитаризма и остатков феодализма в деревне переносилась и на самый империализм.

Городская беднота, состоящая из ремесленников, мелких торговцев и мелких собственников, под влиянием капитализации страны все более и более разорялась. Бесконечные налоги, взимаемые милитаристами, также разоряли городскую мелкую буржуазию. Так как процесс капитализации страны происходил с участием и под руководством иностранного капитала, так как иностранные товары успешно вытесняли товары китайского происхождения,

приготавляемые ремесленниками, и так как торговля иностранцев, как лучше организованная, включала в свою систему и мелких торговцев, разоряя их, разоряя и выкидывая на рынок дешевого труда, то естественно, что и этот слой городской бедноты, примыкая к общенациональному фронту, направлял всю свою революционную зарядку именно против феодально-милитаристической системы, против иностранного империализма.

Конечно, у всех этих четырех сил, при совпадении их ближайших задач на этом этапе китайской революции, были и свои особые задачи, которые до поры до времени выявлялись лишь в незначительных размерах и которые вытекали из классовых противоречий, заложенных во взаимоотношениях между этими отдельными силами. Если китайская национальная буржуазия, кроме антиимпериалистической борьбы, направленной к уничтожению господства иностранного капитала, и завершения задач буржуазной революции — конечно, под ее руководством и при ее господстве — не имела других задач, то у пролетариата, крестьянства и городской бедноты конечные цели шли гораздо дальше этих непосредственных задач китайской национальной буржуазии. Это несовпадение в задачах четырех основных сил китайской революции, действовавших на этом первом этапе общенационального фронта, рано или поздно должно было сказаться. И так как, как уже было сказано выше, — китайская буржуазия, как и всякая другая буржуазия при развитии революционного движения, при вовлечении масс в борьбу и при перерастании революции на новый этап неминуемо должна была отойти от революции, то и в самом начале этого этапа, и особенно в конце его, эти классовые противоречия давали себя чувствовать.

ШАНХАЙСКИЕ РАССТРЕЛЫ 30 МАЯ 1925 Г И ПОД'ЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ.

Если не считать отдельных либеральных выступлений китайской буржуазии с требованиями отмены неравноправных договоров, т. е., иначе говоря, с требованием освобождения Китая от ига иностранного капитала, если не считать отдельных революционных выступлений китайской интеллигенции и передовых слоев буржуазии, направленных к достижению этой цели и к попыткам ликвидации феодально-милитаристического строя, то действительное

развитие революции в Китае можно считать только с начала 1925 года. И притом характерно, что эти революционные события начались именно с забастовочного движения китайских рабочих и с революционных выступлений китайских крестьян. Забастовка 9 февраля 1925 года в Шанхае началась с требованиями: 1) принятие обратно уволенных рабочих, 2) прекращение побоев и истязаний, 3) увеличение заработной платы на 10% (в дальнейшем — на 2%), 4) регулярная выплата заработной платы каждые 2 недели, 5) прекращение увольнений без всяких причин, 6) уничтожение системы штрафов, 7) выдачадержанной части жалования и 8) право организовываться в профсоюзы. Конечно, такого рода забастовки, почти с такими же требованиями, бывали и раньше, но мы особо останавливаемся на забастовках начала этого года, так как, непрерывно возрастая, они в дальнейшем начали принимать определенно политический характер и фактически перерастать в революционные выступления против иностранного империализма. В дальнейшем непрерывно, на всем протяжении последних китайских событий, это рабочее движение все более и более возрастает и углубляется.

Среди рабочих Шанхая во время этой забастовки было произведено до 50 арестов, причем наиболее активное участие в них принимала, как и следовало ожидать, шанхайская иностранная полиция. Действия полиции вызвали организованный отпор рабочих, которые вступили в открытые столкновения с администрацией фабрик и полицией. Один японский грузовик был сброшен в канаву, причем был убит японский надсмотрщик. При аресте тов. Цай-жи-хуа — студента — толпа бастующих атаковала полицейский участок, чтобы освободить его и других арестованных, но китайская полиция, подкрепленная силами иностранной полиции, главным образом индусами, дала несколько залпов, в результате которых было ранено около 30 человек.

Китайская пресса в общем симпатизировала забастовочному движению. Английская и американская пресса, довольные бедой Японии (забастовка происходила на фабриках громадной японской текстильной компании Нагай-Вата, причем охватила все 10 фабрик, принадлежащих этой компании, и перекинулась на другие японские фабрики), злорадствовала.

Вскоре забастовка охватила 22 фабрики, с общим количеством рабочих в 40 000 человек. Забастовка продолжалась 17 дней и

окончилась частичной победой рабочих. Рабочим удалось добиться: 1) отмены телесных наказаний для рабочих, 2) регулярной выдачи зарплаты 2 раза в месяц, 3) неувольнения за забастовку, 4) своевременной выдачи дополнительного вознаграждения рабочим и 5) освобождения всех арестованных. Капиталисты отказались повысить заработную плату, хотя бы на 2%, и отменить беспричинные увольнения рабочих. Эта победа рабочих, хотя и неполная, сильно встревожила иностранных предпринимателей в Китае. Империалисты хорошо знали, что за экономическими требованиями, при такой раскаленной атмосфере, неминуемо следуют и политические, и потому начали деятельно готовиться к реваншу.

Японские предприниматели получили от своего правительства категорическое предписание ни в коем случае не уступать и вести борьбу во что бы то ни стало, причем правительство обещало своим предпринимателям всяческую поддержку.

Вскоре японскому правительству представился удобный случай засвидетельствовать свою преданность интересам своих промышленников. В Циндао рабочие, возмущенные вводом на одну из фабрик полиции, забастовали. Японские промышленники, с большим основанием ожидавшие помощи от своего правительства, обявили расчет забастовавшим рабочим, а японский консул пригласил китайскую полицию и японских моряков на помощь против рабочих. Начались стычки между рабочими и полицией, причем рабочие захватили 3 фабрики и забаррикадировались в них.

Обеспокоенный таким поворотом событий, японский посланник в Китае Иошизава предъявил резкий протест китайскому правительству, с требованием принятия мер против забастовавших рабочих. Пекинское правительство — игрушка в руках империалистов — не нашло ничего лучшего, как отдать распоряжение о прекращении «беспорядков». Полиция, поддержанная японскими моряками с истребителем, специально переброшенных из Порт-Артура, повела наступление против рабочих. 2 фабрики сдались, третья упорствовала. Полиция открыла огонь, было много убитых и раненых.

Одновременно и в связи с этим происходили крупные демонстрации против иностранного угнетения в Шанхае. Когда демонстранты 30 мая 1925 г. приблизились к иностранному кварталу, английская полиция без всякого предупреждения открыла

огонь против безоружной толпы. В результате было убито много студентов и рабочих, а ранено еще больше. По всей стране прокатилась громадная волна возмущения таким беспримерно наглым поведением иностранной полиции на территории Китая. Начались демонстрации рабочих, студентов и всего китайского населения во всех крупных промышленных городах. Общее возмущение было настолько велико, что захватило и буржуазные круги. В Шанхае начались забастовки протesta во всех отраслях промышленности, причем к забастовке, под давлением общественного мнения, примкнули и торговцы, прекратившие торговлю в Шанхае. Забастовали грузчики, матросы, коммунальные рабочие, домашняя прислуга, конторские служащие, печатники и другие. Шанхай замер, и только колоссальные демонстрации, происходящие при явном сочувствии даже китайской полиции, будили замирающую жизнь города и заставляли иностранных предпринимателей принимать все новые и новые меры предосторожности. Грандиозные митинги рабочих и студентов по всей стране выносили резолюции протesta и требовали: 1) освобождения арестованных рабочих и студентов, 2) прекращения локаутов на японских фабриках, 3) полной свободы собраний, союзов, печати и права стачек, 4) отмены права экстерриториальности иностранцев, удаления из Шанхая иностранных войск и военных судов, упразднения консульских и смешанных судов, 5) упразднения иностранного городского самоуправления в Шанхае, передачи городских дел в руки избранного китайского самоуправления и распуска иностранной полиции, 6) наказания убийц рабочих японских фабрик и полицейских, виновных в расстреле 30 мая, выплаты пенсий семьям пострадавших и формального извинения иностранного муниципалитета, 7) запрещения телесных наказаний на фабриках, 8) улучшения гигиенических условий и защиты женского и детского труда на фабриках. Если рассмотреть все эти требования, то только некоторые из них могут быть с известной натяжкой названы чисто экономическими требованиями, остальные же носят глубоко политический характер, причем некоторые из них определенно и прямо направлены против иностранного империализма в Китае.

Все эти расстрелы, произведенные иностранными империалистами, вызвали такое заострение борьбы против них в Китае, что шанхайские события 30 мая 1925 г по праву можно считать

отправным моментом в революционном движении в Китае, направленном в первую голову против империалистов.

Эти события в Шанхае и небывалый рост забастовочного движения, вызванного ими, имеет еще и другое, существенное последствие. Если до сего времени иностранные империалисты постоянно прибегали к помощи своей собственной вооруженной силы для подавления таких вспышек национально-освободительного движения в Китае, то после этих событий наиболее дальновидные империалисты с очень большой неохотой и с большим сомнением выдвигают идею возможности применения своих собственных вооруженных сил для подавления революционного движения в Китае. Этот рост забастовочного движения, вызванный расстрелами, заставил задуматься всех империалистов. Нужно было менять позиции, нужно было искать новых «методов» работы, которые давали бы лучшие результаты и не вызывали бы такого стихийного роста революционного движения. К этому толкало еще одно обстоятельство. Первые попытки пойти по испытанному пути для об'яснения и некоторого оправдания расстрелов не дали никаких результатов. Попытки свалить всю вину на красных эмиссаров, на советские деньги сразу же провалились, ибо даже для китайских младенцев было ясно, что вина здесь во всяком случае лежит не на большевистских агитаторах. Центр всей ненависти Китая концентрировался на зачинщиках этого выступления, в данном случае на Англии, в первую очередь, и затем на Японии. Для других империалистов стало очевидным, что в этом периоде развития событий гораздо целесообразнее для них, прямо не замешанных в этих расстрелах, отмежеваться от физического виновника расстрела — от Англии. Американские газеты, а за ними и японские, начали говорить, что дело здесь собственно не столько в большевиках, сколько в «методах» и в экономике. Только английская пресса в Шанхае, которой по причине круглой вины английских полисменов в Шанхае было нечего говорить, продолжала упорно держаться версии о «темных большевистских кознях», но и то с каждым днем тон ее становился все менее уверенным. «Таймс» пытался было проявить столь свойственную ему твердость и строгость приемов и, укоряя заинтересованные стороны в пагубном разнобое, заявил, что «время и опыт убедительно доказали, что китайцы везде и во всем всегда считались с требованием держав, коль скоро они представлялись солидарно

и достаточно твердо. Непростительной ошибкой явилось отсутствие солидарности в данном случае. Слишком часто общие интересы держав подчиняются их действительным или мнимым интересам, имеющим, разумеется, второстепенное значение».

«Таймс» не напрасно взывал к международной солидарности. Англия, в результате этих событий, совершенно неожиданно для себя вылезла единолично на открытую сцену. Привыкнув обделять свои делишки в темноте, она была явно шокирована таким оборотом дела и непрочь была при помощи единого фронта всех держав-угнетателей рассосать эту концентрированную ненависть китайцев между своими друзьями.

Но «друзья» отнюдь не были склонны выручать Англию. «Оса-ка Майничи», японская газета, анализируя позицию Англии, высказывающейся за репрессии по отношению к Китаю, говорит, что «в этом пункте Япония, безусловно, должна разойтись с Англией. Среди требований забастовщиков есть много таких, которые не являются плодом агитации и которые побуждают рассмотреть вопрос о деятельности в Китае».

Со своей стороны, Англия не остается в долгу перед Японией. В знак дружбы, с которой английская полиция в Шанхае расстреливала рабочих и студентов, английская пресса в Китае начинает делать разоблачения, заявляя, что в Шанхае была сделана ошибка тем, что защищались японские интересы и что английская полиция считала выступление против японцев выступлением против дружественной державы. Таким образом, уже сразу после шанхайских событий, в мае 1925 года, наметились некоторые моменты, которые в дальнейшем получили свое наиболее полное выражение. Англия уже и в то время ставила вопрос о необходимости создания единого империалистического фронта в Китае в целях борьбы с революцией. Мы видим, что на всем протяжении китайской революции точка зрения «Таймса», сводившаяся, во-первых, к необходимости солидарности всех империалистов в вопросах борьбы с китайской революцией и, во-вторых, к необходимости решительного воздействия на революцию, красной нитью проходит через всю политику английских консерваторов в китайском вопросе. Трещина, наметившаяся в то время в политике отдельных империалистических государств по вопросу об этом едином фронте, до сих пор существует: правда, под влиянием развития китайской революции эта трещина все более и более сглаживается,

особенно между Англией и Японией, но, во всяком случае, за последние два года, кроме отдельных конкретных случаев, вроде нанкинского расстрела, такого единого фронта между империалистами не существовало.

Так как выступление собственными вооруженными силами давало только отрицательный результат и никакому самому отпетому империалисту, исходя просто из практической необходимости, нельзя было в этой раскаленной атмосфере пускать в ход свои войска, то естественно должна была возникать мысль использовать для этой цели такие китайские силы, которые, будучи пущены в действие, одной стороны, не были бы столь одиозны, как иностранные интервенционистские войска, а с другой — были бы достаточно послушны и сильны, чтобы подавить национально-освободительное движение и ликвидировать последствия шанхайской забастовки. Этими силами могли быть только феодально-милитаристические группировки, теснейшим образом связанные с империализмом в Китае.

Революционное движение, которое возникло в результате шанхайской забастовки, первым следствием дало громадные убытки для английских и японских империалистов. Одна только Япония на торговле терпела ежедневно более двух миллионов иен убытка, Англия — и того больше, не считая потерь промышленности, которая несла еще больший ущерб. В силу того обстоятельства, что в результате роста национально-освободительного движения происходила естественная дифференциация сил в Китае, Чжан-цзолин, с его чрезвычайной связью в то время с японским капиталом и японской империалистской политикой, неминуемо должен был оказаться вместе с другими милитаристами и ком-прадорами в одном лагере с империалистами против национально-освободительного движения. Он казался достаточно сильным для того, чтобы выполнить сокровенные мечты империалистов; кроме же него никаких других, тесно связанных с империалистами китайских сил пока не было. Поэтому на него и пал жребий стать очередным «спасителем» Китая от растущей «большевистской опасности». Началось быстрое продвижение войск Чжан-цзолина к Шанхаю и вскоре Шанхай был занят отборными войсками под командованием самого сына Чжан-цзолина. Путем репрессий и постоянного вооруженного давления Чжан-цзолину удалось загнать революционное движение в Шанхае вглубь и создать ви-

димость успокоения. Как только революционное движение было задавлено, немедленно же выступили на сцену противоречивые интересы империалистов. Англия, которая в то время еще не была так тесно связана с Чжан-цзо-лином, по праву считавшимся в то время слугой Японии, должна была выдвинуть своего собственного милитариста, зависящего только от нее. Выбирая перед лицом двух опасностей — национально-освободительного движения и усиления Японии, которое неминуемо должно было иметь место в результате побед Чжан-цзо-лина, — Англия решила, что оба хуже, и начала предпринимать шаги к устраниению столь ненормального положения. Были вызваны к жизни новые силы, остатки чжилийской группировки, которые до своего поражения обективно проводили английское влияние. Генерал Сун-чуан-фан со своими войсками выступил против Чжан-цзо-лина в Шанхае, вытеснил его оттуда и быстро занял провинции Цзян-су и Ань-хой. Быстрому поражению Чжан-цзо-лина люд Шанхаем способствовало как то обстоятельство, что он не успел еще в военном и политическом отношении внедриться в Шанхай, так и то, что Англия экономически доминировала в Шанхае. Но, как и везде, Англия вынуждена была барахтаться в тисках своей собственной двойственной политики. Если, с одной стороны, оттеснение Чжан-цзо-лина от Шанхая необходимо было для противодействия стремлению Японии проникнуть в этот центральный район, то, с другой стороны, окончательное уничтожение его совершенно не было в интересах Англии, которая в этом случае видела неминуемый рост национально-освободительного движения. Кроме того и в противовес собственной чжилийской группировке, Англия хотела держать какую-то силу, которая по своему существу не была бы совершенно противоположна империалистической политике Англии в Китае и при помощи которой можно было бы в известных случаях маневрировать. Такое положение неминуемо приводило к двойственной политике Англии по отношению к Чжан-цзо-лину: не давая ему расширяться дальше известных рамок, вместе тем стараться спасти его от окончательной гибели. В дальнейшем, с поражением тех военных группировок, на которые опиралась Англия, она начинает в большей степени ориентироваться на Чжан-цзо-лина, и таким образом эта двойственная политика дала свои определенные выгодные результаты для Англии. Еще до вступления в борьбу народных армий Чжан-цзо-лин-

ведет переговоры с Англией о займе, и Англия благосклонно выслушивает его просьбу и только слишком быстрый темп событий в то время не дал возможности завершить все это дело в желательном для Чжан-цзо-лина духе. А во время выступления Го-сун-лина английская пресса, во главе все с тем же «Таймсом», вела бешеную кампанию за Чжан-цзо-лина, выставляя его как наиболее последовательного «демократа», единственное лицо, «могущее спасти Китай от разрухи и большевизма». И чем в большей опасности находился Чжан-цзо-лин, тем сильнее раздавались голоса в Англии, требовавшие помочи Чжан-цзо-лину. И если гибель Го-сун-лина физически лежит целиком на совести Японии, то и Англия, конечно, вложила свою лепту в это дело, правда, не физическими способами, а более продуманной, дипломатической игрой, путем втравливания во все это дело Японии, путем целого ряда провокаций, имевших целью спасти Чжан-цзо-лина и поссорить наш Союз с Японией.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Как мы уже сказали выше, в результате роста национально-освободительного движения произошла дифференциация сил в Китае, и если Чжан-цзо-лин оказался по одну сторону фронта с империалистами против революционного движения в Китае, то те военные группировки, которые не были так тесно связаны с империалистами, которые не строили своего существования на содружестве империалистическими странами, оказались по другую сторону фронта, вместе с национально-освободительным движением. К таким военным группировкам, неясно до того времени выраженной ориентировкой, принадлежит целый ряд армий, получивших название народных. К тому времени, как национально-освободительное движение получило такой небывалый размах и глубину, эти народные армии, особенно первая, все ближе примыкали к освободительному движению и об'ективно превращались из обычных военных группировок, мало чем отличавшихся от армий других дуцзуней, в армии восстающего народа. Правда, этот процесс происходил крайне медленно, с постоянными колебаниями и постоянной неустойчивостью, но самый процесс перехода этих армий на сторону национально-освободительного движения на этом первом этапе общенационального фронта не

подлежит никакому сомнению. Размах и глубина национально-освободительного движения все более ускоряли темп развития этого процесса, а под влиянием столкновений с Чжан-цзо-лином этот процесс окончательно оформился. Это в большей степени относилось к первой народной армии, тогда как остальные народные армии,—а их насчитывалось до пяти,—почти ничем не отличались от обычных армий милитаристов. Они в большинстве только формально примыкали к национально-освободительному движению, а по своему духу, по форме и по действиям фактически были милитаристическими армиями.

Самый ход событий того времени развивался следующим образом: после выступления Сун-чуан-фана, который, между прочим, при самом начале военных действий декларировал ряд национально-освободительных лозунгов, что лишний раз доказывает силу освободительного движения в Китае, Чжан-цзо-линь быстро покатился к северу. Сун-чуан-фан смог легко занять две провинции и самый Шанхай и на этом приостановил свое движение. Такая легкость победы была обусловлена тем, что в рядах армии Чжан-цзо-лина, продвинувшейся на юг, уже к моменту выступления Сун-чуан-фана было большое разложение. Часть чжан-цзо-линовских генералов, отправившихся в эту южную экспедицию, быстро эмансипировалась от Чжан-цзо-лина и, потеряв связь с центром в Мукдене, перешла на сторону Сун-чуан-фана. О солдатах местных войск, которые были набраны Чжан-цзо-лином, говорить не приходится,—они вовсе не собирались оставлять родные провинции и следовать к неизвестной судьбе вместе с мукденскими войсками и потому предпочли сразу же перейти на сторону противников Чжан-цзо-лина и остаться у себя дома. Но, пройдя до границы Шаньдуня, Сун-чуан-фан дальше не смог продвинуться. Возможно, что в расчеты Англии не входило так далеко отгонять Чжан-цзо-лина, так как всем, без сомнения, было ясно, что, прогнав чжан-цзо-линовские войска в Маньчжурию, Сун-чуан-фан во-все не был гарантирован в том, что занятые им провинции достанутся ему, наоборот, было гораздо более уверенности в том, что разгром Чжан-цзо-лина был бы в то же время и усилением народных армий, которые, находясь в выгодном стратегическом положении не примирили бы занять и Шаньдунь и Чжили. Кроме того, на границе Шаньдуня Сун-чуан-фан встретил настояще сопротивление выдержаных чжан-цзо-линовских войск под командова-

нием назначенного Чжан-цзо-лином военного губернатора провинции Шаньдунь, ген. Чжан-цзу-чана. Произошла задержка наступления Сун-чуан-фана и некоторая стабилизация положения. Но, имея у себя на фланге народные армии, особенно после того, как вторая народная армия под командой Ио-вей-цзюня продвинулась к границам Чжили и Шаньдуня, Чжан-цзо-лин, естественно, должен был опасаться за судьбу тех своих частей, которые находились в этих провинциях. И так как народные армии, постепенно оформляя свое политическое кредо, становились на севере наиболее важными противниками Чжан-цзо-лина, как основного тогда представителя всекитайской реакции, то Чжан-цзо-лин начал готовиться к столкновению с народными армиями, в первую очередь, с Фын-юй-сяном. Помимо тех войск, которые были в его распоряжении около Тяньцзина, он стянул сильный кулак в окрестностях Шанхайгуаня, на границе с Маньчжурией и навис постоянной угрозой над первой народной армией. Столкновение было неминуемо. В этой борьбе шансы на победу были неясны, так как если у Чжан-цзо-лина было великолепное вооружение и снаряжение, своевременно доставленное ему империалистическими друзьями, то на стороне народных армий было сочувствие и активная поддержка всех сил национально-освободительного движения. Если в армию Фын-юй-сяна начали массами вливаться студенты и рабочие для поддержки и для политической работы, то в армии Чжан-цзо-лина происходил совершенно обратный процесс. Разложение, которое началось еще под Шанхаем, шло быстрым темпом и на севере. Отдельные части и их командиры переходили на сторону народных армий или, в лучшем случае, об'являли себя нейтральными. И, наконец, произошло событие, которое в корне изменило тогдашнюю обстановку. Один из лучших генералов Чжан-цзо-лина, стоявший во главе собранных им в Шанхайгуане отборных войск, ген. Го-сун-лин восстал против Чжан-цзо-лина и двинулся против Мукдена. Положение Чжан-цзо-лина стало сразу критическим. Лучшая и большая часть его войск восстала против него, оставшиеся же войска были в лучшем случае небоеспособными, в худшем — кандидатами на восстание.

Были некоторые войска в тылу Маньчжурии, которые и в мирное время вызывали большие сомнения своей преданностью своему хозяину, а теперь, после ряда восстаний и поражений Чжан-цзо-лина, только и думали, как бы перейти на сторону против-

ников Чжан-цзо-лина. Го-сун-лин начал быстро продвигаться к Мукдену, почти не встречая сопротивления и не ожидая его, так как состояние армий Чжан-цзо-лина он знал, пожалуй, даже лучше самого Чжан-цзо-лина. Казалось, песня маршала была спета, и китайские газеты, говоря об этом периоде событий, в один голос повторяли: «слышится похоронный звон над Чжан-цзо-лином». Экстренные меры, которые предпринимались Чжан-цзо-лином к своему спасению не давали результатов или же давали совсем не то, на что рассчитывал Чжан-цзо-лин: артиллерия переходила к Го-сун-лину, аэропланы перелетали туда же, солдаты толпами уходили к счастливому сопернику маршала. Гибель Чжан-цзо-лина была неизбежна, если бы к нему на помощь не пришли посторонние силы. Как раз в это время английская пресса, с благословения властей, начала экстренную кампанию в пользу Чжан-цзо-лина, подготовляя на всякий случай «общественное мнение» страны к возможным решениям английского кабинета. Очевидно, в это же время были предприняты соответствующие шаги и перед единственной силой, которая физически могла помочь Чжан-цзо-лину — Японией. Впрочем, Японию, особенно японскую военную партию, в этом отношении подбадривать особенно не приходилось. Достаточно вспомнить, что Япония в Маньчжурию вложила 5 миллиардов иен. В Маньчжурии проходит громадная японская железнодорожная артерия, непосредственно связывающая Маньчжурию с Китаем и Кореей, Япония слишком экономически заинтересована в Южной Маньчжурии, чтобы так легко с ней расстаться. Потеря Маньчжурии для Японии равносильна колоссальной катастрофе, по своим результатам превышающей знаменитое сентябрьское землетрясение 1923 года. И так как наступление народных армий (а Го-сун-лин об'явил о своем присоединении к народным армиям и даже назвал свои войска «северо-восточными народными армиями») в худшем случае означало не только изгнание Чжан-цзо-лина, который, при некоторой только неуступчивости в то время по мелким вопросам, все же выполнял в основном пожелания Японии, но и аннулирование неравноправных договоров, на основе которых Япония строила всю экономику Южной Маньчжурии, то немудрено, что Япония начала предпринимать ряд экстренных мер, чтобы чисто военной помощью дать возможность Чжан-цзо-лину спасти положение. Были переброшены новые значительные японские военные силы в Маньчжурию, был издан ряд правил,

которыми фактически запрещалось Го-сун-лину наступать на Чжан-цзо-лина (например, запрещение военных действий в районе Ю.-М. ж. д. и пр. Был также широко использован ряд провокаций, — и в результате Го-сун-лин был под самыми стенами Мукдена разбит, взят в плен со своей женой и казнен. После этого вновь введенные в Маньчжурию японские войска были из нее выведены, остались только стоявшие и раньше охранные войска, английская пресса, успокоившись за судьбу Чжан-цзо-лина, несколько сбавила тон, а Чжан-цзо-лин приступил к своему закреплению в Маньчжурии, в частности, начав наступление на К.-В.ж. д.

Если на севере национально-освободительное движение переживало ряд волн, по временам уходя вглубь и тем самым создавая представление о спаде, то на юге, в Кантоне, эта характерная восходящая революционного движения даже и по внешности не претерпевала изменений. В течение всего 1925 года национально-освободительное движение победоносно развивалось на всей территории Гуандуньской провинции. Конечно, — и это характерное обстоятельство для всего начала периода общенационального фронта, — это движение еще недостаточно затрагивало крестьянские массы — и, в известной степени, и рабочие массы, — но, конечно, постепенно это революционное движение вызывало все более и более возрастающее массовое движение.

Кантон был в это время единственной базой революционного движения в Китае, которое имело, помимо прочих предпосылок, еще и целый ряд материальных факторов. Правительственная власть находилась в руках Гоминдана, армия, боеспособность которой все более и более возрастала и которая становилась по сравнению со своими противниками в пров. Гуандунь определенно непобедимой, находилась также в его руках, финансы постепенно упорядочивались, налоговая система была реформирована, профессиональное движение было признано легальным и даже встречало поддержку правительства. Было приступлено к организации крестьянских союзов, которые ставили себе целью не только улучшение материального положения крестьянства, но и вовлечение его в русло нового строительства. Правда, в большинстве уездов пров. Гуандунь остались на местах старые власти, отношения внутри деревни фактически не потерпели никакого изменения, но все же массы были уже разбужены, начали постепенно втягиваться в революцию, и это придавало особенную силу южному

гоминдановскому правительству. Началась борьба между Кантоном и Гонконгом — английской колонией возле Кантона. Эта борьба носила двойственный характер. С одной стороны, она означала борьбу нового Китая с английским империализмом вообще, (знаменитая забастовка в Кантоне 1925—1926 гг., которая свела почти на нет Гонконг и тем нанесла сильнейший удар по английскому господству вообще в Китае, возникла как результат последних шанхайских событий, следовательно, имеет непосредственную связь с общим национально-освободительным движением). Вместе с тем, с другой стороны, эта борьба тесно переплетается с чисто местными интересами самого Кантона. Если первое обстоятельство притягивало к Кантону симпатии и поддержку всего революционного Китая, то последнее ставило в ряды его союзников, или, по крайней мере, в ряды лояльно настроенных элементов, даже кантонскую китайскую буржуазию, которая видела в революционном Кантоне надежного союзника в борьбе с английским капиталом и ввиду этого мирилась с теми неизбежными жертвами, которые она должна была нести для поддержки кантонского правительства. Те настроения, которые были год тому назад у кантонской буржуазии, — настроения, в значительной степени подогретые Гонконгом и выливавшиеся в восстания «бумажных тигров», — были временно изжиты. Конечно, поскольку кантонская крупная буржуазия была сравнительно тесно связана с иностранным капиталом и включала в себя значительные слои полукомпрадорской буржуазии, это лояльное отношение к революционному антиимпериалистическому движению довольно часто испытывало колебания. Но все же общая линия даже право-буржуазных кругов в этот момент шла по пути антиимпериалистической борьбы, которую вел Кантон, и вместе с тем по пути развертывания рабочего и крестьянского движения. Поддерживая гонконгских стачечников против англичан, кантонская буржуазия, руководившая в то время революцией, независимо от своей воли, усиливала рабочее движение. А, борясь с Чен-цзю-мином и покровительствуя организации крестьянских союзов, она тем самым усиливала крестьянское движение. Но под влиянием тех же обстоятельств, которыми обусловливалось недостаточно полное единство в рядах народных армий, известная связанность отдельных групп китайской буржуазии и интеллигенции с иностранным влиянием, их капиталом, и в рядах партии Гоминдана имело место рас-

хождение во взглядах как в тактических, так и в программных вопросах и в то время. Правда, количество сторонников соглашательской позиции в рядах партии Гоминдана было очень незначительно, и их удельный вес в партии определялся соотношением сил между компрадорскими и полукомпрадорскими элементами китайской буржуазии и всей остальной ее массой, но факт остается фактом: такие настроения имелись, и время от времени в период наибольшего обострения национально-революционной борьбы они проявлялись и вносили некоторую дезорганизацию в единый общенациональный фронт борьбы.

Под влиянием таких настроений небольшая часть Гоминдана на севере Китая открыла свой конгресс, который об'явила единственным полномочным органом партии. Это мероприятие в то время встретило единодушный отпор как со стороны Гоминдана, так и всего национально-освободительного движения в целом. Наиболее право настроенные группы гоминдановцев ставили вопрос о расколе в Гоминдане, о невозможности примирения отдельных точек зрения как раз в тот момент когда для единства общенационального фронта при наличии руководства буржуазии требовалось максимальное единство во взглядах. Таким образом становилось явной затаенная мысль правых элементов партии внести дезорганизацию в ряды партии, добиться соглашения с империализмом и подавить растущее массовое революционное движение. В партийных кругах Гоминдана понимали, что соглашения с наиболее правой группой Гоминдана было достичь трудно, но так как эта группа была малочисленна и не имела за собой никакой массы, то вопрос ставился не в плоскость раскола Гоминдана, а фактического откола небольшой группы, отсечения нездоровой маленькой части партии. С этой точки зрения к раскольническим мероприятиям и настроениям и подошел с'езд Гоминдана, открывшийся 1 января 1926 года в Кантоне. С'езд открылся речью Ван-тингвэя, в которой последний, упомянув о смерти Сун-ята-сена, заявил: «Наша партия уверена в победе национальной революции, и с этой уверенностью мы смело идем по пути, предуказанному нам Сун-ята-сеном». На втором заседании конгресса была принята декларация о сотрудничестве со всеми угнетенными народами, а также вынесен решительный протест против японской интервенции в Маньчжурии. Принята резолюция, одобряющая действия народных

армий и содержащая благодарность СССР В телеграмме, отправленной конгрессом правительству СССР, выражается уверенность в том, что обе страны установят искреннее сотрудничество с целью свержения империализма.

«Советская Россия, — указывается в телеграмме, — является авангардом и защитником угнетенных народов. С'езд обещает завершить до конца национальную революцию и ускорить освобождение угнетенных народов».

Политический отчет ЦК Гоминдана отметил как рост организованности в рядах Гоминдана, так и укрепление положения кантонского правительства. Доклад ЦК по вопросу о работе среди крестьянства отметил рост организованности среди крестьянского населения провинции Гуандунь и то содействие, которое крестьянство оказывало правительству в его революционных стремлениях. Число членов крестьянских союзов удвоилось. В каждом округе Гуандуньской провинции уже существовали крестьянские организации. Свой доклад представитель ЦК Чжан-гу-бо закончил указанием, что без активной поддержки крестьянства революция невозможна. По вопросу о росте рабочего движения конгресс отметил значительное расширение организованного рабочего движения как во всем Китае, так и в Кантоне. Количество организованных рабочих в Китае со времени начала шанхайских событий почти удвоилось, достигая миллиона членов профсоюзов, против 600 000 летом 1924 года. События последнего времени, — говорится в докладе, — в особенности поражение «тигров» и продолжающиеся забастовки протеста против империалистов показали мощь рабочего класса. Но рост Гоминдана отмечался не только в пределах Китая. Заграничные отделения Гоминдана, которые к тому времени имелись не только в Европе и Америке, но и в Индо-Китае и на южных островах, чрезвычайно расширили свою работу, не ограничиваясь только работой среди своих членов. Конгресс постановил подчеркнуть необходимость разъяснения чуждой империализму тактики Гоминдана, об'явил свою солидарность со всеми колониальными народами и решил усилить политпросвещение среди членов партии, находящихся за границей. С'езд постановил отправить циркулярную телеграмму всем китайским и заграничным секциям Гоминдана с призывом ко всем членам партии решительно поддерживать партию в целях осуществления национальной революции.

Рассмотрев вопрос о поведении отдельных членов партии, стремившихся вызвать раскол в Гоминдане, конгресс выявил чисто раскольнические и дезорганизаторские стремления этих членов партии и постановил навсегда исключить из партии наиболее ярких выразителей этих тенденций — Чжоу-лу и Шиэ-и-чи. Менее зараженные этими тенденциями Чу-чен и Ши-чи-ян исключены на год, остальным сделаны предупреждения о необходимости прекратить нападки на ЦК Гоминдана. Таким образом, попытка разложитьвшихся членов Гоминдана, стремившихся поколебать единый общенациональный фронт и устроить соглашение с империалистами, в то время не удалась и фактически свелась не к расколу, как этого им хотелось, а к отколу маленькой группы. Эти незначительные результаты деятельности правых гоминдановцев об'ясняются, конечно, тем, что в то время массовое движение хотя и развивалось быстрыми шагами, но все же не носило такого размаха, который оно приняло к концу периода общенационального фронта.

КАНТОНСКАЯ СТАЧКА И СЕВЕРНЫЙ ПОХОД.

Знаменитая кантонская стачка, продолжавшаяся 16 месяцев, необычайным образом развязала рабочее движение в Кантоне и вместе тем дала толчок к развязыванию и крестьянского движения, так как некоторая часть стачечников была брошена на деревенскую работу, а часть просто разошлась по родным деревням. Одновременно с кантонской стачкой, направленной против Гонконга и вообще английского империализма на юге Китая, в Кантоне происходит целый ряд забастовок и демонстраций, направленных против Англии. Но растет также рабочее и крестьянское движение, направленное и против национальных китайских реакционных сил, в том числе и против китайской крупной буржуазии. Эти обстоятельства должны были неминуемо вызвать под'ем правых настроений, в особенности в трех кругах Гоминдана, которые были тесно связаны английским капиталом. Эта часть кантонской буржуазии, состоящей в первую очередь из компрадоров, а также и других элементов, более тесно связанных с империализмом, уже не раз восставала против революции. Но поскольку революция раньше не имела такого сильного размаха, эти выступления не являлись значительными.

Кантонская стачка развязала противоречия между правыми группами Гоминдана и левой, революционной его частью. Английские империалисты, которые несли от кантонских стачек колоссальные потери, конечно, принимали все меры к тому, чтобы вызвать раскол в революционном движении, чтобы привлечь на свою сторону наиболее тесно связанные с ними элементы, с тем, чтобы, опершись на них, в дальнейшем нанести серьезный удар по самой революции. Этот подъем правых настроений в Гоминдане выявился 20 марта 1926 года, когда Чан-кай-ши, опираясь на верные ему части армии, на определенные слои кантонской буржуазии, смог изгнать Ван-тин-вэя — лидера левой части Гоминдана, и повернуть революционное строительство вправо. Выявляется стремление разгромить рабоче-крестьянские организации, обезглавить движение и взять его в свои руки. Чан-кай-ши в результате этого переворота стал фактически во главе всей власти в Кантоне, как военной, так и партийной и политической. Встретив сильное сопротивление со стороны рабочего и крестьянского революционного движения, Чан-кай-ши и кантонские правые гоминдановцы, чувствуя себя еще слабыми, вынуждены были постепенно на тормозах сдавать свои правые позиции и ослабить нажим на революционные организации. Эта слабость кантонской буржуазии вызвала еще одно обстоятельство, которое в дальнейшем сыграло решающую роль в революции. Кантонская буржуазия и Чан-кай-ши, видя слабость своего влияния в Кантоне, видя все увеличивающееся рабочее и крестьянское движение в Гуандуне, предполагали путем расширения территории кантонского правительства, путем включения новых территорий, окончательно взять руководство революцией в свои руки, чтобы в дальнейшем повести ее по капиталистическому пути. Вновь возникает мысль о северном походе против милитаристов. Конечно, цели кантонской буржуазии при осуществлении этой мысли определены: захватить ускользающее от нее руководство революцией в свои руки. Но наша оппозиция, которая некоторое время мотивировала свои нападки на ЦК и ИККИ, которые одобрили этот поход, этим обстоятельством, все же глубоко неправа. Северный поход самым фактом своего осуществления должен был еще больше развязать массовое рабочее и крестьянское движение, и сама буржуазия и Чан-кай-ши, которые ставили своей задачей захват руководства революцией, возможно, в дальнейшем с целью ее предать, своими соб-

ственными руками помогали массовому революционному движению. Борясь с армиями У-пей-фу, войска Чан-кай-ши должны были прибегать к помощи крестьян, помогать их организации, временами даже их вооружать. Занимая города, Чан-кай-ши вынужден был поддерживать рабочее движение этих городов, так как рабочие были основной силой в этих городах, которая могла поддержать северную экспедицию. Эта экспедиция развязала массовые силы, влила в революцию новые тысячные массы рабочих и крестьян, развязала классовые противоречия в деревне и отчасти в городе и этим самым определила переход революции на новый, более высокий этап — этап аграрной революции.

Самый ход Северной экспедиции показал глубокое разложение в рядах реакционных элементов, в лице У-пей-фу и других генералов, которые выступали против войск Северной экспедиции.

Северная экспедиция смогла на протяжении чрезвычайно короткого срока ликвидировать, казалось бы, значительные силы милитаристов, смогла дать кантонскому правительству власть над новыми территориями, смогла фактически вывести революцию на всекитайскую арену, придав ей (революции) новую материальную базу и новые людские силы, участвующие в революции. Из войск Северной экспедиции из Гуандуня выступили две дивизии 1-го корпуса, весь второй корпус, весь третий, две дивизии 4-го, одна — пятого и две дивизии — шестого корпуса, общее количество этих войск составляло — около 60 000 человек. Из Гуанси выступили три бригады 7-го корпуса, общим числом около 15 000 человек, в Хунани в состав Северной экспедиции вошли три дивизии 8-го корпуса, общим числом около 30 000 человек. В Цзянси уже после взятия Ханькоу, в состав экспедиции вошел 14-й корпус Лай-шин-хуна, с общим числом людей свыше 10 000 человек. Из Гуйчжоу вышел 9-й корпус Пин-хун-чжана и 10-й корпус, общим числом обоих корпусов свыше 30 000 человек, шестая дивизия — правда, это были наиболее слабые, наименее дисциплинированные части, и по своей силе они не могли бы быть противопоставлены даже одной какой-нибудь дивизии из вышедших из Кантона корпусов. Кроме того, в Ханькоу на сторону Кантона перешли две отдельных дивизии Хея-о-цзу, общим числом людей около 15 000 человек — 12-й полк — это были вполне боеспособные части, и при операциях против Цзю-цзяна они составляли главную силу. В Хубее на сторону Кантона перешел 15-й кор-

пус Лу-цзу-лина, общим количеством свыше 10 000 человек, 3 дивизии, часть из них была мало дисциплинирована и не боеспособна. Таким образом, общее число Северной экспедиции к концу, т. е. к моменту подхода к Шанхаю отдельных частей этой экспедиции, составляло уже около 70 000 человек.

Вышедшие из Гуандуня части немедленно после своего похода к границе Хунани пришли в соприкосновение с войсками У-пей-фу, которые к этому моменту также подошли к Гуандуню. Немедленно же после первых столкновений войска У-пей-фу были разбиты, и войска Северной экспедиции пошли на север. Нужно отметить одно чрезвычайно характерное обстоятельство, которое показывает, насколько революционный по своему об'ективному значению была Северная экспедиция; побеждали не только и не столько войска Северной экспедиции, а восстающие крестьянские отряды, которые работали в тылу у-пей-фуских войск. Своими налетами и столкновениями с этими войсками, своей помощью войсками Северной экспедиции они фактически решали дело вооруженных столкновений.

Все эти факты доказывают, что крестьянство ждало эту Северную экспедицию, что она была встречена населением с полным сочувствием. От крестьянства Хунани и других провинций, через которые шли войска Северной экспедиции, они получали полнейшую поддержку, доходившую до активного участия крестьян в вооруженных столкновениях.

Рабочие городов, к которым приближались войска Северной экспедиции, также оказывали всевозможную поддержку, сами вливаясь в кантонские армии. Немалую работу рабочие организации проводили также и в тылу противника, и на фронте, активно помогая наступающим кантонским войскам. Немудренно, что при такой поддержке революции рабоче-крестьянских масс, кантонские войска в чрезвычайно короткий срок прошли через всю провинцию Хунань и несколько задержались на границе провинции Хубей, а затем таким же быстрым темпом пошли по направлению к столице провинции Хубей — Уханю. Ханькоу был быстро взят кантонскими войсками, в Учане же застряли некоторые части У-пей-фу и некоторое время сопротивлялись. Сам У-пей-фу вынужден был быстро эвакуироваться из пределов Ухана и с этого момента фактически сошел со сцены.

Заняв Ханькоу, ликвидировав вооруженные силы У-пей-фу, войска Северной экспедиции направили свой главный удар против Сун-чуан-фана. Сун-чуан-фан так же быстро начал терпеть поражение за поражением, и только естественный рубеж около Цзюцзяна задержал на некоторое время движение войск Северной экспедиции.

Основные кантонские силы, вышедшие из Гуандуна, за время боев в провинции Фуцзян понесли значительный урон; так, потери в 1-м, 2-м, 3-м и 6-м корпусах достигли половины их состава, гуансийские части потеряли около одной трети всего состава. Неменьший урон понесли и другие части. Конечно, наиболее важными являются потери основной кантонской армии, которая расстремляла в боях значительную часть своего людского состава, лучшие силы из командного состава. Чрезвычайно важным является также то, что кантонские армии за время своего движения на север впитали громадное количество новых военных сил, которые в гораздо большей степени были подвержены колебаниям и были наименее обработанными в политическом отношении.

Если считать, что основных кантонских войск осталось не больше 30.000 человек и сравнить это количество с общим числом 170 000 человек, имевшихся в рядах Северной экспедиции к моменту подхода к Шанхаю, то мы увидим, что соотношение будет крайне неблагоприятное. Главные массы кантонской армии состояли уже из попутчиков, которые присоединились к ней под влиянием военных побед кантонских войск. Внутри же эти попутчики почти совершенно не изменились, структура их осталась прежней, командиры также. Поскольку китайская армия до сих пор является еще армией наемной, которая часто переходит с одной стороны на другую, исключительно по воле своих командиров, платящих солдатам жалование, то естественно, что эта новая масса войск, вошедших в революционную армию, должна была коренным образом изменить самый дух этой армии.

Взятие Ухана, который является сравнительно с Шанхаем второстепенным рабочим и промышленным районом — было сильнейшим ударом по империалистам, в особенности по Англии и отчасти по Японии. Поднялась бешеная кампания в прессе. Англия особенно подчеркивала опасность, которая угрожает интересам иностранцев в Китае, требовала принятия экстренных мер для спасения ее интересов, «пока еще не поздно».

В завершение всей этой кампании прессы японский министр иностранных дел Шидехара официально заявил американскому послу в Японии, что Япония не намерена вмешиваться во внутренние дела Китая и ограничится лишь защитой японских граждан. Нежелание Японии таскать каштаны для Англии, с одной стороны, и невозможность пока-что вооруженной рукой воздействовать на кантонцев, занявших Ханькоуский промышленный район, с другой, толкнули Японию на «дружелюбную» позицию по отношению к Кантону, конечно, только до того момента, когда можно будет пустить в ход вооруженную силу без большого ущерба. Во всяком случае, до того момента, пока южные войска еще не заняли Шанхай, единый фронт держав в Китае еще не существовал, хотя Англия так же, как и вскоре после шанхайских событий в мае 1925 года, предприняла все шаги к кому, чтобы создать этот единый фронт так, как она это делает и до настоящего времени. К задержке выступления Японии в Китае ее вынуждало еще одно обстоятельство: 27 октября 1926 года истек срок неравноправного торгового договора, заключенного Японией после японо-китайской войны в 1896 году. Все китайское общественное мнение и значительная часть китайской буржуазии требовали аннулирования этого договора или, во всяком случае, пересмотра его на новых основаниях. Имея в виду колоссальный удельный вес революции в Китае, Японии не так легко было не считаться с этим и решиться на единый фронт с Англией, т. е. фактически на вооруженную интервенцию. Япония точно знала, что в результате этого своего мероприятия она потеряла бы даже и те крохи лояльного к ней отношения, которые могли еще оставаться в Китае.

Она знала, что вооруженная интервенция, как результат единого фронта с Англией, не давая ей фактически никаких особых гарантий к установлению «мирного» порядка в центральном Китае, вместе с тем вызвала бы новое повторение антияпонского бойкота в гораздо более резкой и в более серьезной форме, чем это имело место в 1921 году. Поэтому Япония решила, что для нее гораздо лучше находиться в мирных отношениях с кантонским правительством, поскольку последнее еще не задело своими мероприятиями основные ее интересы в Маньчжурии.

Позиция американского правительства достаточно ярко отразилась в американской прессе, которая начала с этого момента уделять чрезвычайное внимание китайским делам, расхваливая на

все лады китайское правительство и революционные кантонские войска. Когда началось наступление кантонских войск в Ханькоу и Англия начала вести усиленный зондаж во всех столицах о совместном наступлении, американская печать дала единодушный отпор всем попыткам Англии втянуть Америку в активное вмешательство в китайские дела, а государственный департамент, очевидно, произвел нажим на японское министерство иностранных дел, иначе зачем было отвечать Шидехара американскому послу в Японии и заверять его в миролюбивых намерениях Японии.

Такое настроение американского общественного мнения было настолько твердо, позиция американского правительства была настолько ясной, что Англия в тот момент даже не возобновляла своих попыток уговорить правительство Соединенных штатов на единое вооруженное выступление против Китая.

Позиция Франции в китайском вопросе была также в то время весьма недвусмысленной: «Так как дело сейчас идет не о Китае, а о вождях милитаризма, то мы предоставим им самим решить спор между собой и не будем вмешиваться».

Таким образом, оставшись в единственном числе, Англия, не имея возможности создать единый фронт держав против Китая, вынуждена была предпринять шаги самостоятельно. Тон английской прессы по отношению к Кантону сразу понизился, и только изредка раздавались отдельные голоса о необходимости интервенции. Все чаще начали говорить прежде непримиримые сторонники интервенции о необходимости сговориться с Китаем, признавая даже заслуги кантонского правительства в деле воссоздания Китая и т. д. Этот внешне примиренческий тон, конечно, не мешал Англии одновременно с этим предпринимать целый ряд мероприятий чисто военного характера для того, чтобы, в случае необходимости, пустить в ход свои вооруженные силы. Как раз к этому моменту начинается усиленная переброска английских военных сил в Китай, отправка крейсеров и миноносцев. Правда, другие державы на всякий случай также отправляют свои войска в Китай. С другой стороны, Англия продолжает свои шаги по разложению революционного фронта, стремясь перетащить на сторону империалистического лагеря национальную китайскую буржуазию.. В декабре месяце 1926 года английское правительство решилось на такой шаг, который от него трудно было бы ожидать при других обстоятельствах. Английский посланник в Пекине вру-

чил китайскому министру иностранных дел меморандум, который содержал в себе призыв к другим державам изменить политику в отношении Китая. Этот меморандум содержал в себе целый ряд заявлений, которые были определенными авансами в сторону китайской национальной буржуазии. Меморандум обещал целый ряд уступок китайской буржуазии,—уступок, которых она давно добивалась и ради которых фактически вступила в ряды общенационального фронта. Этот меморандум преследовал основную цель—расколоть до сего времени единые ряды общенационального фронта. Но, кроме этого, этот меморандум преследовал и другие побочные цели, конечно, направленные, главным образом, по линии борьбы с революцией. Поскольку этим меморандумом обещалось повышение таможенных пошлин, поскольку реакционная власть на территориях, еще не занятых кантонским правительством, получала возможность пользоваться новыми средствами для борьбы с революцией, в данном случае путем издания такого меморандума Англия пытаясь сразу убить двух зайцев: с одной стороны, расколоть революционные ряды, с другой стороны—помочь реакционным элементам материальными средствами, которые можно было бы этим реакционным элементам использовать в борьбе с революцией. Но этот меморандум имел еще одну характерную черту. На территории кантонского правительства фактически уже были повышены пошлины, и поэтому действие этого меморандума могло распространяться только на территорию, еще не занятую кантонским правительством, а так как такой территорией был только район наибольшего влияния Японии, то, следовательно, помочь реакционерам должна была быть оказана фактически за счет Японии. Этот меморандум вызвал двоякое действие: с одной стороны, английским империалистам удалось действительно поколебать единые до сего времени ряды национального фронта, с другой стороны, он обострил противоречия между отдельными империалистами в Китае. Китайская национальная буржуазия с этого момента начала серьезно думать о примирении с империалистами, об отходе от революции и о достижении своих целей «мирным» путем. К этому ее, конечно, подстегивало и развивавшееся массовое революционное движение, колоссальный подъем революционного движения именно по линии крестьянского и рабочего вопроса. С таким настроением подошел общенациональный фронт к Шанхаяу. Взятие Шанхая, как мы уже сказали выше, было пе-

реломным моментом в этапе общенационального фронта. Прежде всего, чрезвычайно важное обстоятельство заключается в том, что Шанхай был фактически взят не кантонскими войсками, а восставшим шанхайским пролетариатом, и это восстание шанхайского пролетариата, кончившееся его победой, показало чрезвычайно сильное значение рабочего класса в революции. Восстание было проведено силами одних только рабочих, без участия, а иногда и с прямым противодействием шанхайской буржуазии.

Шанхайский пролетариат этим своим восстанием показал свою способность не только участвовать в революции, но и фактически руководить ею. С включением Шанхая в состав территорий, занятых кантонскими войсками, еще более обострились противоречия между революцией в Китае и империалистами. Взятие Шанхая в значительной степени облегчило для Англии возможность если не создания единого фронта держав в Китае, то более тесного контакта их действий, и вскоре это контактирование дало свои результаты. Обстрел Нанкина был совершен не только английскими военными судами, что не было бы удивительно, но и американскими канонерками. Это было уже осуществлением полного контакта действий между отдельными империалистическими державами. Вместе с тем взятие Шанхая подняло массовое революционное движение на небывалую высоту. С этого момента в массовом движении начинается совершенно определенный перелом в сторону высочайшего его подъема. Рабочий класс Шанхая уже чувствовал себя фактическим руководителем революционного движения.

Взятие Шанхая — этого центрального промышленного района Китая — дало революции новый толчок, который привел к дальнейшему развязыванию классовых противоречий не только в городе, но и в деревне. Аграрная революция поднимается все выше и выше, но это же предопределяло и делало «исторически неизбежным» (VII пленум ИККИ) отход буржуазии от революции.

ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЙСКОГО РАБОЧЕГО.

Мы не будем здесь касаться вопроса о росте рабочего движения за время, предшествовавшее событиям последних двух лет констатируем только постепенное нарастание рабочего движения, особенно с 1920 года. Особенный же рост наблюдается в рабочем.

движении именно с 1925 года, когда под влиянием шанхайских расстрелов рабочее движение быстро начинает подниматься вверх. Эти расстрелы немедленно же перевели те экономические цели, которые ставил себе в то время шанхайский пролетариат во время предыдущих забастовок, на политические рельсы. Конечно, этот расстрел не был сам по себе причиной перевода требований шанхайских рабочих с экономической базы на политическую. Он был только последним толчком в этом переломе китайского рабочего движения, которое к этому моменту уже настолько выросло, а сам китайский пролетариат достиг к этому времени такой степени классовой сознательности, что этот перелом был бы неизбежен и без этих расстрелов, правда, с некоторой, может быть, задержкой.

В дальнейшем, с развитием национально-освободительного движения в Китае, даже на первом его этапе — этапе общенациональной борьбы, когда фактически руководителем, особенно в начале его, была китайская буржуазия, — пролетариат все больше и больше выдвигается на первую арену борьбы, постепенно становясь настоящим руководителем революционного движения. За последний год рабочий класс Китая быстро увеличивал свое влияние в революции, двигая ее вперед, толкая на революционные действия и национальную китайскую буржуазию, и, наконец, становится фактическим руководителем революции. За это время китайский пролетариат устанавливает тесный блок с крестьянством и городской беднотой, все более углубляя революцию и переводя ее на новый, более высокий этап — этап аграрной революции.

Для того, чтобы с достаточной ясностью уяснить себе огромный заряд революционной энергии, который скрыт в настоящее время в китайском пролетариате, необходимо, хотя бы в кратких чертах, вспомнить о буквально невыносимо тяжелом экономическом положении китайского рабочего, о полном его бесправии, доходящем подчас до буквально рабского состояния. Вот некоторые данные о положении рабочего класса¹⁾.

Рабочий день. Почти во всех текстильных предприятиях Шанхая установлен 12-часовой рабочий день, хотя имеется целый ряд указаний на то, что в большинстве случаев этот 12-часовой рабочий день повышается до 16 часов. В других предприятиях

¹⁾ Цитирую по отчету 1-й профсоюзной делегации СССР в Китае, Москва, 1927 г., стр. 115 и дальше.

в отношении длительности рабочего дня наблюдается чрезвычайная пестрота. Анкетное обследование зафиксировало продолжительность рабочего дня от 9 до 12 часов, причем наименее продолжительный рабочий день имеется в предприятиях с наиболее высокой техникой, как, например, на судостроительном заводе, на электростанциях и трамвае. Рабочий день мужчин, женщин и детей всюду одинаков. К этим данным делегации можно прибавить целый ряд других данных, которые говорят о гораздо большей продолжительности рабочего дня, особенно в средних по размерам и мелких предприятиях. Нередко можно встретить рабочий день продолжительностью до 18-ти часов, причем, как общее правило, никаких дней отдыха на этих предприятиях нет (Нужно при этом иметь в виду, что данные этого анкетного обследования относятся только к Шанхаю, крупнейшему центру индустрии в Китае, где условия работы гораздо лучше, чем в остальных местах Китая.)

Обеденные перерывы весьма незначительны. В 6 и 28 обследованных предприятий совсем не практикуется перерывов, а в остальных перерыв продолжается 20—30 минут

Ночной труд применяется на всех обследованных текстильных фабриках, а также и на других предприятиях. Причем продолжительность ночного труда та же, что и дневного. Разницы между условиями работы женщин и детей и взрослых мужчин нет. Дополнительной оплаты ночного труда также нет. Дней отдыха, как общее правило, также нет. В некоторых случаях, правда, выходные дни бывают раз в неделю. В четырех случаях лишь 3 раза в месяц, в остальных совершенно не регулярно. При этом выходные дни не оплачиваются.

Заработка плата. В обследованных предприятиях заработка плата представляет следующую картину.

В текстильных предприятиях весьма распространена сдельная оплата, которая практикуется почти на всех обследованных предприятиях. В Китае практикуется удержание с рабочих залога, который вычитывается с заработной платы и является фактически способом дальнейшего понижения и без того минимальной заработной платы. Данные о величине залогов рисуются следующей таблицей (см. стр. 34).

Это удержание залогов, доходящее иногда до 2-недельного заработка, формально рисуется, как гаранция, даваемая рабочим

ДАННЫЕ О ДНЕВНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ (В КОПЕЙКАХ)

Текст. предприятия	Максимум в среднем по предпр		Минимум в среднем по предпр.		Средняя зарплата		Минимум в среднем для детей
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Японские ф-ки	75	67	24	21	39	39	19
Китайские ф-ки		83	21	22	36	39	17
Английские ф-ки	50	45	30	20	св. н	св. н.	16
Проч. предпр.		56	39	25	46	36	18

в том, что он будет бдительно следить за качеством и сохранностью выпускаемой продукции. По существу же, эти залоговые удержания превращаются, конечно, в дополнительный источник увеличения прибыли предпринимателей, т. е. иначе говоря, попросту уменьшают сумму выплачиваемой заработной платы.

Увольнение рабочих зависит, главным образом, от мастера и старосты, причем для того, чтобы избежнуть этого увольнения, рабочим постоянно приходится прибегать к даче мастерам и старостам взяток. При приеме на работу также повсеместно практикуется взятка, которая почти узаконена обычаем. Залоговые удержания из зарплаты при увольнении рабочих обычно не возвращаются, а в некоторых случаях и сама заработка плата при увольнении не уплачивается. На одной текстильной фабрике существует такой обычай, что мужчина может увольняться по собственному желанию, а если женщина захочет получить расчет по собственному желанию, то ей не выдаются ни заработная плата, ни залог.

Штрафы. Для взыскания штрафа основанием является: 1) невыход на работу, в случае несообщения об этом; 2) неаккуратная работа, ошибки; 3) чтение, разговор, смех, отлучка для утоления жажды и т. д.

Минимум штрафа равен 5 копейкам, а максимум доходит до 2-недельного заработка. 2- и 3-дневный штраф практикуется сплошь и рядом. Самое наложение штрафа совершенно произвольно, и очень часто предприниматели прибегают к штрафу для того, чтобы снизить в желательном размере заработную плату рабочих.

Никаких пособий при увечьях, родах и т. д. почти не существует. Точно так же никаких культурно-просветительных учреждений, в том числе и школ, нет.

Квартирные условия. Почти при всех текстильных фабриках имеются казармы — общежития. В этих казармах живет в среднем 7 чел. в одной комнате, причем максимальная цифра доходит до 12, а минимальная — до 3 человек на комнату. Во многих предприятиях расселение производится принудительным порядком. Плата за комнату взимается предприятием в размере около 5 руб. в месяц за комнату, причем максимальная плата доходит до 12, а минимальная — до 2 рублей. Если при этом принять во внимание, что эти комнаты не отвечают никаким требованиям санитарии и гигиены, представляя собой фактически собачью конуру, то и здесь мы увидим определенную тенденцию предпринимателей заработать на рабочем. Ясное дело, что при таких условиях положение, особенно семейных, рабочих крайне тяжелое, вынуждающее их отдавать своих малолетних детей в эксплуатацию. Из 27 предприятий, давших по этому вопросу сведения, по 19 зафиксированы показания «тяжело» или «весельма тяжело». В 7 случаях оказывается, что местные рабочие считают положение своих семей неудовлетворительным, а приезжие — плохим, и лишь в одном случае положение семьи признается удовлетворительным. Конечно, тут следует отметить, что при существующем положении «удовлетворительным» состоянием китайский рабочий считает такое положение, при котором он и его семья ночует не на улице, а в домике или в лодке, и, кроме того, если ему удается два раза в день поесть рису.

Прочие условия труда также чрезвычайно тяжелые. Так, например, некоторые предприятия практикуют принудительное удержание части заработной платы для помещения ее в сберегательные кассы. Ясно, что принудительное отчисление в сберегательные кассы есть не что иное, как дальнейшее урезывание заработной платы, причем значительные суммы скопляющиеся таким образом, поступают в оборотный капитал предприятия.

К общим условиям относятся также варварские способы расправы за воровство. На некоторых предприятиях на вора надевают веревку, привешивают к нему украденный предмет и в таком виде водят человека по улицам, а из одного обследованного предприятия получено указание, что заподозренных в воровстве рабочих за-

ковывают в специальные колодки. Много жалоб в анкетах на побои и произвол со стороны администрации, причем эти жалобы относятся главным образом к английским и японским предприятиям.

Такие условия существуют — нужно иметь в виду, — на текстильных фабриках, сравнительно высоко оборудованных технически, следовательно, на которых материальное положение рабочих сравнительно высоко.

В текстильной промышленности количество мужчин составляет только $\frac{1}{2}$ всего состава рабочих, в то время как количество детей достигает $\frac{1}{4}$, а женщин — больше половины, причем, по этим же анкетным обследованиям, минимальный возраст детей, занятых в текстильном производстве, зафиксирован в 8 лет, а в среднем возраст детей не поднимается выше 11 лет.

Интересные данные сообщает «Чайнис Экономик Бюллетень» (т. X, № 316, 12 марта 1927 г.) относительно забастовок, имевших место в Шанхае за январь 1927 года. Эти сведения для нас сейчас интересны постольку, поскольку из них мы можем составить заключение о положении рабочих Шанхая. Нужно всегда иметь в виду, что положение шанхайских рабочих, сравнительно с положением рабочих других промышленных рабочих, гораздо выше.

Что говорят эти данные? Из требований рабочих и особенно из достигнутых соглашений можно документально вывести данные о зарплате и продолжительности рабочего дня отдельных категорий рабочих в Шанхае. Так, мы видим, что заработка плата в К° «Син-сир» падает до чрезвычайно низких пределов, так как прибавка в 55%дается тем, кто получает от 1 до 5 долларов в месяц, т. е., иначе говоря, ежедневный заработок рабочего в этой компании, в некоторых случаях, равняется всего 3 коп. в день. Причем эта категория не является маленькой категорией. Правда, нужно иметь в виду, что для низших категорий, как общее правило, предоставляется от хозяина готовый стол, но этот стол дает возможность рабочему и служащему влечь самое жалкое послуголодное существование, а семья такого рабочего и служащего никакого стола не получает. Очевидно также, что свыше половины всех рабочих и служащих этой компании получает не больше 20 кит. долларов в месяц. Если администрация после 6-дневной забастовки пошла на установление рабочего дня в 11 часов, то очевидно, что до забастовки был значительно более высокий.

рабочий день. Приблизительно такую же картину мы видим и по другим компаниям.

Заработка рабочих на территории Ухана поднялась за последний год до весьма значительных размеров. Максимальная заработка рабочих Ухана равняется сейчас 54 кит. долл. в месяц, но большая часть рабочих получает не менее 20 долларов. Несмотря на то, что постановлением Политбюро Гоминдана в конце 1926 года зарплата была повышена примерно на 100 ввиду вздорожания за это время предметов первой необходимости, повышение это на улучшении экономического положения рабочих почти не отразилось. Мероприятия же иностранных империалистов и нанкинского правительства по установлению фактической блокады Ухана, значительно ухудшая общее положение в Ухане, одновременно ухудшали и положение рабочих.

Китайский рабочий класс выполняет свое историческое призвание быть руководителем революции и вести за собой крестьянство и городскую бедноту. Китайский рабочий класс, в силу его крайне бедственного экономического положения, должен получить немедленное облегчение своего материального положения, и задачей китайской компартии было — наряду с общими задачами и перспективами китайской революции — поставить вопрос об улучшении материального положения китайского рабочего, о проведении целого ряда мероприятий, направленных к охране труда и т. д. Поэтому совершенно прав был VII расширенный пленум Коминтерна, который еще на первом этапе китайской революции, этапе общенационального фронта, говорил, что «китайская компартия должна агитировать за осуществление хотя бы минимальных требований по улучшению положения рабочих».

При надлежащем проведении этих решений VII расширенного пленума ИККИ китайский рабочий класс получил бы известное облегчение своего материального положения, и таким образом создалась бы непосредственная заинтересованность его в революции. Если сравнить эти требования с положением китайского рабочего, то можно совершенно определенно сказать, что материальный уровень китайского рабочего поднялся бы в чрезвычайно большой степени. Вместе с тем, эти решения Коминтерна совпадали полностью с теми требованиями, которые уже назрели в среде китайского рабочего класса и выдвигались отдельными, передовыми его слоями.

РОСТ ЗАБАСТОВОЧНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Забастовочное движение китайского пролетариата особенное свое развитие получило начиная с мая 1925 года, т. е. со времени знаменитых шанхайских расстрелов. Мы уже описывали ход шанхайской забастовки 1925 г. и знаменитой кантонской стачки, направленной против английского империализма и сыгравшей решающую роль в этом периоде национально-освободительной борьбы в Гуандуне. Если мы возьмем ход забастовок в Шанхае за 1926 год, то получим следующую картину.

В 1926 году в Шанхае было 169 стачек, затронувших 165 предприятий и фирм, и в них было вовлечено 202 297 рабочих, в том числе 12 713 женщин. Действительное число бастовавших рабочих точно не выяснено, так как одни и те же рабочие, возможно, участвовали в стачках более одного раза.

На 129 предприятиях забастовки происходили 1 раз	
19	2
	»
4	5
1	
1	8
1	9

Из этого числа 66 стачек были вызваны дороговизной жизни, а остальные стачки имели причины, прямо или косвенно связанные с обращением администрации с рабочими. Стачки имели 32 различных причины, и забастовщики выдвинули 78 различных требований. В 27 стачках все требования рабочих были удовлетворены, в 50 стачках — лишь часть требований, в 61 случае все требования рабочих были отвергнуты администрацией, в 2 случаях был с успехом об'явлен локаут, в 6 случаях стачечники не выставили никаких требований, в 13 случаях администрация дала обещание рассмотреть просьбы стачечников или расследовать их заявление, — и в 5 случаях борьба была еще не закончена.

Из 165 охваченных стачками предприятий 121 принадлежало китайцам, 24 — японцам, 13 — англичанам, 2 — американцам, 1 — швейцарское, 2 датских и 1 — англо-американское.

Нужно иметь в виду, что стачки зафиксированы только на крупнейших предприятиях. Значительное количество стачек, нигде

не зарегистрированных, возникает в стихийном порядке, главным образом в мелких и средних предприятиях. Если учесть и это обстоятельство, то количество стачек придется увеличить на довольно значительное число, так же, как и количество рабочих, вовлеченных в стачки.

Также обращает на себя внимание и то обстоятельство, что на многих предприятиях забастовки возникали несколько раз, причем в одном случае рабочие бастовали в течение года целых девять раз, т. е. в среднем один раз в полтора месяца.

Часть из этих стачек, как мы видим, была вызвана дороговизной жизни, а большинство имело своей причиной скверное обращение администрации с рабочими. Если мы вспомним те данные, которые приведены в материалах обследования, собранного нашей делегацией ВЦСПС в Китае, которые говорили о буквально варварском обращении администрации с рабочими, то мы можем легко представить себе, насколько основательными были эти стачки. В материале, приведенном цитируемым буржуазным журналом, совершенно не указаны некоторые политические мотивы стачек, а между тем они, несомненно, были. Да и вообще политический и экономический характер стачек в Шанхае, в силу того, что они направлены против иностранных капиталистов, чрезвычайно тесно связаны между собой. Только в половине из общего количества стачек требования рабочих были полностью или частично удовлетворены. В остальной же половине все требования были отвергнуты администрацией. Кроме того, при фиксировании частичного удовлетворения требований официальная статистика очень часто считает удовлетворением даваемые администрацией обещания. Между тем, эти обещания почти никогда не выполняются, лишним доказательством чего служит повторность и многократность стачек на предприятиях. Характерным также является шесть случаев стачек без предъявления каких-либо требований. Это значит что приведенные в отчаяние рабочие не могли ничем выразить своей ненависти к предпринимателям, кроме как бросанием работы. То обстоятельство, что стачки происходили в большинстве на китайских фабриках, еще ничего не говорит, так как количественно китайским фабрикантам принадлежит большее число фабрик и заводов, вместе с тем иностранцам принадлежат наиболее крупные фабрики и заводы.

Еще более характерную картину дает рассмотрение этих стачек по месяцам.

	Число стачек	Охвачено предприятий и фирм	Число стачечников	
			Мужчин	Женщин
Январь		6	8 080	—
Февраль	8	9	4 367	—
Март	14	10	10 251	123
Апрель	10		3 350	—
Май	20	16	11 644	1 010
Июнь	37	78	40 250	10 440
Июль	18	29	26 230	290
Август	12	37	47 721	50
Сентябрь	14	10	15 969	700
Октябрь	6		958	—
Ноябрь	9	8	5 168	—
Декабрь	14	9	13 596	—

Из рассмотрения этой таблицы мы видим, что на май, июнь и июль приходится наибольшее количество стачек. Затем стачки постепенно ослабевают и вновь нарастают к концу года. Точно так же и по количеству вовлеченных в стачки рабочих эти летние месяцы дают наибольшее число.

Нужно еще раз иметь в виду, что в эти стачки не включен целый ряд отдельных мелких стачек, о чем свидетельствуют примечания, приведенные этим же журналом.

Наиболее продолжительная стачка в 1926 году в Шанхае была зарегистрирована на фабрике № 1 Эво Лимитед. Здесь стачка продолжалась 84 дня. Имеются и еще стачки большой продолжительности. Например, стачка 80 дней на производстве деревянных сундуков, 32 дня на японо-китайской хлопчатобумажной фабрике, 30 дней на японской фабрике Нагай Вата Кайся Лимитед, фабрика № 4, и 2-я стачка 27 дней у той же компании, 17 дней на шелкоткацкой фабрике. Наименее продолжительная стачка была на джутовой фабрике Тово, — эта стачка длилась всего 25 минут.

«Чайнис Экономик Бюллетен» в № 316, т. X, от 12 марта 1927 г. приводит интереснейшие данные о забастовках в Шанхае в январе 1927 года. Частично мы уже касались этих забастовок при рассмотрении вопроса о положении рабочего класса в Шанхае.

Мы уже приводили примеры с забастовками на предприятиях «Син-сир и К° Лимитед», Винг-он Лимитед и др.

В феврале месяце в юном только Шанхае количество учтенных забастовавших рабочих равнялось 100 000 человек, а если прибавить к этому рабочих средних и мелких предприятий, то общее число повысится до 300 000 человек. Одна всеобщая забастовка охватила 200 000 рабочих.

В марте месяце забастовочное движение несколько упало, в связи со взятием Шанхая, но все же достигало огромной силы.

На территории уханского правительства мы также имеем значительный рост забастовочного движения. Наряду с этим нужно отметить одно обстоятельство, которое представляет значительный интерес.

Кантонское правительство, а в дальнейшем уханское, принимало целый ряд мер для того, чтобы урегулировать, с одной стороны, рабочее движение, а с другой — натиск предпринимателей против рабочих. Создавались специальные арбитражные комиссии, которые должны были регулировать забастовочное движение и требования, предъявляемые рабочими предпринимателям, равно как и требования обратной стороны. Чрезвычайно показательными в этом отношении являются правила, изданные в Кантоне в январе 1927 года, при помощи которых кантонское провинциальное правительство предполагало ввести в известные рамки рабочее движение. Эти правила фактически действовали и на всей территории уханского правительства. Правда, рабочие в значительном количестве случаев при об'явлении забастовок и при их ликвидации не особенно считались с этими правилами, точно так же как и предприниматели не считали их для себя в достаточной степени обязательными, но, как попытка регулирования забастовочного движения, эти правила весьма характерны. Мы приводим эти правила полностью, со слов «Кантон Газетт»¹⁾.

¹⁾ 12 января 1927 года.

НОВЫЕ ПРАВИЛА, ИЗДАНЫЕ ГОМИНДАНОМ, О РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАБАСТОВОК.

Во время рабочего конфликта купцы призываются соблюдать нижеследующие правила.

1. Во время забастовки союза рабочих не закрывать свое предприятие; хозяин торгового предприятия может выполнять необходимые работы по линии своего торгового предприятия или производства, но не имеет права нанимать других рабочих для работ в его предприятии.

2. Если торговое предприятие или фабрика прекращают торговлю или производство, администрация должна предупредить об увольнении рабочих за месяц вперед и при расчете уплатить за месяц вперед. Предприятия, закрывающиеся без достаточно уважительной причины, обязаны уплатить рабочим за 2 месяца вперед.

3. Рабочие, вернувшиеся с работы после забастовки, будут зачислены на жалование с момента начала забастовки; исчисления будут производиться по увеличенной шкале, но заинтересованные профсоюзы не должны требовать возмещения потерь лиц, подвергшихся этому в период, связанный с переговорами.

4. Торговцы не имеют права организоваться как рабочие, дабы воспользоваться союзными привилегиями и подрывать работу существующих союзов на предприятиях.

5. Существующие «та», или «крупные» купцы, не имеют права состоять членами рабочих союзов, и «сию», или «мелкие» торговцы (разносчики и т. д.), получившие разрешение войти в члены союза с согласия и разрешения уполномоченных союза, имеют право совещательного голоса и право выдвигать кандидатуры (вотировать) официальных лиц на митингах (собраниях), но не имеют решающего голоса и не могут быть избираемы.

6. Во время конфликта торговец не должен нанимать членов другого союза или нанимать себе помощников-штрайкбрехеров. За обнаружение такого явления он подлежит привлечению к строгому наказанию путем задержания в качестве преступника.

При рабочем конфликте рабочие союзы призываются соблюдать следующее:

1 Рабочие или рабочие союзы не имеют права арестовывать купцов или других рабочих, лишать свободы какой бы то ни было.

2. Рабочие или союзы не вправе присваивать товары фирмы или фабрики для собственного потребления.

3. Рабочие или союзы не имеют права блокировать магазин или фабрику и запрещать владельцам работать персонально по линии своего учреждения или предприятия.

4. Никакая рабочая организация не может собирать взносы или зачислять членов до того времени, пока эта организация не будет зарегистрирована своими уполномоченными. Организация во время процесса регистрации может носить название организационной комиссии особого союза. Ни в коем случае союзу не разрешается применять вооруженную силу для привлечения кого-либо в члены.

5. Никакому союзу не разрешается облагать взносами выше регламентированной суммы точных исчислений от учреждений и фабрик.

6. Никакие рабочие вооруженные демонстрации не должны иметь места, и лица, замеченные вооруженными с целью битвы, подвергнутся аресту и наказанию.

Кантон. 12 января 1927 года.

Согласно этих правил купцы (промышленники) не имели права об'являть локаут, в случае же закрытия фабрики администрация обязана была своевременно предупреждать рабочих и уплачивать вперед за месяц заработную плату. Если же предприятие закрывалось без уважительной причины, то и за два месяца вперед. Во время забастовки хозяин не имеет права прибегать к штрайкбрехерам. За время забастовки рабочие должны были получать заработную плату. (Правда, одновременно с этим правительство пытается урезать право заинтересованных профессиональных союзов требовать возмещения потерь для лиц, подвергшихся ущербу во время переговоров.) Запрещаются организации торговцев и предпринимателей с целью использовать привилегии союзов и подрывать работу профсоюзов на предприятиях, запрещается купцам и промышленникам состоять членами профсоюзов. За неисполнение этих правил промышленники, согласно этой инструкции, подвергаются строгому наказанию, на рабочих же налагается обязанность не производить эксцессов по отношению к предпринимателям, не захватывать продукции заводов и фабрик; рабочие не имеют права воспрещать хозяевам торговать

или работать персонально, без регистрации ни одна рабочая организация не имеет права существовать. Точно регламентируются размеры членских взносов; в случае каких-либо эксцессов рабочие подвергаются арестам и наказаниям. Как мы видим, рабочие организации сравнительно с предпринимателями, на основании данных правил, получают гораздо большие права, и известная доля ограничения прав рабочих в этих правилах имеется, но приходится еще раз повторить, что эти правила на местах полностью в жизнь не проводились и носили скорее характер декларации кантонского провинциального правительства по рабочему вопросу.

Несмотря, например, на эти правила и практику уханского правительства в Ханькоу, там все же мог создаться в январе 1927 года ханькоуский торговый союз, в состав которого вошло свыше 10 000 человек. На общем собрании купцов члены его выдвинули четыре статьи в виде проекта. 1) увеличение заработной платы для рабочих; 2) рабочее время должно исчисляться по правилам, установленным обычаем; 3) увольнение и назначение производится по воле хозяина, и 4) обращение с рабочими и служащими должно быть как с равными. Из этих четырех статей наиболее характерными, конечно, являются вторая и третья, ибо по обычаям рабочее время продолжалось 12, 14 и 16 часов, а увольнения и назначения по воле хозяина сводили на нет всякие правила, которые пытались вводить правительство.

Есть еще целый ряд примеров, указывающих на попытку промышленников и купцов обойти законодательные предположения уханского правительства, направленные к облегчению положения рабочих; мы не говорим уже об иностранных предпринимателях, которые совершенно не считались ни с какими правилами, вводимыми уханским правительством, а в случае настойчивости его или мероприятий, предпринимаемых самими рабочими, попросту закрывали предприятия. Если же рабочие препятствовали против такого закрытия, то в это немедленно вмешивались консулы, подкрепляемые вооруженной силой стоящих на рейде в Ханькоу иностранных судов.

В течение последних двух с половиной месяцев 1926 года в Хубее имели место 160 забастовок. Они коснулись промышленных концернов, а также торговых предприятий фабрично-заводской промышленности и транспорта. Точное число бастовавших неизвестно, но считают, что бастовало около 200 000 человек. В 44

забастовках, о которых имеются точные сведения, принимало участие 49 950 рабочих. Забастовка длилась от 1 до 15 дней. В среднем забастовки, о которых имеются точные сведения, длились 5 с половиной дней. Почти все забастовки закончились подписанием договоров, после некоторых уступок с обеих сторон. Правительство в разрешении части забастовок принимало деятельное участие, занимая в общем обективную позицию. В общем предприниматели выражали согласие на увеличение зарплаты, но противились сокращению рабочего дня и настаивали на сохранении права принятия и увольнения рабочих. Предприниматели по другим вопросам охотно шли на уступки. Положение в общем оказалось благоприятным для рабочих, и им удалось добиться удовлетворения почти всех своих требований.

Уханское правительство, кроме того, предпринимало ряд мер и в отношении увеличения зарплаты для рабочих. Так, например, доказательством этого служит «Лист минимума заработной платы, требуемой в Ухане», который дает сведения как о минимуме заработной платы, так и о проведенном повышении зарплаты почти на 100 %

Согласно этому листу заработка должна быть значительно увеличена, в особенности для рабочих и служащих, получающих низшую ставку. Правда, эта низшая ставка действительно крайне низка. 3 доллара в месяц — это недостаточно даже для полуголодного существования, и увеличение с 3 долларов до 6,50 является безусловно недостаточным, равно как и увеличение для других категорий, получающих до 10 долларов. Нужно иметь еще в виду и то обстоятельство, что в Ухане в связи с общим вздорожанием жизни фактическая заработка плата упала чрезвычайно сильно, но все же, хотя максимальная заработка плата рабочего Ухана равнялась в начале 1927 г. 54 долларам в месяц, последующими мероприятиями уханского правительства минимум заработной платы был увеличен до 20 долларов.

БОРЬБА ВНУТРИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И РОСТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОЮЗОВ.

Построение рабочих организаций в Китае до сих пор еще окончательно не закончено в том смысле, что существует целый ряд цеховых организаций, которые представляют собой крайне

отсталую форму рабочей организации. Наряду с этим существуют рабочие профессиональные союзы, организованные по действительно революционному признаку, и организация именно этих рабочих союзов идет быстрыми шагами вперед. Характерно, что с ростом рабочих профессиональных союзов, внутри профессионального движения идет некоторая диференциация. По одну сторону организуются революционные профессиональные союзы, по другую — союзы, примыкающие к предпринимателям. Характерным в этом отношении является пример Кантоне, где существует 3 типа организаций, об'единяемых Советом рабочих представителей, Гуандуньской рабочей федерацией (примыкающей к предпринимателям) и союзом механиков, об'единяющим высококвалифицированных рабочих-механиков. Если первые организации, об'единяемые Советом рабочих представителей, находились под влиянием коммунистов, проводили революционную тактику, то вторые, об'единяемые Гуандуньской рабочей федерацией, были фактически организациями желтого реформистского типа. Недалеко от этой второй организации ушел и союз механиков, который, об'единяя высококвалифицированных рабочих, хорошо оплачиваемых, представляя из себя тип организации, чрезвычайно близко подходящей к реформистским союзам.

Ниже мы приводим таблицу, которая показывает распределение рабочих, организованных в профсоюзы, между этими тремя типами организаций¹⁾.

Данные эти относятся к сентябрю 1926 года, т. е. к моменту начала Северной экспедиции. С тех пор до момента переворота Чан-кай-ши диференциация в среде этих об'единений под влиянием растущего массового рабочего движения пошла дальше. На сторону революционного об'единения рабочих перешла значительная часть рабочих, до этого времени состоящих в об'единениях реформистского типа. Если взять эту таблицу, то мы увидим, что подавляющее большинство рабочих находится именно в революционных организациях, причем некоторые из них (особенно индустриального типа), главным образом, а иногда исключительно, состоят в этом революционном об'единении. Сюда относятся металллисты, текстильщики, печатники и бумажники, рабочие иностранных предприятий (индустриального типа) и т. д. В одной и

¹⁾ Журнал «Кантон», № 10, «Об организации и зарплате рабочих Кантоне».

Производство	Совет раб. представит.		Гуанд. рабоч. федерац.		Союз механиков		В е г о	
	Союз	Членов	Союз	Чле- нов	Союз	Чле- нов	Союз	Членов
Транспорт	20	38 287	3	1 210	—	—	23	39 497
Металлическое	2	2 750	—	—	3	000	5	9 750
Муницип. служ.		9 266	1	300	3	1 325	9	10 891
Текстильное	6	6 109	—	—	—	—	8	6 109
Изгот. питат. веществ.	12	19 400	3	9 360	—	—	15	28 760
Строительное	5	6 402	8	10 260	—	—	13	16 662
Деревообделочное	9	7 447	—	—	—	—	15	10 547
Портные (плат.)	9	363	—	—	—	—	9	7 363
Обувь	3	4 012	—	—	—	—	3	4 012
Печатн. и бумажн		4 608	—	—	—	—		4 608
Жит. медицина	1	2 260	4	4 100	—	—		6 260
Служащие	11	8 224	1	473	—	—	12	8 697
Гравировщ.	3	7 603	1	600	—	—	4	8 203
Рыночн. раб.	8	11 079	1	500	—	—	9	11 579
Табачное	3	4 352	—	—	—	—	2	4 352
Стекольное	2	551	1	1 000	—	—	3	1 551
Раб. иностранных пред- приятий (там.)	1	3 000	—	—	—	—	1	3 000
Спичечное	—	1 200	—	—	—	—		1 200
Другие	21	8 825	7	3 800	—	—	28	12 625
Всего	128	152 738	36	34 803	6	8 323	170	195 866

той же отрасли промышленности рабочие состоят одновременно в разных организациях. Правда, значительное количество металлистов состоит в реформистском союзе механиков, но самое название этого союза показывает, что все другие категории металлистов состоят в революционном об'единении.

В Кантоне профессиональные союзы до сих пор еще не были организованы по производственному признаку. Это может служить доказательством того, что в реформистские и желтые об'единения входят главным образом наиболее высокооплачиваемые категории рабочих и служащих.

В Шанхае тоже существовало это разделение на организаций революционного и реформистского типа. В дальнейшем—после отхода китайской буржуазии от революции — это разделение было ею полностью использовано и дало возможность ей опереться в своем контрреволюционном выступлении даже на некоторые группы рабочих, об'единяемых этими желтыми организациями.

Эти рабочие организации, об'единяемые различными по характеру, целям и задачам организациями, не только стоят обособленно друг от друга, но и ведут между собой борьбу, причем эта борьба использовалась предпринимателями в своих целях.

Буржуазия действовала не только нажимом на кантонское правительство, но и старалась внести разложение в ряды рабочих организаций. Это обстоятельство, совпадающее с чрезвычайным увеличением организованного рабочего движения, лишний раз доказывает все значение этого увеличения.

Переходя теперь к росту профессиональных организаций, мы видим действительно исключительный рост организованных рабочих. Если в 1925 году рабочих, организованных в профессиональные союзы, было только 150 000, то к марту 1927 года их было уже 2 800 000 человек; численность профсоюзных организаций к этому времени по отдельным провинциям была следующая: Чжэцзян и Цзян-су имели 300 000 чел., Хубей — 400 000, Хунань — 365 000, Гуандунь и Гуанси — 520 000, Цзянси — 130 000, Северный район — 10 000, Шаньдунь — 5 000 и отдельно организовано 80 000 моряков. Этот рост организованных рабочих со 150 000 до 2 800 000 человек за 2 года, т. е. увеличение почти в 20 раз, чрезвычайно показателен. Нужно иметь в виду, что до Северного похода во всех провинциях, кроме Шанхая и Кантона, количество членов профессиональных союзов было чрезвычайно незначительно; ко времени же Северного похода, с занятием новых территорий кантонскими войсками рабочее движение шло вперед необычайно быстрыми шагами. С закреплением уханского правительства на занятых им территориях темп этого роста профессиональных союзов не только не сокращался, но, наоборот, увеличивался. Рабочее движение принимало новые, невиданные еще по размерам формы. Рабочий класс действительно становился руководителем революции, ведя за собой крестьянство и городскую мелкую буржуазию. Этот рост массового рабо-

чего движения в организованных формах, безусловно, должен был, наряду с растущим крестьянским движением, путать крупную китайскую буржуазию и толкать, в силу этого, ее в сторону отхода от революции и перехода на сторону реакции.

ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЙСКОГО КРЕСТЬЯНИНА.

а) Размеры землевладений. Классовое расслоение.

Крестьянское движение в Китае особенное развитие получило именно с развитием национально-освободительной борьбы в Китае. Северный поход особенно развязал крестьянское движение. С этого момента крестьянское движение принимает наиболее организованные формы и, постепенно углубляясь, становится настоящей аграрной революцией.

Для того, чтобы понять действительные размеры крестьянского движения и его перспективы, необходимо остановиться на нескольких моментах, определяющих собой всю необходимость этого широчайшего развития аграрного движения китайского крестьянства. Прежде всего, вопрос о распределении земли в китайской деревне. По данным китайского министра земледелия, мы имеем следующую картину распределения земли:

Группа хозяйств	Размер землевла-дения	Количество семей	%	Всего земли	%
Мельчайшее	1—20 му ¹⁾	24 429 000	49,5	244 293 000	15,9
Мелкое	20—40 »	11 685 000		350 560 000	22,8
Среднее	40—75	735 000	15,6	386 763 000	25,4
Крупное	75 му и выше	5 509 000	11,2	550 962 000	35,9

Таким образом, количество семей, владеющих землей меньше 1 десятины, составляет почти половину всех крестьянских семей, в то время как крупных владений свыше 5 десятин немного больше $1/10$ всех семей, а владеют они одной третью всей земли. Конечно, к цифрам китайского министерства земледелия

¹⁾ 1 му — прибл. $1/16$ дес., хотя размеры му различны в разных районах, и даже в одном и том же районе, увеличиваясь иногда в три раза.

нужно относиться крайне осторожно, так как, во-первых, в Китае вообще нет точной статистики, а во-вторых, самая система сбора сведений министерством земледелия крайне несовершенна и основана, главным образом, только на фискальном моменте, но все же, с этими оговорками, эти цифры можно считать дающими основную тенденцию распределения земли в китайской деревне.

Мы имеем, кроме того, в настоящее время целый ряд детальных обследований, правда, ограниченных специальными районами весьма небольшого размера, которые дают известное подтверждение этой общей тенденции, указанной в таблице министерства земледелия. Так, например, известное обследование 102 ферм в провинциях Ань-хой, близ Вуху, дает следующие цифры:

Факторы	Фермы разбиты на группы по величине земли				
	В 10 и меньше	11—20	21—30	В 31 и больше	Итого или в средн.
Число и величина ферм					
Число ферм	14	51	17	20	102
•% ферм, состоящих в группе	13,7	50	17	19,6	100
Средняя величина ферм.	7,9	15,9	25,1	59,8	24,9
Среднее число посевных					
мн	13	27,9	44,8	107,7	44

Таким образом, если мы рассмотрим процентное отношение между отдельными группами, то мы увидим, что количество ферм, владеющих землей от 31 мун и выше, составляет 19,6%. К сожалению, при этом обследовании не было проведено дифференциации владений свыше 31 мун, но во всяком случае, если мы сравним эти цифры (19,6% для владений свыше 31 мун и 11,2% для владений свыше 75 мун, приведенных в данных министерства земледелия), то мы можем увидеть в этих цифрах известное подтверждение тенденции, указанной в цифрах министерства земледелия. Можно предполагать, что дальнейшим повышением размеров землевладения на долю владений, имеющих свыше 75 мун, останется не больше 10%, если не меньше.

Один из наших товарищ, работавших на юге Китая, приводит следующие данные, которые также не особенно расходятся с этими основными данными китайского министерства земледелия, правда, делая некоторые поправки в сторону уменьшения количества крупных собственников:

«На основании собранных нами данных мы утверждаем, что крестьяне-арендаторы, которые составляют 52,1 % сельскохозяйственного населения, не только не владеют товарными излишками урожая, но принуждены примерно с марта месяца уже одолживать зерно для поддержания себя и своей семьи. Крестьяне-полуарендаторы, составляющие 15,7 % сводят с трудом концы с концами, но на рынок также ничего вынести не могут Крестьяне-собственники, если принять во внимание, что обычно они владеют землей не более трудовой нормы одной семьи, также смогут вынести на рынок сравнительно небольшую долю урожая; составляя 19 % с.-х. населения, они владеют 21,4 % урожая. Монопольными поставщиками зерна оказываются помещики, джентри; составляя 2-3 % населения деревни, они держат в своих руках 46,8 валового сбора урожая, что должно составлять почти всю его товарную часть».

Эти данные, которые собраны на основании личного обследования и которые в значительной степени являются результатом только личных впечатлений, вместе с тем являются по существу правильными. Та цифра помещиков и джентри, которая здесь приведена (2-3 %), показывает, насколько далеко пошло классовое расслоение Гуансицкой провинции. Если помещики и джентри, составляющие такой незначительный процент населения деревни, держат в своих руках 46,8 % валового сбора урожая, что составляет почти всю товарную часть этого урожая, то положение остальной части крестьянства, составляющего 97 % населения деревни, естественно, должно быть чрезвычайно бедственным.

Этот же товарищ приводит цифры земельных отношений по уездам округа Чан-у пров. Гуанси, которые тоже являются результатом его личных наблюдений.

Эти цифры чрезвычайно характерны. Помещичья часть почти по всем уездам здесь не превышает 3 процентов, составляя в большинстве своем только 2 % в среднем же 2,2 %. В то же время процент крестьян-собственников не превышает 25,

ТАБЛИЦА 4)
ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ВСЕМ УЕЗДАМ ОКРУГА ЧАН-У ПРОВ. ГУАНСИ.

УЕЗДЫ	Обработанная площадь, наход. в собств.			Разбивка сел.-хоз. населен. на социальную группу.			Земельная рента			В дол.						
	Крестьян	Помешан	Помещиц	Батраки, рабы	Абсолютополи	Долгополи	Помещи-ко-гол	Крестьяне-ко-гол	Срок аренды							
У-чжоу	15	55	25	8	40	30	20	2	60	10	20	70	85	15	50	
Тан-сян	20	50	25	8	40	20	20	2	60	—	—	—	90	10	50	
Юн-сян	25	50	20	13	50	10	15	2	70	—	—	—	100	5	100	
Пел-лоу	15	60	15	10	17	60	10	3	70	10	10	80	90	10	60	
Юн-лин	20	60	15	8	60	10	20	2	60	10	15	75	90	10	50	
Сен-е	30	40	20	5	50	15	3	3	50	15	10	75	90	10	40	
Куй-сян	25	50	20	5	13	45	15	2	50	—	—	—	85	15	—	
Средние цифры	21,4	52,1	20,7	5,8	20,5	52,1	15,7	19,4	2,2	60	11,2	13,7	80	89,3	10,7	58,9

4) Эту таблицу мы ниже используем при решении вопроса о характере аренды.

в некоторых уездах спускаясь до 15, а в уезде Пел-лоу — даже до 10. Количество же арендаторов везде превышает 40% достигая в некоторых случаях (уезды Пел-лоу и Юн-лин) до 60%. Параллельно с этим количество батраков колеблется от 7 до 17% В то же время количество обработанной земли, находящейся у крестьян, не превышает 30% понижаясь в том же уезде Пел-лоу до 15%, а количество земли у помещиков колеблется от 40 до 60% составляя в среднем 52,1% в то время как цифра крестьянской земли в среднем составляет 21,4% почти равняясь количеству родовой земли и земли религиозных общин (20,7%).

Следующие цифры, относящиеся к распределению землевладения в пров. Хунань и Цзянси, правда, касающиеся только количества в процентах отдельных групп населения деревни, также дают картину, близко подходящую к этим основным цифрам, приведенным в данных министерства земледелия.

Провинция и уезд	Батраки	Арендаторы	Полуарендаторы	Независим. землевлад.
	В процентах			
Х у н а н ь				
Уезды: Баочин	20	35		20
Пинцзян	10	40	30	20
Ченсян	25	45	13	1
Ченде	20	28	22	30
Лейян	15	40	31	14
Майян	10	35	28	27
Ц з я н с и				
Уезды: Вансяи		20	30	45
Тзян	5	15	70	10
Нанкин		35	50	10

Возможно, что эти последние данные, которые нами приводятся из официальных материалов крестьянского отдела Гоминдана, относящихся к 1926 году, несколько неточны, но нельзя предполагать, чтобы цифры независимых землевладельцев, куда, между прочим, входят и помещики, были преуменьшены, ско-

рее всего — эти цифры преувеличены. Во всяком случае можно предполагать, что соотношение между помещичьей частью и частью крестьян-собственников остается таким же, как это было указано в предыдущих цифрах, относящихся к пров. Гуанси, так как по своему положению пров. Гуанси составляет нечто среднее между пров. Гуандунь и пров. Хунань.

Приблизительно такое же соотношение между отдельными группами землевладельцев имеет место и в других провинциях южного и центрального Китая. Несколько иное положение, но все же в основном схожее, представляет из себя соотношение отдельных групп землевладельцев в Маньчжурии. Маньчжурия по своему положению, по своей истории занимает несколько своеобразное место в Китае. Ее провинции начали заселяться гораздо позже центрального Китая. Особенный рост колонизации и развитие сельского хозяйства наблюдается только с конца прошлого столетия, и особенно на протяжении двух десятилетий XX столетия.

Е. Е. Яшнов в своем труде «Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии» приводит следующие данные о распределении сельскохозяйственного населения Северной Маньчжурии¹⁾:

«Сельскохозяйственное население Северной Маньчжурии можно разделить на следующие группы, которые, само собой разумеется, не отделены друг от друга резкими границами, а совершенно незаметно переходят одна в другую:

1) Земельные собственники, имеющие избыток земли и сдающие ее в аренду, или за недостатком арендаторов, просто не использующие ее. Сюда можно отнести и таких собственников, которые сами не занимаются здесь сельским хозяйством и часто даже не живут в пределах Северной Маньчжурии. Среди последних встречается немало высших сановников республики: бывших и настоящих министров, членов парламента, генералов и т. п. Подобным лицам с большими связями в свое время легко было приобрести в Северной Маньчжурии у казны за бесценок огромные земельные пространства, которые со временем частью заселялись, частью продолжают еще пустовать. Почти все еще не освоенные земли районов влияния Китайской восточной желез-

¹⁾ Яшнов, Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии, стр. 139.

ной дороги принадлежат собственникам этого типа. Ими же скуплена и значительная масса пустующих до сих пор земель по побережью Амура. Порой владельцами таких крупных латифундий являются не отдельные лица, а целые товарищества.

2) Земельные собственники, владеющие землей в количестве, достаточном лишь для своего хозяйства, т. е. не сдающие и не арендующие посева. Количество этого слоя наиболее значителен.

3) Земельные собственники, владеющие землей в количестве, недостаточном для ведения своего хозяйства, т. е. приарендовывающие посев; таких владельцев довольно много.

4) Чистые арендаторы, не имеющие собственной земли; сюда же экономически можно причислить группу владельцев, имеющих лишь усадебные участки и пашущих на арендованной земле. Этот слой весьма велик.

Так как своеобразные условия сдачи земли в аренду и найма рабочих у местного крестьянства не всегда экономически различимы, то с группой арендаторов непосредственно сливается

5) тоже довольно многочисленный низший слой земледельческого населения края — сельскохозяйственные рабочие, — который, в свою очередь, подразделяется на ряд категорий, начиная с полуарендаторов-полурабочих, уже накопивших кое-какой капитал в виде скота, инвентаря или оборотных средств, и кончая настоящими рабочими, ничего не имеющими, кроме рабочих рук и носильного платья».

Данные, приводимые Е. Е. Яшновым, в известной степени говорят также и о наличии крупнейших остатков феодального строя в Маньчжурии.

Следующая таблица, приводимая Е. Е. Яшновым в том же труде, подводит итоги вышеприведенных категорий земельной собственности (см. стр. 56).

Если мы посмотрим эту таблицу, то увидим приблизительно такое же соотношение между отдельными группами землевладений, какое приведено в цифрах министерства земледелия. Правда, самые размеры землевладений здесь гораздо выше.

Все эти цифры говорят прежде всего о колоссальном малоземелье китайского крестьянина. Свыше двух третей китайского крестьянства имеет количество земли, совершенно недостаточное для получения того количества продуктов, которое необходимо

Колич. хозяйств	В % к итогу	Пределы их землевладения	Средн. размер земле- владения	Общее колич. сел.-хоз. площади у них (млн. шан)	В % к итогу
5 000	0,7	Свыше 150 шан ¹⁾	200 ш.	1,0	8,7
20 000	2,9	75—150 >	100 >	2,0	17,3
75 000	10,7	30—75	40 >	3,0	26,0
300 000	42,8	10—30 >	15	4,5	39,0
250 000	35,7	1—10 >	4 >	1,0	8,7
50 000	7,2	Менее 1 шана	0,5	0,03	0,3
700 000	100	—	16,5 ш.	11,53	100

им хотя бы для голодного существования. Мы здесь не касаемся вопроса о налогах, об арендной плате, всевозможных привходящих обстоятельств, которые в значительной степени понижают возможности китайского крестьянина к получению достаточного количества продуктов своей земли. Во всяком случае, одно несомненно, — что большинство китайского крестьянства не имеет достаточного количества земли, в то время как на другом полюсе у сравнительно незначительного количества помещиков собрано значительное количество земли.

В общем, по данным министерства земледелия, количество обрабатываемой земли, приходящееся в среднем на каждого крестьянина в 18 провинциях собственно Китая, представляет следующие цифры: Чжили — 2,8 му, Хубей — 3,1 му, Шаньси — 1,46 му, Хунань — 1,57 Гань-су — 0,8, Шаньдунь — 4,5, Шенъси — 3,8 Хэнань — 3,3 Сычуань — 1,04, Цзян-су — 2,7 Гуандунь — 1,3 Ань-хой — 2,4, Гуанси — 1,08, Юн-нань — 1,3, Цзянси — 2,6, Гуйчжоу — 0,33, Фуцзянь — 0,41, Чжэцзян — 3 му.

Правда, здесь приходится принимать во внимание различные свойства обрабатываемой земли, различные способы ее обработки, а также и разное количество урожая и разное количественное понятие самого «му» на севере и юге Китая. Но при всех этих обстоятельствах все же можно считать вполне установленным, что среднее количество земли, приходящееся на каждого крестьянина во всем Китае, совершенно недостаточно для хотя бы безбедного существования.

¹⁾ Шан = 10 му.

б) Бюджет крестьянина.

Переходим теперь к бюджету китайского крестьянина, размеры которого в значительной степени зависят как раз от первого обстоятельства — количества земли.

Возьмем цифры обследования 102 ферм в Ань-хое (в китайских долларах).

Факты	Фермы разбиты на группы по величине (в му)				
	В 10 и меньше	11—20	21—30	В 31 и больше	Итого (или в среднем)
Приход и расход					
Приход с 1 обраб. му (в кит. долл.)	20,25	18,15	18,24	18,58	18,46
Издержки на труд на 1 обр. му	14,04	10,31	8,86	7,35	8,84
Приход 1 обраб. му, за вычетом издержек на труд	6,21	7,84	9,38	11,22	9,62
Прочие расходы и %, падающие на 1 обр. му.	12,46	11,45	12,69	11,58	11,76
Чистая прибыль 1 обраб. му	—6,25	—3,21	—3,31	—0,35	—2,14

Эти цифры чрезвычайно показательны. Большая часть крестьянских хозяйств в данном случае имеет определенно убыточный бюджет, иначе говоря, постепенно, год за годом нищает, распродавая свое имущество и землю, иначе им грозит голодная смерть, причем процент убыточности сильно колеблется, достигая у наименее обеспеченных групп китайских крестьян — 6,25 кит долларов с 1 му и падая до 35 центов наиболее обеспеченных групп. К сожалению, как это мы уже указывали выше, в этих цифрах нет достаточной дифференциации внутри наиболее обеспеченной группы, выше 30 му. На основании этой тенденции постепенного понижения убыточности по мере их роста участка можно сказать, что наиболее обеспеченные группы крестьянства (и помещиков) имеют не только безубыточное хозяйство, но и определенно прибыльное, что влечет, наряду с постепенным разорением низших групп, накопление земли у наиболее богатых, усиливая расслоение крестьянства в деревне.

Цифры бюджета крестьянских семейств, приводимые в обследованиях профессора Диттмера, приблизительно совпадают с вышеупомянутыми цифрами.

Все количество обследованных проф. Диттмером крестьянских семейств разбито им на 7 основных групп, из коих первую группу составляют семьи с годовым доходом около 30 мексиканских долларов (1 мекс. доллар приблизительно равен 1 русскому рублю), а последнюю группу — семьи с годовым доходом в 150 долларов и выше.

Расходы семейства разбиты на обычные в подобных исследованиях 5 статей: пища, одежда, свет и отопление, рента и «разное». Последняя статья включает расходы на удовлетворение таких потребностей, как культурные потребности, отдых и праздники, общественные обряды, лечение и т. д.

Приводим некоторые выводы Диттмера, сделанные им на основе анализа этих данных.

Пища. Минимум средних расходов для семьи в 2,5 чел. — 34,2 доллара в год. Максимум для семьи в 4,5 чел. — 132,4 долл. в год. При этом отмечается, что с общим ростом бюджета соответственно уменьшается расход на пищу. В низших группах на пищу идет от 77 до 80 % всего бюджета.

Одежда. Во всех случаях средняя сумма и процент расходов на одежду с увеличением бюджета обнаруживает тенденцию роста. Процент расходов на одежду варьируется от 0,7 до 9,8, а средняя сумма колеблется от 30 центов (копеек) до 18 долларов (руб.) в год.

Свет и отопление. Средняя сумма расходов на свет и отопление с общим ростом бюджета показывает заметную тенденцию роста; такую же тенденцию показывает и процент этих расходов. Минимальной суммой, с которой семья может обойтись, является 6 долларов; если эта сумма превосходит 10 долларов, это считается роскошью. Около половины всего количества семейств тратит на свет и отопление меньше 5 долларов.

Рента. Рента в обследованном районе сравнительно низка. Она колеблется между 5 долл. и 12 долл. в год. В процентном отношении ко всей массе расходов это составляет от 5 до 12 %. Лучший дом в этом районе можно арендовать за 15 долларов в год.

Разные расходы. Размер этого расхода определяется в 1,4% для низших групп и в 5,6% — для высших. В своем исследовании проф. Диттмер особо отмечает отдельные семьи, у которых 90% всего бюджета уходило исключительно на питание; еще большее количество семейств, по собранным сведениям, стояло на таком уровне жизни, когда расход на чай, если, конечно, представлялось возможным приобретать его, попадал в статью расходов на роскошь.

«Но как питается семья в 3-4 человека, если для 83% семей годовой бюджет составляет в среднем 40 долларов? — спрашивает Диттмер. И дальше отвечает: — Два раза в день хлеб, соленая репа и обильное количество горячей воды — таково питание этих семейств». Эта же семья тратит на одежду 30 центов в год. Может быть, эти цифры не очень точны, но в основном они достаточно ясно показывают условия жизни этой группы семейств. Приобретение одежды представляется счастливым событием в жизни такой семьи. Обычно и летом и зимой долгие годы носится одна и та же одежда. Но как в сравнительно холодном климате на севере Китая такие семьи спасаются от холода зимой? «Зимой, — читаем мы у Диттмера, — к концу каждого дня можно видеть целые толпы старых женщин и детей, которые опустошают поля и большие дороги, подбирая все, что только может служить в качестве топлива. Они бросают толстые палки в ветви деревьев, чтобы сбить небольшие прутья, собирают жниво на полях и даже подбирают особыми бамбуковыми граблями сухую траву и листья». В Китае говорят, что каждый год вся страна сплошь «расчесывается» таким образом бамбуковыми гребнями. Живут такие семьи в грязных тесных глиняных лачугах; пол земляной; крыша крыта соломой или тростником. Таковы в общих чертах условия жизни большей части семейств обследованной Диттмером деревни.

Но что делает семья для образования, покупки книг, отдыха, выполнения общественных обрядов и пр. — спрашивает Диттмер: «Как страхуют они себя от несчастий, и сколько они откладывают на черный день? Что делают они, когда заболевают? На эти вопросы, — говорит Диттмер, — мы не можем ответить, точно так же как не смогут ответить и сами жители этой деревни. Если приходит болезнь, это в лучшем случае страдание или смерть. Если наступают черные дни, то тоже значит страдание или такой же печальный конец».

«Китайский экономический бюллетень» в № 229, от 11 июля 1925 года, приводит интересные сведения, относящиеся к бюджету шеньсийского крестьянина.

Общая сумма ежегодных расходов на пищу и одежду взрослого из бедных классов в Шеньсийской провинции достигает цифры меньше, чем 50 долларов, из которых более, чем 80% идет на питание. Общая цена его одежды доходит приблизительно до цифры в 8 долларов, при этом служит ему эта одежда около трех лет. Таким образом в среднем у него уходит в год на одежду меньше трех долларов. К этому надо прибавить 2 пары носков, которые стоят ему около 50 центов, и 2 пары туфель, стоящих ему полтора доллара. Его постель, состоящая из одного одеяла и тюфяка, оба подбитые ватой, стоят ему около 9 долларов и служат приблизительно 10 лет. Средний годовой расход, таким образом, получается в 90 центов. Цена его головного убора в среднем десять центов в год. Для женщин низших классов расходы на одежду те же, что и для мужчин, за исключением в некоторых случаях праздничного костюма, который обходится в 50 центов ежегодно.

Питание составляет гораздо более важную статью ежегодного расхода, хотя шеньсийские крестьяне и рабочие также чрезвычайно скромны в этом отношении. Ежедневная пища шеньсийского крестьянина состоит из пшена или овса, гречихи, маиса, гаоляна или картофеля. Шеньсийский крестьянин ест 2 раза в день, и количество пищи, ежедневно потребляемой взрослым человеком, составляет около $1\frac{1}{2}$ «кэтти» зернового хлеба, стоящих около 30 копперов или немного больше 10 центов (копеек) при этом он один раз всегда вместо хлеба ест картофель, который дешевле хлеба, и таким образом он доводит свой ежедневный расход до 10 центов в день, или 3 долларов в месяц. Что касается других блюд, то бедный крестьянин вряд ли когда-либо ест мясо и редко разные сорта овощей, исключая сырого лука, перца и нескольких капель уксуса и щепотки соли. Ежедневное потребление этих специй стоит несколько кэш или самое большее один коппер (одна треть копейки) на каждого человека.

В Северном Шеньси, где картофель является главным предметом питания большей части деревенского населения, ежедневные расходы на одного человека ниже. Этот низкий уровень жизни

относится также к кули, погонщикам мулов и другим обычным провинциальным рабочим.

Таким образом, ежегодная стоимость питания для бедных крестьян оценивается меньше, чем в 40 долларов, и средняя годовая стоимость их одежды — около 6 или 7 долларов. Всего вместе меньше, чем 50 долларов.

Цифры профессора Диттвера, относящиеся к провинции Хэнань, и цифры «Китайского экономического бюллетеня», относящиеся к пров. Шеньси, в общем совпадают. Они определяют средний годовой бюджет крестьянина этих провинций в 50 долларов в год. Эта цифра, конечно, совершенно недостаточна даже для поддержания голодного существования крестьянина. Средняя цифра семьи в этих провинциях, определенная на основании обследования, произведенного американскими благотворительными обществами во время голода 1921 г равняется 5,2 человека. Следовательно, на одного человека в год бюджет составляет 10 долларов, или 90 центов в месяц, или 3 цента в день. Так как, по заявлению того же профессора Диттмера, бюджет в 40 долл. имеет 83 семей, т. е. большинство крестьянского населения, то очевидно, что этот минимум понижается еще более, и поэтому естественно становится описание нормального питания, которое, конечно, является совершенно ненормальным для большинства китайских крестьян.

А вот материалы анкетных обследований условий жизни крестьянства в провинции Хэнань, уезд Синь-ян, деревня Ван-цзянь: «Земля у бедных крестьян плохая, удобрений почти нет для большого плодородия наносится земля из пустырей. Побочным доходом служит перевозка кладей на небольших одноколесных тачках, что дает в год несколько более 10 дяо (около 4 рублей). Кроме того, от продажи зерна получается доход несколько более 20 дяо (8 руб.). Этой суммы, вместе с побочными доходами, едва хватает на поддерожание существования семьи».

Уезд Ми, деревня Чао-чжен: «Живут крестьяне почти в сараях. Одежду делают сами. Пищу едят очень плохую: едят жмыхи».

Уезд На-ян, село Куан-тай-да: «Ввиду большой скученности, условия жизни на селе очень тяжелые. Питается большая часть селения плохими сортами риса три раза в день».

Уезд Жун-ян, деревня Сяо-моа-цянь: «Живут крестьяне в маленьких темных фанзах, крытых соломой. 3 месяца едят пшеницу, остальные 9 месяцев едят плохую пищу».

Между прочим, в данных, приводимых как в обследовании 102 ферм, так и проф. Диттмера и «Китайского экономического бюллетеня», цифра налогов и ренты определенно низка. Очевидно, все эти обследователи брали только официальные цифры, совершенно не считаясь с тем, что обычно рента и налоги во много раз превышают официальные цифры.

Не лучше положение с бюджетом китайского крестьянина обстоит и на юге Китая. Вот цифры крестьянского бюджета, взятые нами из журнала «Кантон», № 10:

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА БЮДЖЕТОВ ТРЕХ ГРУПП КРЕСТЬЯНСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ.
(в китайских долларах)

(Составлена по данным о годовых расходах и доходах крестьян Нанкинского уезда).

Группа	Доход				Раход								Остаток в год			
	от сел. хоз.	от поб. пром.	от прод. раб.	и	на посев пл.	удобрение	плата батр.	налоги	другие расходы	и т. д.	и т. г.					
	д.	д.	д.	д.	д.	ц.	д.	ц.	д.	ц.	д.	ц.	д.			
Бедняк.	32	15	15	62	1	50	—	55	—	1	40	1	55	57	45	
Середняк.	128	—	—	128	6	40	2	13	—	5	39	5	12	52	115	48
Кулак.	640	—	—	640	32	—	10	67	110	28	42	30	211	09	420	91

В этих цифрах нужно сделать, безусловно, увеличение на налоги. Очевидно, товарищ, обследовавший бюджет крестьян Нанкинского уезда, принимает налоги также лишь те, которые установлены официально, и не учитывает налогов, взимаемых как местными властями, так и провинциальными, и которые, безусловно, во много раз превосходят 1 долл. 40 центов, указанные в этой таблице.

Характерным также является указание на получение известного дохода от побочных промыслов и от продажи рабочей

силы бедняцкой группой крестьян, в то время как две другие группы могут не заниматься побочными промыслами и не продавать своей рабочей силы. Между тем, в бюджете бедняцкой группы, продажа собственной рабочей силы и побочный промысел составляют почти 50 % всего бюджета.

Другие цифры, приводимые нами также из журнала «Кантон», № 10, и представляющие собой обследование бюджета китайского крестьянина-арендатора округа Чан-у пров. Ганьси, дают не менее характерную картину.

а) По Юнлинскому уезду

1) Фактический валовой сбор урожая 2 400 кит фунт. зерна. Сбор двух урожаев — 4 800 кит фунт (считая по обычному на хорошо орошаемых землях урожай сам-30).

2) Номинально-фиксированный урожай — 6 000 кит фунтов в год; при ренте в 50 % (минимальная рента) годовая рента — 3 000 кит фунтов.

3) На хозяйствственные нужды крестьянин должен отложить:

Обсеменение поля	160 ф.
Уплата батраку	200 >
% по долгам	180 >
Удобрение	100 >
Ремонт сел.-хоз. инвентаря	200 >
<hr/>	
	740 ф.

4) На личное потребление семьи остается 1 060 фунтов, равных 10,5 тан, или 52,5 долл. в год.

б) По Пелло скому уезду.

1) Фактический валовой сбор урожая, считая обычным на средне-орошаемых землях урожай сам-20, — 2 000 кит фунтов. Считая 2 урожая — 4 000 фунтов.

2) Рента составляет 60 % т.е. 2 400 фунтов. У крестьянина остается 1 600 фунтов, или 16 тан. Продажная цена после урожая — 4 долл. тан, следовательно, стоимость крестьянской доли урожая — 80 долл.

3) На хозяйствственные нужды крестьянин должен отложить:

Обсеменение	10	долл.
Удобрение	3	
Ремонт инвентаря	5	»
Уплата батраку		»
0% по долгам	10	
Налоги (на минтуань)	1	»
<hr/>		
Итого	34	долл.

4) Остается на личное потребление семьи — 46 долларов.

При мечание. В обоих случаях взята семья крестьянина, имеющая двух работников, использующая, кроме того, труд своих детей, имеющая 1 буйвола либо корову, нанимающая в страду батрака для работы в поле, либо батрачку для домашних работ

По этим двум уездам, остаток в бюджете на личное потребление семьи составляет в первом случае — 52 доллара, во втором — 46 долларов. Эта цифра, приблизительно, совпадает с теми 40—50 долларами, которые приводятся и проф. Диттмером и «Китайским экономическим бюллетенем» и которые составляют голодный минимум.

Рента, которая приведена в этих двух последних случаях, является нормальной рентой, ибо обычно рента не спускается ниже 50% в год, а иногда поднимается до 70—75%. В этом случае бюджет крестьянина можно считать более или менее точно установленным.

При таком состоянии своего бюджета китайский крестьянин вынужден жить в крайне тяжелых условиях, причем это бедственное положение почти одинаково и для крестьянина-собственника и для крестьянина-арендатора и полуарендатора. Крестьянин-собственник в силу такого положения, только ценою отказа себе во всем, даже в самом необходимом, и самой усиленной эксплуатации своего собственного труда и труда своей семьи, пытается удержать свою собственность, что ему удается крайне редко.

Товарищи, производившие обследование бюджета крестьянина на юге Китая, так описывают внешний и внутренний вид жилища крестьянина.

«Внешний и внутренний вид жилища крестьянина-бедняка и середняка не отличается от вида избы арендатора. Это жилище так же низко, темно, грязно, лишено каких бы то ни было следов культуры или комфорта. Свой костюм (трусы и рубаха из грубой синей ткани) они не сменяют в течение всего года и обновляют его не чаще раза в год. Пища их также состоит из жидкой рисовой каши. Рабочий день продолжается у них с весны до глубокой осени с 4 часов утра до 7 часов вечера, небольшим перерывом в полдень на обед. Дети их рано перестают ходить в школу, так как с 8 лет они должны уже заниматься домашним хозяйством — пасти скот делать простейшую работу в поле. Девочек вообще в школу не посыпают 10-летний мальчик, проводящий всю свою юность в поле, наедине коровой, вырастает диким, забитым полуварваром, и все же угроза разорения постоянно висит над этими крестьянами — мелкими собственниками»¹).

в) Налоги.

Выше мы делали указания на то, что налоговое бремя китайского крестьянина во много раз выше, чем это указывается в приводимых нами цифрах официальных обследований. Здесь мы приводим ряд фактов и цифр, которые нами взяты из наблюдений и обследований наших товарищней на юге Китая.

Вот что они говорят²)

«Налоговое бремя, которое несут крестьяне, как владельцы земли, формально не велико, но все горе в том, что поземельный налог служит лишь измерителем платежеспособности крестьянства и затем на этот основной налог делаются многочисленные надбавки и накидки. Собственно говоря, есть только один законный налог — это поземельный.

550 фунтов риса стоят 22 доллара, а налог, который за них платит крестьянин-собственник — 99 центов — 1 доллар. Но затем местные власти обычно начинают делать надбавки на этот основной налог: 10 % на содержание минтуаней, 10 % на содержание школ, 20 % на дорожное строительство и т. д., так что местами, при особом рвении начальника уезда, бывает что этот налог удваивается, а то и утраивается. Но кроме этого

¹) Журнал «Кантон», № 10.

²) Там же.

поземельного налога и начислений на него, крестьянству приходится еще платить за убой скота и рыночный сбор при продаже своей с.-х. продукции, местами подушную подать на содержание отрядов особого назначения, вроде опиумной милиции и т. д. Я здесь говорю только о прямых налогах, не касаясь косвенных, которые постоянно растут так как подсчитать, какой тяжестью они ложатся на крестьянство, довольно трудно. Общая сумма прямых налогов, которые платит крестьянин-середняк, очевидно, должна колебаться между 8 и 11 долл. в год. Надо, однако, признать, что налоговое бремя в Гуанси меньше, чем в Гуандуне».

«Если проследить высоту ренты на хороших и плохих землях, то мы увидим, что крестьянину в сущности безразлично, на какой земле он работает — на хорошей или плохой. Выгода от лучшего качества его земли все равно достается не ему. Так, например, по уезду Сен-е я мог установить 4 вида ренты:

На трудно орошаемых землях худшего качества рента составляет 30% урожая

»	среднего	»	40%
хорошо орошаемых	»	»	50%
»	лучшего	»	70%

«Ряд местных работников Пел-лоу утверждал мне, что до 1920 года обычно рента не превышала 50 урожая, с 1922 г. она поднялась до 60 а 1924 г. достигла 70% урожая».

Приблизительно такую же картину описывает журнал «Чайнис Студентс Монти» (т 22, № 6, апрель 1927 года).

В Гуандуне помещики берут себе 60% собранного урожая. В других провинциях эта доля достигает 70 или 80. Кроме того, арендаторы вынуждены в каждом сезоне подносить помещикам ценные подарки.

Со времени основания республики было установлено семь видов налогов, но в недавнее время это число колоссально возросло. В Цзянси существует, кроме этих 7 более 10 налогов. В Шаньдуне настоящее число налогов в 6 или 7 раз больше ранее установленного. В Хунани налоги собраны уже за 1929 год, в Шеньси — за 1931 год, в Сычуани — за 1932 год. То же самое имеет место в других провинциях.

Эти данные рисуют чрезвычайно характерную картину. Во-первых, здесь имеется прямое указание, что не только в Гуан-

дуне, но и в других провинциях доля помещиков, представляющая собой различные виды налогов и ренты, достигает до 60 и даже до 80 %. Кроме того, здесь имеется указание и на определенный остаток феодальных отношений, вырисовывающихся в обычай подношения помещику в каждом сезоне ценных подарков.

Кроме того, количество налогов, взимаемых местными властями и отдельными эксплоататорскими группами, зачастую превышает в шесть или семь раз эти семь видов налогов.

Налоги собраны вперед за несколько лет причем это является повсеместно распространенным явлением. Кроме точно фиксированных налогов, хотя бы и собираемых незаконно, существует еще целый ряд налогов, которые собираются джентри через посредство минтуаней. Так, например, в Сань-шье милицейский корпус (корпус минтуаней) взимает налог в размере 1 таэля на каждый таэль земельного налога, и каждый крестьянин должен платить ежемесячно по 60 центов. За корову платит 40 центов. Кроме того, существует и ряд других вымогательств: в Суньфо милицейский корпус взимает налог с тутовых деревьев, который фактически составляет почти полную стоимость урожая тутовых деревьев. Существует и ряд других налогов: налог на шелковичных червей, налог на землю, налог на коконы, налог на рыбные пруды, налог на холмы, на поля. Милицейский корпус в Фын-Фоне взимает земельный налог по 1 доллару с каждого му. Юн-наньская милиция взимает налог с прохожих. Облагаются все сельскохозяйственные продукты, которые крестьяне возят в город. Существуют еще налоги на каждое «му» и налоги в пользу гарнизона. В Хуан-чи (Тун-хуан) корпус милиции взимает налог с экипажей. В Чи-шине корпус милиции взыскивает налог с свиней, с опиумом с местной селитры.

В Туаньском округе пров. Гуанси многие джентри собирают подати с инородцев за то, что они — инородцы

В уезде Куанчи местные минтуани и об'единенный уездный штаб пяти минтуаней ввел 20 новых налогов (за каждый дом, за печь для обжигания посуды, за скот за птицу, за рубку дров, добавочный на урожай, за мелкую торговлю и т. п.), благодаря чему добавочные налоги превысили основные государственные сборы по этому уезду в 1923 г. — на 30 % в 1924 г. — на 40 % и в 1925 г. — на 50

Милицейский корпус в Тьен-пе стал взыскивать налог на зерно, в размере 5 кэtti на каждый тан зерна, на расходы корпуса и т. д. и т. п.

Таким образом, для того, чтобы иметь правильное представление о бюджете китайского крестьянина, нужно всегда иметь в виду, что от 50 до 80 % этого бюджета взимаются в виде налогов как местными, так и провинциальными и общегосударственными властями на всевозможные надобности и поэтому от «нормального» крестьянского бюджета в 50 кит долларов в год останется чрезвычайно незначительная сумма на пропитание крестьянина и его семьи. Естественно, что такое, буквально голодное существование, соединенное с настоящим разорением, которому подвергаются крестьянские хозяйства со стороны феодально-милитаристических группировок, толкает его на революционные выступления и стремления облегчить свое существование.

г) Стихийные бедствия.

Еще одним обстоятельством, вызывающим колоссальное разорение крестьянства, являются различные стихийные бедствия, которые сваливаются на разоренного и без того крестьянина, отнимая у него последние крохи, добытые тяжелым трудом.

Примером может служить знаменитый голод 1920/21 г., охвативший пять провинций Северного Китая в результате засухи.

Общее представление о размерах голода дает следующая таблица.

Провинция	Количество уездов, охвачен. голодом	Население	Число пострадавших
Чжили	97	18 819 653	8 736 722
Хэнань		11 461 791	4 370 162
Шаньдунь	35	488 000	3 827 380
Шаньси	76	4 569 497	1 616 890
Шенъси	72	6 504 834	1 243 960
	317	48 843	19 795 114

Наглядным показателем размеров голода может служить картина эмиграции из охваченных голодом районов. Все ж. д. голодавших провинций были переполнены беженцами. Они массами устремлялись через Шаньси и Шенъси в Монголию, а также в Северную Маньчжурию; по скромному исчислению количество беженцев определяется в 1 миллион человек. Главной пищей крестьян голодавших местностей были листья, древесная кора, солома, чертополох. Многие миллионы других крестьян, не зарегистрированных как «пострадавшие», одинаково с «пострадавшими» потребляли эту пищу. В некоторых местах в пищу шла толченая пемза, из которой приготавляли особые сорта сухарей с примесью небольшого количества листьев.

Другим показателем размеров голода являются данные о хозяйственном разорении голодавших масс. «Большая часть народа,—говорится в отчете Пекинского комитета помощи голодающим,—пережила зиму продажей своей земли, своих животных, строевого леса от своих жилищ, мебели и другой обстановки. Из некоторых уездов сообщали, что продано $1/10$ всего числа животных. Животные, которые в нормальное время стоили 60—70 долларов, покупались за несколько долларов в период голода. Только богатые были в состоянии кормить своих животных».

«Падение цен на землю среди земледельческого населения показывает в какое тяжелое состояние они пришли в результате неурожая. Около Лин-мин-гуана в Хантанском уезде (Чжили), земля, стоившая раньше 100 долларов, продавалась по 3-4 доллара. В охваченных голодом уездах Шаньдуня почва, стоившая раньше 100 000 «кэш», продавалась сейчас меньше, чем за 20 000 «кэш» уже посаженной пшеницей; сельскохозяйственные орудия не покупались, исключая только, если они оказывались деревянными и могли быть использованы для топлива».

Еще одним не менее ярким показателем страшных размеров голода могут служить также данные о частых случаях продажи женщин и детей. Такая продажа людей в ряде мест пораженных голодом, практиковалась в широком размере. Большинство продаваемых были молодые девушки, бывали также нередко случаи продажи женщин и до сорока лет. Мальчики продавались как приемные сыновья, для обучения в театрах и, наконец, для работы в промышленных предприятиях или же попросту в рабство.

Во время одного только наводнения 1917 года 5 611 759 человек сделались бездомными. И такие стихийные бедствия стали почти нормальными явлениями в Китае.

д) *Ростовщичество в деревне.*

Крайне бедственное положение китайского крестьянина, совершенная недостаточность его бюджета для покрытия минимальных расходов, связанных с необходимостью обработки земли, толкает его на поиски кредита, и в этом отношении к нему на помощь приходит тот же помещик и торговец, которые за буквально грабительские проценты предоставляют ему взаймы как деньги, так и орудия производства.

Товариши, обследовавшие положение в пров. Гуанси, приводят по этому вопросу следующие данные:

Уезды	Сроки займа		Высота ростовщического процента в месяц	Обеспечение			Ростовщ. капитал предоставлен			
	Кратко-срочные	Долго-срочные		Заклад движим. имущ.	Заклад земли и урожая	Без обеспечен.	Помеш.	Торг.вцами.	Другими	
В										
У-чжоу.	90	10		27	70	3	60	30	10	
Юн-сян	90	10		18	80	2	70	20	10	
Тан-сян	90	10	6	8	90	2	80	20	10	
Пел-лоу	80	20	10	27	70	3	80	20	10	
Ю-лин.	80	20	6	27	70	3	80	20	10	
Куй-сян	90	10	6	25	70		70	25		
Сен-е	90	10	3		90	5	80	10	10	
Средн. цифры	87	13	6,1	19,5		3,8	74,2	20,7	9,2	

Эти цифры характерны в двух отношениях: с одной стороны, они показывают буквально кабальные условия, которые ставятся крестьянину при предоставлении ему займа. В результате этих кабальных условий крестьянин попадает в настоящую крепостную зависимость от своего заемодавца, никогда не имея возможности выйти из этой зависимости и залезая все дальше и дальше.

в долги. С другой стороны, из рассмотрения тех групп, которые являются ростовщиками, мы видим, что именно помещик и в большинстве случаев является и ростовщиком, прибирай при помощи своих ростовщических махинаций к своим рукам крестьянские земли. По всем уездам округа Чан-у, пров. Ганьсу — где произведено это обследование — процент помещиков-ростовщиков на много превосходит процент других категорий, в частности торговцев. Так, по уезду У-чжоу этот процент равен 60, по другим же — даже 80. Средняя цифра составляет 74,2%, в то время как торговцы составляют в среднем только 20,7%, снижаясь в уезде Сен-е даже до 10%.

Группа ростовщиков, отмеченная в приведенной таблице под названием «другие» и составляющая почти везде 10% может быть в значительной степени отнесена к тем же самым помещичьим или близко связанным с ними группам (джентри и пр.).

Еще одно характерное обстоятельство: повсеместно преобладают краткосрочные займы, которые, как общее правило, являются наиболее кабельными, так как крестьянин, будучи связан кратким сроком, почти никогда не может выплатить в этот короткий срок взятой взаймы суммы. Высота процента буквально необычайная. В уезде У-чжоу эта высота достигает 5% в месяц, т. е. 60% в год, следовательно, крестьянин, беря какую-либо сумму взаймы, через год вынужден уплачивать почти вдвое большую сумму. В уезде Пел-лоу — наиболее бедном уезде — этот процент повышается до 10% в месяц, т. е. до 120% в год¹), иначе говоря, сумма, взятая взаймы, через год более чем удваивается, а так как, как общее правило, эти займы переносятся с года на год, в силу невозможности для крестьянина уплатить в срок взятую им сумму, то через несколько лет эта сумма обращается в совершенно непосильное бремя, и крестьянин оказывается буквально в крепостной зависимости от своего ростовщика.

Чисто денежных займов, без обеспечения, в деревне почти нет. Во всяком случае процент их не превышает 5%. Точно так же и залог движимого имущества в среднем составляет цифру только в 19,5% понижаясь в некоторых уездах до 5% в то же самое время залог земли и урожая составляет в среднем 77%, а в некоторых случаях, как в уезде Сен-е, повышается до 90%.

¹) В нашем распоряжении есть сведения даже о ежемесячных 30% т. е. 360% в год.

Это характеризует собой характер ростовщичества и определяет собой отношения между ростовщиками и кредитуемыми или крестьянами.

В другом месте те же товарищи еще раз подтверждают характерное обстоятельство, что помещик в деревне является одновременно и ростовщиком.

«Основой экономического могущества помещиков, помимо владения полями и лесами, является ростовщичество. Фигура ростовщика в деревне большей частью совпадает с фигурой помещика, и это делает для помещика еще более легким опутывание крестьянина-арендатора своими сетями».

е) Остатки феодального строя.

Выше мы приводили ряд фактов, показывающих наличие крупнейших остатков феодального строя в китайской деревне.

Самый факт существования милитаристической системы в Китае не является только показателем раздробленности государственной власти. Социальная природа китайских милитаристов гораздо глубже. Правда, милитаристов нельзя зачислить в разряд обычных, «нормальных» феодалов. Самая история их образования глубоким образом разнится от образования типичных феодалов Западной Европы. Если мы посмотрим на происхождение целого ряда милитаристов (Чжан-цзо-лин, Чжан-цзу-чан, У-цзен-шен и другие), то мы видим некоторый демократизм в их происхождении. Все они вышли или из среды крестьян, перешедших в хунхузы, или же из среды тюмпен-пролетариев; это не мешает им быть представителями феодальной системы. Основная сущность этой системы заключается в том, что отдельные генералы, управляя провинциями и уездами, кормятся со своих владений. Формально не являясь владельцами той земли, которой они правят фактически выколачивая с крестьянства бесчисленные налоги, которые по сути дела являются очень тяжелым оброком, они выполняют те же функции, что и типичные феодалы. Вместе с тем, разделяя страну на совершенно обособленные, независимые провинции, отделенные друг от друга такими феодальными пережитками, как местные таможни, дуцюни и в этом отношении вполне сходны с западно-европейскими феодалами. Вся милитаристическая система в Китае по своему значению и по своему положению

является, таким образом, сходной феодальной системой Европы в средних веках, и поэтому, говоря о пережитках феодализма, приходится в первую очередь говорить о милитаристической системе, имеющей место в Китае, которая своим разветвлением пронизывает всю деревню, а другой стороны, связана империализмом в Китае.

Взаимоотношения между помещиком и крестьянином в деревне также являются в значительной степени пережитками феодально-крепостнического строя. Правда, в китайской деревне типичных по внешности феодалов осталось не так много, но все же в существующих описаниях мы можем найти типичных феодалов, ничем не отличающихся от западно-европейских ленд-лордов.

«В Хоффском уезде — родине Дуань-дзи-чжуя — наибольшим весом пользуются 4 семьи, а именно: семья Ли — наиболее богатая, семья Дуаня — наиболее влиятельная в политическом отношении, семья Чжоу — вторая по богатству и, наконец, семья Ли. Ли принадлежит честь основания первого банка в уезде. В восточной части уезда из каждого пяти земельных участков Ли владеет по крайней мере, четырьмя... Земельные владения Дуаней и Ли лежат в северо-западной и западной части уезда, тогда как владения Чжоу — в юго-западной. Каждая из вышеуказанных фамилий в центре своих земельных владений имеет «вейцзы» — резиденцию, устроенную наподобие крепости. Стоит войти туда, и вы словно попадаете в далекое средневековье. Целая система рвов окружает высокие стены, на которых возвышаются сторожевые башни вооруженными солдатами, стоящими на дозоре. Перейдя под'емный мост вы наталкиваетесь на массивные ворота, за которыми находится оружейная палата, напоминающая музей, наполненный всевозможным оружием, начиная с современного и кончая оружием VIII и IX веков... В этом своеобразном замке сидит лорд-феодал со своими вассалами, воинами, фермерами, слугами, творя суд и расправу в своих владениях, плетя интриги и заключая союзы с другими, подобными ему феодалами»¹⁾.

Товарищ Ивин делает оговорку в том смысле, что такие Хоффские уезды скорее исключение, чем правило, но во всяком случае таких помещиков, как семья Ли, очевидно, имеется не-

¹⁾ А. Ивин, «Большевик», № 6 1926 г.

мало в каждой провинции. В частности, товарищи, работавшие в пров. Гуанси, приводят следующие факты:

«В деревне И-сян Пел-лоуского уезда я посетил дом помещика Лю. Его дом представляет собой крепость, окруженную прудом, очевидно, заменяющим собой рвы, наполненные водой, средневековых замков. Весь дом окружен, кроме того, высокой каменной стеной с бойницами, и над ним высится небольшая башня. Посредине дома — большой просторный двор. Сюда крестьяне свозят зерно во время урожая. В доме этого помещика около 100 слуг. Он получил в наследство от своего отца земли 1 000 тан. И 2 500 тан приобрел еще сам. Этот помещик отнюдь не является исключением. Из всех деревень, которые я посетил, я не видел ни одной, в которой не было бы помещичьего дома, уже по одному своему внешнему виду говорившего о том, что его владелец является господствующим лицом в деревне».

Тот факт, что во всех деревнях, которые посетил цитируемый товарищ, не было ни одной, где не было бы такого же помещичьего дома, говорит за то, что эти «Хофейские» уезды являются не таким уж исключением. Нет никаких данных говорить о том, что и в других провинциях не может быть такого же положения и что этот остаток феодального строя не имеет повсеместного распространения.

Другим характерным моментом, определяющим собою эти остатки феодального строя, пронизывающие все отношения в деревне, помимо ростовщичества, о котором мы говорили выше, является своеобразие арендной системы в Китае. «Чайнис Экономик Джёрнал» (апрель 1927 г.) приводит следующие данные относительно арендной системы в Гуаньюон, в северной части провинции Цзян-су:

«Арендная система в Гуаньюон представляет интересные черты. Во многих чертах она напоминает манориальную систему средневековой Европы. Сходство между арендной системой в Гуаньюон и манориальной системой в средневековой Европе заключается главным образом в след. 1) арендатор в Гуаньюон не только платит землевладельцу арендную плату, но обязан еще выполнять личные услуги, напоминающие барщину в средневековой Европе; 2) безусловное повиновение приказам землевладельца является существенной частью обязательств арендатора, помимо платежа арендной платы и оказания личных услуг; эти обязательства

обычно фиксируются в письменной форме контракта, находящегося на руках у землевладельца, но этот документ еще не совсем похож на манориальный реестр феодального периода в Европе, так как в нем упоминается только обязательство арендатора к землевладельцу, но ничего не говорится об обязательствах землевладельца к арендатору; 3) арендное право землевладельцами формально не признается, и арендатор в Гуаньюон сохраняет свою аренду в зависимости от воли землевладельца. Арендатор не имеет права передать свое арендное право другому арендатору ни за деньги, ни по другим соображениям. Помещики в Гуаньюон предоставляют своим арендаторам не только землю и здания, но также посевный материал, скот, и, в частности, волов».

Если мы внимательно рассмотрим эту систему, которая не является исключением, а повторяется во многих случаях, то мы увидим чрезвычайно характерные для полу-феодального строя моменты. Так, арендатор не только платит арендную плату, но и обязан выполнять целый ряд личных услуг, напоминающих барщину.

Арендатор обязан беспрекословно повиноваться во всех отношениях приказам землевладельца. Арендное право арендатор сохраняет в зависимости от воли землевладельца. Притом помещики предоставляют арендаторам не только землю и здания, но также и орудия производства и посевной материал.

Если мы обратимся к уже приведенной нами таблице, касающейся земельных отношений к округу Чан-у пров. Гуанси, то в отношении формы ренты мы увидим следующую картину:

Уезды	Форма ренты	
	Натуральная	Денежная
У-чжоу	85%	15%
Тан-сян	90%	10%
Юн-сян	95%	5%
Пел-лоу	90%	10%
Юн-лин	90%	10%
Сен-е	90%	10%
Куй-сян	85%	15%
В среднем	89,3%	10,7%

Таким образом, преобладающей формой ренты является натуральная рента, притом это преобладание настолько решающее,

что денежная форма ренты в некоторых случаях опускается до ничтожной цифры в 5% и нигде не превышает 15%

Имеется, кроме того, целый ряд указаний на то, что натуральная рента составляет в подавляющем большинстве — во всем Китае — преобладающую форму.

«В провинциях Хуань и Цзянси огромное большинство крестьян или вовсе не имеют земли, вследствие чего вынуждены арендовывать ее у землевладельцев, или же владеют такими малыми участками земли, что должны приарендовывать землю дополнительно. Арендная плата чрезвычайно высока, причем она выплачивается не деньгами, а главным образом земледельческими продуктами, что влечет для арендатора высокие потери. Обычная арендная плата составляет 50—60% урожая, во многих случаях — 70—75%. Так как арендуемые участки в среднем равны всего 10—15 му, редко превышая 20 му, то легко видеть, что, когда арендатор отдает половину или две трети своего урожая собственнику участка, ему не остается необходимого для самого скучного существования»¹⁾.

В Китае существует целый ряд пережитков, которые являются прямым наследием феодального строя. Ряд обязательств, которые несет арендатор по отношению к помещику, не укладывается ни в какие капиталистические формы и рамки и вообще не поддается учету, хотя эти особые права помещика обходятся крестьянину не совсем дешево. Так, например, по всей провинции Гуанси существует обычай, что после сбора урожая и на новый год арендаторы подносят различные подарки помещику. В некоторых уездах этой провинции существует обычай одаривать детей помещика. Продукты своего огорода крестьянин непременно должен посыпать помещику. В особых случаях, когда помещик строит дом или предпринимает какие-либо другие работы, он имеет право пользоваться бесплатным либо очень дешевым трудом арендатора, причем, конечно, бесплатный труд преобладает. В южной части уезда Пел-лоу существует обычай, по которому помещик, не получивший в срок от своего арендатора арендной платы, забирает дочь крестьянина до тех пор, пока отец не выкупит ее.

¹⁾ Журнал «Кантон», № 10

Официальные донесения одного из штабов дивизии кантонской армии говорят о существовании настоящего института крепостного права в пров. Гуандунь. Этот факт удостоверен результатом расследования, произведенного членами политотдела 12-й дивизии. При этом обследовании установлено, что эти невольники-крестьяне являются собственностью лендлордов (помещиков), лишенные собственности и права бракосочетания.

Официальное существование института невольничества в провинции Гуандунь привело даже к изданию в начале 1927 г. специальных правил, касающихся запрещения рабства.

«Кантон Газетт» от 8 января 1927 года говорит следующее:

«Опубликованы специальные мероприятия для прекращения худшего вида притеснения крестьянства — рабства. В случаях не-доимок арендной платы, дело должно быть передано в бюро для решения. Постановления бюро обязательны.

Строго воспрещается рабовладельчество. Бросаются в глаза наихудшие злоупотребления системы рабства. Говорят что в некоторых округах имеются рабы, которым уплачивается только три медяка в месяц, и которые обязаны в случае женитьбы и в других формальных случаях давать своим хозяевам подарки».

Повсеместно существует обычай уплаты рабочим фермы не деньгами, а натурой. Этот вид уплаты установлен как для Гуандуньской пров., так и для Чжэцзяна, Хэнани и других провинций. Мы не говорим уже об обычай купли и продажи девушек, который имеет место также повсеместно. Гоминдановское правительство в начале января 1927 года вынуждено было даже издать специальные правила по ликвидации этого вида невольничества и об'явило все контракты купли и продажи незаконными.

Существует также обычай, согласно которому помещик берет себе десятую часть всего урожая в свое исключительное пользование и только остальные 90 % распределяются поровну между помещиком и арендатором.

Самый институт джентри в деревне также является продуктом средневековых феодальных земельных отношений.

Таких примеров, характеризующих чрезвычайно сильные остатки феодального строя в деревне, можно было бы привести тысячи. Из этих примеров становится совершенно ясной ошибочность взглядов оппозиции, которая, в лице т Радека, отрицала

наличность этих остатков и сводила всю борьбу в Китае к борьбе с одной только буржуазией.

Между прочим, в качестве единственного доказательства отсутствия остатков феодального строя в Китае тов. Радек приводит слова Иоакинфа¹⁾.

«В Китае почти все земли принадлежат собственникам. Каждый, не разбирая сословий, преимущественно старается иметь часть капитала в землях, ибо сей капитал приносит верные доходы и, сверх того, не подвержен никаким непредвидимым опасностям, исключая политических переворотов. Но обладание землями никому не дает названия помещиков».

Из внимательного рассмотрения этих слов монаха Иоакинфа можно уже сразу вывести всю ошибочность и формализм тов. Радека в определении наличия остатков феодального строя в Китае. Иоакинф, который является одним из лучших знатоков Китая своего времени, в конце этой цитаты говорит о том, что «обладание землями никому не дает названия помещиков», между тем в остальных своих произведениях тот же Иоакинф повсюду употребляет слово «помещики». Если стать на точку зрения монаха Иоакинфа, который имел перед собой образцом наших русских помещиков, то, конечно, китайские помещики имеют чрезвычайно существенные отличия от русских помещиков. Вместе с тем, по существу, сам Иоакинф не отрицает наличия института помещиков в китайском смысле этого слова, функции которого почти ничем не отличаются от функций русского института помещиков. Иоакинф со свойственной ему склонностью к точности, тем более, что в цитируемом произведении он поправлял некоторые ошибки Круzenштерна, делает различие между китайскими и русскими помещиками, но это различие в значительной степени является только формальным. Тот же Иоакинф в своих поправках к ответам Круzenштерна указывает что «в Китае есть дворянство и личное и наследственное. Личными дворянами считаются все чиновники и получившие ученую какую-либо степень. Преимущество их перед простолюдинами в том состоит что они освобождены от земских повинностей и коленопреклонений в суде; избавлены от телесного наказания, которое заменено снятием чинов, лишением должностей и вычетом жалования. Даже от-

¹⁾ Иоакинф, Китай, 1840 г., стр. 339.

смертной казни за известные преступления дозволено откупаться Наследственными дворянами должно считать дальних родственников ныне царствующего к Китае дома. Они все имеют чин 8-го класса и получают солдатское жалованье. В дивизиях маньчжурских и монгольских находятся наследственные чиновники, но здесь наследство со всеми преимуществами переходит только к одному человеку. Прочие же его родственники считаются простыми, хотя право наследования по роду ни у кого из них не от'емлется».

Если бы тов. Радек не выхватил наугад фразу, которая формально как будто бы доказывала отсутствие в Китае помещиков, а, следовательно, по мнению тов. Радека, и отсутствие остатков феодального строя, а взял бы и проанализировал внимательно все произведения Иоакинфа, причем подошел бы к вопросу более об'ективно и по существу, то, конечно, этого факта, указываемого в приведенной цитате Иоакинфом, он не мог бы упустить. Иоакинф здесь прямо указывает что в Китае есть дворянство и личное и наследственное, причем определенно указывает что наследственными дворянами со всеми правами являются родственники всех степеней царствовавшей в то время в Китае династии. Кроме того, Иоакинф указывает также на наследственность чиновников и на систему майората. Все эти моменты, конечно, не являются доказательствами точки зрения тов. Радека об отсутствии остатков феодального строя в Китае в середине прошлого столетия.

Правда, оппозиция в настоящее время молчаливо отказалась от своей ошибки в этом вопросе, но что же она могла сделать вообще, если против нее громко говорит бесчисленное количество фактов, взятых непосредственно из самой китайской действительности?

Между прочим, тот же Иоакинф в этих же ответах, которые тов. Радек так невнимательно прочитал, приводит и еще один факт, который бьет прямо против доказательств тов. Радека.

«Хотя в Китае все почти земли принадлежат собственникам, но правительство обложило оные небольшим оброком, который составляет главную статью государственных доходов и собирается серебром и частью хлебом. Поземельный оброк положен по доброте почвы, разделяемой на лучшую, среднюю и низшую... По отчету, обнародованному Палатой финансов в 1812 г., государственные доходы в каждой из помянутых частей простирались: сбор поземель-

ный серебром до 27 285 650 лан, хлебом—4 082 070 мешков (сборный казенный мешок содержит в себе 5 пуд. 32 фун.)... Сверх изложенных сборов находятся мелкие местные налоги, которые в сложности составляют значительную сумму. Двор содержит доходами удельных земель, которые простираются до 156 000 лан серебром. Сверх всего, ежегодно получает до 12 000 ясачных соболей, 140 гинов корня жень-шень и до 1 000 зерен восточного жемчуга (вместо соболей принимают шкуры и других зверей)».

В этой цитате Иоакинф определенно указывает на существование системы удельных земель, на доходы с которых содержался императорский двор. Причем, хотя он и определяет эти доходы в серебряных ланах, но поскольку выше он указывает на смешанную систему (натуральную и денежную) поземельного налога, постольку можно считать, что и эти доходы удельных земель также были смешанными, и Иоакинф только для удобства определяет их единообразной денежной формой. Также весьма существенным является и его замечание по поводу сбора оброка в серебре и хлебе, а также и обложenia подчиненных народов натуральной податью.

Все эти моменты, характеризующие наличие крупнейших остатков феодального строя в китайской деревне, в корне опровергают рассуждения оппозиции по поводу отсутствия этих остатков и, следовательно, незаинтересованности крестьянин в борьбе именно против этих остатков. При этом рассуждении оппозиции самый смысл аграрной революции становится под большое сомнение, и логическим выводом из рассуждений оппозиции было фактическое отрицание аграрной революции в Китае и необходимости немедленного перехода революции на социалистические рельсы. Самое заострение вопроса вокруг борьбы только

китайской буржуазией, связанное отрицанием наличия остатков феодального строя в китайской деревне, показывало искусственно и схематическое построение рассуждений оппозиции, основанное на неправильных предпосылках.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДЕРЕВНЕ.

Массовое движение крестьян, направленное к улучшению их безвыходного экономического положения, должно было естественно встретить сопротивление помещичье-феодальных группи-

ровок, которые в китайской деревне самого начала возникновения этого массового движения приняло организованные формы.

Наиболее организованным это противодействие помещиков и джентри растущему крестьянскому движению стало после Северной экспедиции, и это понятно, так как сопротивление помещиков возрастило именно по мере роста массового крестьянского движения. Это сопротивление шло как по линии организации тайных и официальных обществ внутри крестьянства, об'единяющих кулацкие и зажиточные элементы в его среде, так и по линии борьбы особого милицейского корпуса (минтуаней) с крестьянскими организациями.

«Гайд Уикли» в № 181 от 6 января 1927 года приводит интересные факты, относящиеся к противокрестьянским организациям в пров. Хунань.

«Джентри, кулаки и все реакционные силы во всех местностях стали собираться. 1) Они тайно организовали три общества «общества охраны богатства», «общества охраны имущества» и «белое общество». Открывают областные, сельские и городские союзы. 2) Они агитируют, что крестьянские союзы — это вымогатели; они говорят что, когда придет У-пей-фу, он срубит головы союзам; этим они хотят устрашить крестьян, чтобы они не вступали в крестьянские союзы. 3) Они говорят что крестьянские союзы хотят общности имущества. 4) Они организуют крестьянские союзы ложными программами. 5) Они проникают в крестьянские союзы, чтобы взять руководство ими в свои руки, или, если это не удастся, чтобы внести смятение. 6) Выдвигают религию и суеверия, чтобы настроить крестьян против союзов. 7) Проникают в партию Гоминдан, чтобы угнетать крестьян, захватить в свои руки управление крестьянскими союзами. 8) Говорят о поражении войск Северной экспедиции. 9) Имеют контакт правым крылом Гоминдана. 10) Нарочно поднимают крестьянские мятежи разгромами налоговых управлений, чтобы вызвать сочувствие противокрестьянскому движению. 11) Пользуются отрядами обороны, чтобы угнетать крестьян, убивают крестьян, рассеивают крестьянские союзы».

Из рассмотрения этих 11 способов противокрестьянской работы реакционных сил деревни можно составить определенное впечатление о степени активности этой работы. Тут и организация обществ, которые ставят себе задачей борьбу с крестьян-

скими союзами; тут и провокационная агитация с целью устрашить крестьян; тут и организация лжекрестьянских союзов и проникновение внутрь крестьянских союзов, чтобы взять руководство ими в свои руки; тут и использование религиозных предрассудков и партии Гоминдан, контакт с правым крылом Гоминдана, с целью использовать его лозунги и расколоть руководство крестьянским движением, тут и провокационные крестьянские мятежи с разгромами налоговых управлений, чтобы оправдать в будущем движение против этих так называемых эксцессов, тут и использование отрядов самообороны и минтуаней и так далее.

Эта провокационная работа джентри и помещиков в китайской деревне началась еще раньше Северного похода, но, как мы уже сказали выше, с началом Северного похода деятельность реакционных группировок в деревне приобретает в результате растущего массового движения, наибольшую активность. «Гайд Уикли» в № от сентября 1926 года приводит данные о том, что уже в это время реакционеры в деревне начали работу по организации в среде гуандуньского крестьянства своих собственных организаций, которые они противопоставляли крестьянским союзам.

«Реакционная партия сейчас имеет две организации в среде гуандуньского крестьянства.

1) Общество работников «песчаных полей». Оно уже давно посыпало проект своего устава в рабоче-крестьянский союз, но не получило разрешения. Главный орган этой организации в провинции Хэнань. Разветвления этой организации существуют в Дунь-юань, в Шунь-дэ и в некоторых других местах. Лидеры этого общества разъезжают для организации по всем уездам. Они обладают большими денежными суммами и иногда играют руководящую роль.

2) Крестьянский отдел в уезде Чжун-шань, Автономное крестьянское общество в Шунь-дэ. Но так как эти общества чувствуют, что крестьянские организации сильны, то они только думают о том, чтобы захватить в свои руки часть их членов и изнутри разгромить крестьянские организации».

Между прочим, об использовании джентри религиозных предрассудков крестьянства в целях борьбы с революционным движением в деревне имеется целый ряд фактов, из которых мы приво-

дим только один: «В деревне Фудиси Юн-линского округа пров. Гуанси местные джентри созвали целую толпу женщин-крестьянок и атаковали школу, заведующий которой молодой учитель-гоминдановец воспользовался храмовым колоколом для своей школы; в результате этого разгрома революционное движение в этой деревне вынуждено было фактически уйти в подполье. Вообще в этом уезде, по отзывам наших товарищ, джентри сумели поднять довольно большие группы крестьянства против юн-линских уездных партийных учреждений Гоминдана, когда последние хотели занять помещения буддийских храмов под деревенские школы. Впрочем джентри не упускают из виду также и способа обработки крестьян через школьное дело. Обычно школьное дело в этой провинции также находится в руках джентри. Захват школьного дела джентри и помещиками облегчается тем обстоятельством, что правительство слишком бедно для того, чтобы снабжать деревенские школы достаточными материальными средствами, и последние в своем существовании часто зависят от родовых и храмовых доходов, находящихся в распоряжении джентри. Это обстоятельство ведет конечно, к тому, что реакционный дух царствует в школах. Детям продолжают набивать голову всяkim хламом».

Но особенное развитие противокрестьянской борьбы идет по линии корпуса минтуаней (милицейского корпуса), руководимого джентри и помещиками. Вообще говоря, в китайской деревне нет более ненавистного института, чем именно этот корпус минтуаней. В Нанинском уезде один работник крестьянского союза говорил нашему товарищу: «У минтуаней есть 5 видов работы: арестовать крестьянина и требовать него штрафные деньги: 1) либо за то, что он сам бандит 2) либо за то, что его брат бандит 3) либо за то, что он связан с бандитами, 4) либо за то, что он скрывает бандитов, 5) либо за то, что он не борется

бандитами. Говоря проще, под видом борьбы бандитами минтуани занимаются грабежом крестьянства. Эти штрафные деньги, которые берут с крестьян за вымышленную связь бандитами, так широко распространены, что имеют даже специальную кличку «хао-хунь». И крестьяне заранее откладывают деньги на случай необходимости платить этот оригинальный налог... Что минтуани занимаются самовольной раскладкой и сборами различных подушных податей, — само собой понятно. Все

крестьянство считает минтуаней своим главным врагом, и первое требование, которое предъявляют крестьянские организации, всегда одно и то же: уничтожение либо реорганизация минтуаней».

Доклады наших товарищ из пров. Гуанси так рисуют «работу» минтуаней.

Основным орудием угнетения крестьянства являются минтуани. В отличие от того, что рисуют гуандунские доклады, минтуани не являются здесь вольнонаемными помещичьими отрядами, они считаются здесь как бы правительственною милицией, навербованной чиновниками, являющейся частью уездного правительственного аппарата, содержащейся за счет налоговых поступлений, с земледельцев и подчиненной в каждом уезде специальному штабу минтуаней. Но это — внешняя оболочка, фактически же минтуани почти повсеместно являются опорой помещиков и джентри в деревне, и все административные и командные должности в минтуанском аппарате заняты их ставленниками. В любом городе и в частности во всех 9 уездах, которые я посетил, штабы минтуаней являются гнездом самых реакционных групп, которые еще опаснее, чем гуандунские минтуани, ибо прикрывают свою реакционно-помещичью сущность ширмой государственной «внеклассовой организации». Аресты крестьян за неуплату ренты помещику или процентов ростовщику, контрреволюционная агитация в деревне, расстрелы «смутьянов», борьба с организацией учащейся молодежи — все это проводится здешними минтуанями с неослабной энергией. Минтуани повсюду занимаются самовольными обложениями населения. Товарищи из уезда Куан-чи подсчитали, что в этом уезде местные минтуани и об'единенный уездный штаб 5 минтуаней ввел 20 новых налогов (за каждый дом, за печь для обжигания посуды, за скот за птицу, за рубку дров, добавочный на урожай, за мелкую торговлю и т. п.), благодаря этому добавочные налоги повысили основные государственные сборы по этому уезду в 1923 г на 30% в 1924 г. — на 40% и в 1925 г — на 50%.

«Этот корпус милиции (минтуаней) имеет свою сложную организацию, разветвленную по всем уездам, связанную между собой определенной организационной структурой и координацией действий. Корпус милиции, помимо получаемого от помещиков содержания, фактически грабит крестьянское население, во много раз повышая этим грабежом основные налоги, которые и без того тяжелы. В своих действиях корпус милиции ничем не

стесняется. Если нужно разгромить крестьянский союз, то корпус громит его; если нужно убить руководителей крестьянских союзов, — минтуани убивают, если нужно сжечь деревню, — минтуани делают и это.»

Вот как рисует корпус минтуаней «резолюция об'единенной конференции Гоминдана в Кантоне».

«Что такое корпус милиции (минтуаней) Этот корпус включает в себя и бывшую купеческую организацию добровольцев, которую после бунта (восстание «бумажных тигров») правительство обязало вступить в общегражданский корпус, а самая история Гуандунского корпуса милиции подразделяется на ряд периодов, которые в значительной степени по характеру деятельности этого корпуса отличаются друг от друга.

1) Корпус милиции перед бунтом «бумажных тигров». Первоначально Гуандунский корпус милиции состоял из караульных и сторожей. В каждой деревне население выбирало одного сильного крестьянина в начальники караульщиков, а ряд других назначался патрулями в деревне по ночам, причем они обязаны были отбивать удары часы.

2) Гуандунский корпус милиции в более поздний период. После революции 1911 года в связи с ростом количества бандитов сторожа и караульные оказались недостаточными для противодействия бандитским налетам. Крестьянство начало реорганизовывать этих сторожей и караульных в защитный корпус. Деревенские бедняки включались рядовыми этого корпуса, а более мощные джентри выбирались начальниками. Эти отряды начали вооружаться современным оружием, начали взимать на расходы корпуса всевозможные налоги, и корпус постепенно превращался в военную силу помещиков. Кроме борьбы против бандитов, они начали заниматься всевозможными беззакониями и поборами с населения, но особых политических задач в это время они себе еще не ставили.

3) Гуандунский корпус милиции в период подготовки восстания корпуса «бумажных тигров». После того как Чен-цзю-мин был изгнан в район Восточной реки и рабочее и крестьянское движение начало развиваться, Чен-цзю-мин, английские власти в Гонконге, компрадоры, реакционные офицеры и проч. начали в значительно большей степени, чем раньше, использовать корпус милиции. В это время корпус милиции получил уже весьма зна-

чительное развитие. Во всех крупных уездах и крупных городах были созданы корпуса «бумажных тигров». Корпус милиции и корпус «бумажных тигров» быстро развивались и обладая на местах значительной долей власти, ставили себе уже определенные политические цели. В результате корпус милиции и «бумажные тигры» совместно, под тайным руководством английских властей Гонконга, повели наступление на Кантон.

4) Корпус милиции после восстания корпуса «бумажных тигров». После того как восстание «бумажных тигров» было подавлено, они совместно с частями корпуса милиции в Кантоне, в Фачане и окрестностях были немедленно разоружены. Повстанцы сдали правительству оружие, вожаки бежали в Макао и Гонконг. Правительство, для более правильного руководства корпусом милиции, создало бюро милицейской инспекции, которое должно было ведать делами корпуса милиции. Был отдан приказ об унификации корпуса милиции, вследствие чего купеческие волонтеры превратились в корпус городской милиции. Этот корпус принял деятельное участие в дальнейшей организации корпуса деревенской милиции.

5) Период возрождения Гуандунского корпуса минтуаней. Корпус минтуаней под защитой Бюро милицейской инспекции быстро развернул свою деятельность. Вожаки, бежавшие в Макао и Гонконг, тайком вернулись и начали прежнюю работу, получив защиту некоторых органов власти, они восстановили свою работу и начали делать активные приготовления к новым выступлениям.

Цитируемая резолюция приводит целый ряд фактов относительно усиления работы в это время корпуса минтуаней и характера ее деятельности. Так, например:

«В уезде Цин-юн начальник бюро подготовки корпуса милиции Лью-тун, используя свой военный чин (полковник, командир 36-го полка кантонской армии), выпустил извещение от 1 июня, в котором он требовал создания корпуса милиции в короткое время, и наложил налог по одному доллару на каждое му земли. Бюро корпуса в Сун-шье принудило население выполнить их распоряжение о том, что каждый человек на 60 жителей должен быть зачислен в корпус и что каждый должен подписатьсь на одну винтовку. Если это не может быть выполнено, каждый должен уплатить по подписке 8 долларов и ренту в 4 доллара за ружье. Кроме этого, назначен налог на землю в двойном размере, чем обычно,

т. е. 1 таэль. В Сун-те корпуса милиции развились необычайно, они поджигают деревни, убивают крестьян и уничтожают крестьянские союзы. Корпус милиции в Као-яо, распущенный правительством, восстановлен. Не только старые корпуса милиции были восстановлены, но были сорганизованы и новые в местах, где ранее существовали только корпуса крестьянской самообороны».

Состояние корпуса милиции.

а) Об'единенный корпус каждого уезда. Эти об'единенные корпуса имеют значительный кадровый состав, набранный из беглых солдат и бандитов. Например, в Пин-те-юн Юене об'единенный корпус насчитывает 200 кадровых членов, и расход на их содержание покрывается за счет налогов с крестьянства.

б) Уездное бюро корпуса милиции. Вожаками их являются подкупленные джентри и местные хулиганы со всего уезда. Их военные инструктора, это — бывшие офицеры, бывшие главари бандитов и т. д. Их командиры — тоже бывшие офицеры. Они имеют свою собственную организационную схему (командир роты, командир отделения и т. д.). Расходы покрываются, главным образом, за счет налога на землю около 1 долл. каждого му. Кроме того, они добывают средства любыми другими способами.

в) Городской корпус. Эти корпуса были раньше корпусами купеческих волонтеров. В больших и крупных городах начальниками их являются обычно компрадоры, а в других — купцы, джентри и чиновники. Все их военные инструктора — бывшие офицеры. Кадровый состав — целиком бандиты, и лишь их резерв состоит из купцов и реформистских рабочих. Деньги на расходы даются предпринимателями. Они обычно бесчинствуют в городах и угнетают городское население.

г) Районные и сельские корпуса милиции. Начальниками районных бюро корпусов милиции являются наиболее сильные джентри. Кадровый состав состоит из бедняков и дезертиров. Ни один крестьянин, занимающийся сельским хозяйством, не примыкает к корпусу, между тем расходы их должны покрываться крестьянами. Вожаками их являются джентри в количестве 80—90 также есть известный процент крупных помещиков. 90 членов кадрового состава — деклассированные крестьяне и дезертиры.

Чем занимается корпус милиции?

Корпус милиции совершенно не занимается охраной крестьянства, для чего он был первоначально создан. Вот как рисует его работу цитируемая резолюция.

ЧЕМ АППАРАТ ЯКОВИ С МИЛИЦИИ.

«Милицейский корпус есть орудие развращенных джентри и местных насильников, которым последние пользуются для выживания из крестьян своих доходов. Они не работают но ведут роскошный образ жизни. Все их материальное благосостояние взято от крестьян. Налоги, уплачиваемые корпусу милиции, выше, чем национальные налоги. В Сан-шье милицейский корпус взимает налог в размере одного таэля на каждый таэль земельного налога, и каждый крестьянин, даже вдовы и сироты, должны платить ежемесячно по 60 центов. За корову платят 40 центов. Кроме того, существует и ряд других вымогательств. В Сун-фе милицейский корпус взимает налог тутовых деревьев, т.е. крестьяне вынуждены выплачивать деньгами стоимость тутовых ягод до последней пригоршни. Существует и ряд других налогов: налог на шелковичных червей, налог на землю, налог на коконы, налог на рыбные пруды, налог на холмы, поля. Милицейский корпус в Фыньюэне взимает земельный налог по 1 доллару с каждого му. Юннаньская милиция взимает налог с прохожих. Облагаются все сельскохозяйственные продукты, которые крестьяне возят в город. Существуют еще налоги на каждое му и налоги в пользу гарнизона. В Хуан-чи (Тун-хуан) корпус милиции взимает налог экипажей. В Чи-шине корпус милиции взыскивает налог с свиней, с опиума и местной селитры. Крестьяне, угнетаемые помещиками, разоряемые бандитами, принуждаемые к платежу налогов и выживающие чиновниками, находятся в самом нищенском состоянии. Это состояние становится еще более плачевным от угнетения милицейским корпусом. Поэтому крестьяне противятся этому с помощью крестьянской армии. 1) Когда в 1924 году крестьянский союз 1-го района в Тун-хуане повел борьбу против об'единенного корпуса и добился того, что были отменены 30 разных налогов, взыскиваемых корпусом милиции, вице-президент исполнительного комитета Ли-жай-тун был убит корпусом милиции. 2) В сентябре того же года Лин-пао-сен, главный комиссар первого района пригородов, был убит милицией, давшей по нему 9 выстrelов.

лов, потому что крестьяне противились чудовищным налогам, взыскиваемым корпусом милиции. 3) В 1925 году об'единенный корпус в Пао-ане, в заговоре с чан-фу-туновскими войсками, стал взыскивать 20 видов незаконных налогов. Крестьянская армия всего уезда восстала против этих налогов, причем 6 крестьян было убито, а налоги были отменены. 4) Совсем недавно милицейский корпус в Тьен-пе стал взыскивать налог на зерно, в размере кэтти на каждый тау зерна на расходы корпуса. Крестьянская армия часто этому противится. Эксплоатация крестьян со стороны милицейского корпуса является одной из частых причин конфликтов.

Интересы милицейского корпуса, руководимого развращенными джентри и местными насильниками, диаметрально противоположны интересам крестьянской армии и крестьянской организации.

Первые эксплоатируют крестьян, а последние защищают их. По этой причине милицейский корпус повсюду подавляет крестьянское движение и производит нападения на крестьянскую армию.

1) В июне Юн-наньский корпус милиции окружил и атаковал крестьянские союзы четвертого и пятого районов и при этом стер с лица земли 5 деревень, в которых были эти крестьянские организации, разграбил и сжег все. Несколько тысяч крестьян осталось без крова, 6 крестьян было арестовано, и судьба их неизвестна до сих пор.

2) 17 мая Фынчуаньский корпус милиции выслал значительные силы для роспуска 1-го районного крестьянского союза. 19 членов его было арестовано; крестьян вынуждали выходить из организации и платить по 3 доллара штрафа. После долгих переговоров их, вместо уплаты штрафа, посадили в тюрьму на несколько месяцев.

3) 12 июня Саншуский корпус милиции и патрульный корпус (по существу тоже корпус милиции) окружили и атаковали крестьянский союз в Кайн-каен и разогнали его. Многие крестьяне спаслись бегством и по сие время не решаются еще вернуться. Сон-хуа, особо уполномоченный центрального Гоминдана, 2 раза был на краю смерти. Утром 10 августа милиция снова атаковала вновь созданную в деревне Шань-ван-чун крестьянскую организацию, причем увела с собой 8 крестьян и 2 коровы. Когда у них нет обвинений против крестьянских союзов, то они выпускают

извещения, в которых призывают жителей деревень приходить к ним с доносами.

4) В июне Пи-шаньский корпус милиции в Кау-тьене атаковал крестьян и учащихся, собиравшихся в это время на митинг. Едва была избегнута вооруженная схватка. 5) Корпус милиции в Сун-те, под предлогом приглашения правительственных войск для уничтожения бандитизма, ограбил всю деревню и арестовал 9 членов крестьянских союзов. 6) Тан-шуйский корпус купеческих волонтеров пригласил бандитов войти в город и напасть на крестьянские союзы. Товарищ Хуан-чъяо-фан, особо уполномоченный центрального Гоминдана, 7 патрульных пикетов и один командир пикетов были убиты. 7) В конце июля Тешинский крестьянский корпус атаковал крестьянские союзы в различных районах, причем ряд деревень был сожжен, и многие участники крестьянской армии были убиты. 8) В день торжественного открытия 2-го районного крестьянского союза в Лук-чане уездный корпус милиции в количестве 500 человек окружил крестьянское собрание, и лишь после долгих переговоров было избегнуто кровопролитие. 9) Корпус милиции 4-го района Вей-яна систематически говаривается с бунтовщиками, подготавливая нападение на крестьянские союзы. Опасность еще не избегнута».

Корпус милиции (минтуаней) постепенно стал прямым оружием в руках помещиков и джентри, выполняя их распоряжения по борьбе с крестьянами, по выколачиванию налогов с крестьян, по разгрому крестьянских организаций. Та же резолюция приводит следующие факты:

«1) В ноябре 1924 года Кун-нинские крестьяне вследствие плохого урожая потребовали снижения аренды, тогда крупные помещики Чен-пан-шин и Кьян-уан-син велели своему корпусу милиции поджечь деревню вдоль Тайн-туня. Крестьянская армия оказала ему упорное сопротивление, и многие были убиты. Корпус милиции Чена и Кьяна напоминает бандитов своими систематическими грабежами. Крестьяне страдают от этого разорения. 2) В декабре того же года хуасиенские крестьяне потребовали лучшего обращения с собой и уменьшения аренды, так как им стало трудно жить, но помещик, от которого зависело удовлетворение этой просьбы, направил корпус милиции и купеческих волонтеров на разгром крестьянской армии и на уничтожение зачатков крестьянской организации. Деревня Ю-ен в Тьен-ши-ане

была сожжена и тов. Хуан-фу-сан, вице-председатель исполнительного комитета, был убит 3) 3-го января в Ка-ояо крестьяне потребовали снижения аренды, и помещик Хун-лей-ляу приказал об'единенному корпусу Кун-нина, Те-шина и Као-яо атаковать крестьянскую армию. Они жгли деревни и убивали крестьян. Крестьянская армия оказал им сопротивление, и с помощью крестьянской армии, при содействии правительства и других организаций, борьба закончилась тем, что корпус милиции был распущен и заплатил штрафы, и арендная плата была снижена».

Эта «работа» корпуса милиции, который был организован главным образом для борьбы с разбойниками, для защиты крестьян от их нападения и в дальнейшем был почти полностью захвачен помещиками, джентри и использован для борьбы с самими крестьянами, чрезвычайна характерна. Под знаком борьбы этого корпуса милиции и отрядов минтуаней с крестьянским движением проходит борьба в китайской деревне за все время существования крестьянских союзов. Эти организации помещичье-феодальных группировок, эта их вооруженная сила, при помощи которой они борются с крестьянским движением, представляет из себя серьезнейшую опасность для развития аграрной революции в китайской деревне. Конечно, нет никакого сомнения в том, что решающую победу остаткам феодального строя в китайской деревне эти вооруженные реакционные силы доставить не смогут, но, во всяком случае, крестьянское движение в их лице встречает сильнейшее противодействие, которое задерживает а в некоторых случаях и прямо подавляет дальнейший рост крестьянских организаций.

РОСТ КРЕСТЬЯНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.

Здесь мы приводим некоторое количество цифр и фактов, показывающих чрезвычайно большой рост крестьянских организаций в Гуандуне, совпадающее как раз с периодом революционного строительства кантонского правительства. Это совпадение показывает, что несмотря на то, что революцией в этот период общенационального фронта фактически руководила буржуазия, самый под'ем революционного движения, часто независимо от воли самой буржуазии, шел все выше и выше¹).

¹⁾ Цитирую по журналу «Кантон», № 8/9, стр. 126.

Массовое движение крестьян в Гуандуне в масштабе всей провинции началось с 1924 года, до этого движение развивалось преимущественно на востоке Гуандуна в районах господства Чен-цзю-мина и других реакционных гуандунских милитаристов. Здесь движение фактически началось в мае 1922 года, и в середине 1924 года уже насчитывалось 75 000 организованных крестьян. После первого разгрома Чен-цзю-мина весной 1925 года движение на востоке стало быстро расти. Одновременно крестьянское движение тем же темпом росло и в других частях провинции. Первый с'езд крестьянских союзов, происходивший в мае 1925 г т. е. приблизительно во время шанхайских расстрелов, подвел итоги организованного крестьянского движения. Количество организованных крестьян к этому времени определялось уже в 170 000 человек. Движение в этот период охватывало 22 уезда с 88 волостными организациями и 572 деревенскими крестьянскими союзами. Ко второму крестьянскому с'езду в мае 1926 года число организованных крестьян возросло со 170 000 до 628 000 человек. Этот огромный рост организованных крестьян был в значительной степени обязан тому обстоятельству, что в 1925 году были ликвидированы все контрреволюционные милитаристические группировки, и Гуандун был наконец об'единен в одно целое с национальным правительством во главе.

Ко второму с'езду крестьянских союзов вся масса организованных крестьян распределялась следующим образом (см. табл. стр. 93) ¹⁾.

Темп роста крестьянских организаций по годам до июля 1926 г. рисуется в следующем виде: 1922 год — начало организации, 1/I 1923 г. — 5 000, 1/VII 1923 г. — 35 000, 1/I 1924 г. — 75 300, 1/V 1924 г. — 76 300, 1/I 1925 г. — 125 850, 1/V 1925 г. — 160 000, 1/X 1925 г. — 460 500, 1/VII 1926 года — 626 457 1/VII 1926 г. — 665 440.

Этот колоссальный рост крестьянского рабочего движения вызвал серьезное противодействие со стороны местных властей, помещиков и других реакционных элементов в деревне. С 20 марта

¹⁾ Отмечаемые ниже районов не представляют из себя какие-либо административные единицы провинции, а созданы провинциальным крестьянским союзом, представляя собой об'единения определенных уездных организаций, соответствующими районными исполнительными комитетами, непосредственно связанными с провинциальным крестьянским союзом.

Районы	Число уезд. ных кре- стьянских союзов	Чис. район- ных кресть- янских со- юзов	Число дер- жевск. кре- стьянских союзов	Число членов
Центральные уезды	13	40	876	101 298
Вей-чжоу		16	324	28 297
Чао-чжоу и Мейсян	12	62	1 872	352 367
Южные уезды	9	13	144	10 093
Хай-нань	6	—	83	8 864
Си-цзянь	11	36	706	110 136
Вей-цзянь		10	211	15 402
Всего	65	1	4 216	626 457

1926 года начинается серьезнейшая борьба внутри деревни, так как помещики, джентри, кулацкая часть деревни и минтуани, окрыленные успехом реакции в самом Кантоне, повели решительное наступление против крестьянских организаций, не останавливаясь перед разгромом союзов и убийствами отдельных руководителей их. Несмотря на то, что на конференции партии Гоминдана 15 октября были приняты благоприятные для крестьянского движения решения, местные власти по-прежнему стремились разгромить крестьянское движение. Вот несколько примеров ¹⁾.

«В центральной части Гуандуня джентри, кулаки, минтуани и разбойники сговорились между собой для разгрома крестьянских союзов и убийств крестьян, как, например, в Дун-гуань и Шаван в уезде Ху-а-сян и Чжу-шань, при этом расквартированный в Чжу-шань 59 полк открыто агитировал против крестьянских союзов и хотел организовать во всех деревнях минтуани. Он отдал крестьянское движение в Чжун-шань под удары разбойников, которые разгромили его, а между тем в Шень-юй, Нань-хай, Бао-ань, Шунь-дэ и других уездах, хотя там также есть разбойники, но крестьянское движение продолжает развиваться».

«В районе реки Си-цзянь 19 октября начальником уезда и минтуанями были убиты делегат центрального крестьянского отдела Чен-бо-чжунь и активный работник по крестьянскому дви-

жению Лай-си-шоу. Окрестные крестьяне находятся в чрезвычайной тревоге. Дело о разгроме минтуанями крестьянского союза Юй-нань и сейчас еще не решено. Положение в Гуан-минь несколько лучше, так как работники местного крестьянского движения сконцентрировали все свои силы против расквартированных там войск и начальника уезда».

«В южной части Гуандуня, в Лэй-чжоу и Хай-кан, после прошедших там убийств крестьянское движение находится под угрозой террора. Начальник уезда Су и командир расквартированных там войск Чен посыпают кадровые и нерегулярные войска по деревням громить крестьянские союзы. Крестьянские отряды самообороны разоружены. Недавно был издан приказ о реорганизации районного крестьянского союза. При этом открылась конференция реакционных организаций, которая приняла 2 резолюции об организации крестьянского движения: 1) все крестьянские отряды, без различия по какому поводу они образовались, если они не получили разрешения начальника уезда и командира батальона расквартированных там войск, не могут собираться и организовываться; в противном случае это будет рассматриваться как мятеж в тылу войск; 2) крестьянские союзы по какому бы то ни было поводу не могут свободно собираться без разрешения начальника уезда и командира батальона, в противном случае это также будет рассматриваться как мятеж в тылу войск... После убийств Хай-кан и Лэй-чжоу были задержаны делегаты районного крестьянского союза и заключены в тюрьму. Что касается до Гао-чжоу, то там положение лучше. Начальник уезда Дянь-бо-сянь всего лишь мошенник и разжирел благодаря эксплуатации крестьян, но крестьянское движение все-таки развивается».

«В районе к северу от реки Си-цзянь наибольшим развитием отличается крестьянское движение Цой-цзян. После того как движение за снижение налогов в Шань-цзи увенчалось успехом, там крестьянское движение стало также сильно. Расквартированные там воинские части не проявляют никакой враждебности к крестьянскому движению. В Ин-дэ крестьянское движение соответственно развито, также и в Дун-чан».

В районе Цюня административные власти и расквартированные там войска наблюдают за действиями разбойников и реакционных партий и стоят за организацию военно-административной конференции под руководством крестьянского союза провинции

«В районе ЧАО-мей до того времени, как Чжоу-и-жень выслал войска из Фуцзянь в Даку и Сунь-цзянь, расквартированные там войсковые части угнетали крестьян. После потери Сунь-цзяна разбойники из У-хуа начали нападать на крестьянские союзы и грабить и убивать крестьян. В то время, когда начали поднимать голову разбойники и реакционеры, положение было очень опасное. Тогда все силы крестьянских отрядов были влиты в отряды «воздворения спокойствия» и подчинены им. Потом, вследствие протеста крестьянских союзов, это название было уничтожено. После того, как революционная армия опять заняла Сунь-цзянь и дошла до Юн-дин, администрация ЧАО-мей была сменена, и крестьянские отряды были вполне восстановлены и окрепли».

«В районе Гуйчжоу очень много разбойников. Джентри и кулаки пользуются разбойниками для нападения на крестьянские союзы. До октября 1926 года почти все крестьянские союзы были окружены разбойниками. После октября был выдвинут лозунг «об'единиться с войсковыми частями для защиты от разбойников». В первую очередь Гуй-ян и Пин-шань были созданы исполнительные бюро обороны и организованы «отряды храбрецов» по 40 человек. Тогда же и торговцы почувствовали беспокойство о разбойниках и одолжили деньги. После создания исполнительного бюро обороны в Пин-шань, такое же бюро было создано и в Бай-ше-хуа. Таким образом, крестьянское движение в округе Гуйчжоу протекает очень интенсивно».

«В уезде Цзи-цизи-сянь после убийства Ма-сюн-та реакционные партии стали питать враждебные чувства к крестьянскому союзу. Так как этот союз все время находится под угрозой нападения со стороны реакционеров, то крестьянское движение там затруднено. Разбойничество в Бо-ло чрезвычайно сильно, и местный крестьянский союз почти истощил все свои силы и возможности обороны.

Самое движение крестьян начала Северной экспедиции развертывалось под следующими лозунгами:

- 1) понижение арендной платы,
- 2) отмена налогов на арендаторов,
- 3) снижение процента по ссудам,
- 4) отмена всех незаконных сборов и чрезмерных налогов,
- 5) образование зерновых запасов на случай засухи или наводнения,

- 6) реформа современной административной системы,
- 7) организация самоуправлений, избираемых народом в каждой деревне,
- 8) разоружение сельской полиции и формирование народной милиции и т. д.

Ниже мы приводим целый ряд фактов, характеризующих выставление этих лозунгов и проведение их в жизнь.

1) Движение за уменьшение налогов.

а) В Сюсан, Ли-лин и И-чжан наблюдается движение за уменьшение налогов. б) В уезде Ань-сянь уже уменьшен налог с каждого му земли, но земельная рента увеличена. в) Движение крестьянства в районе Ю-е-ань за снижение налога каждого му земли еще не привело ни к каким результатам. г) В Ань-хуа крестьянство стремится к тому, чтобы хлеба, посевные в зимние месяцы, освобождались от платы владельца земли; частично это уже увенчалось успехом, а частично еще находится в периоде борьбы.

2) Движение за продажу хлеба по умеренным ценам.

Это движение охватило 0,7—0,8 всех честностей, где имеются крестьянские организации, но приняло различные формы:

а) Крестьянским союзом или собранием крестьян деревни определяется цена на хлеб, и она не должна повышаться.

б) Определяются цены 2-го и 3-го урожая; собирающие только 1 урожай должны продавать по цене первого урожая.

в) Ограничиваются вывоз хлеба за границы уезда.

г) Запрещается вывоз хлеба за границы уезда.

д) Определяются цены на хлеб во время последних месяцев перед новым урожаем, а не тотчас после сбора.

е) Определяются цены на хлеб несколько раз.

Если землевладельцы не продают хлеб, то крестьяне насилино заставляют продавать его, не останавливаясь перед штрафом. В случае вывоза хлеба конфискуют его или штрафуют владельца.

3) Движение за уменьшение арендной платы.

Например, в уезде Лю-ян началось сильное движение за уменьшение арендной платы до 1 дань хлебными продуктами и 2

мекс. доллара. Это движение увенчалось успехом. В районе Юэ-янь землевладельцы вздумали повысить плату до 7 мекс. долларов. Крестьяне начали сопротивляться, в результате чего землевладельцы об'единились в корпорацию 3 уездов. Началась серьезная борьба.

4) Движение за уменьшение арендной платы на землю в Хен-ян.

Арендная плата за землю в Хен-ян считается половина на половину, т. е. половина урожая арендатору, половина хозяину, но фактически арендатор получает менее половины. После 1916 года, вследствие наводнения и увеличения расходов на проповедание, во всем уезде плата за аренду увеличилась в несколько раз. После того количество крестьян, входящих в союзы, увеличилось, и появилось стремление к уменьшению арендной платы, по всему уезду был брошен лозунг: «восстановление аренды», т. е. восстановление той аренды, которая была до 1916 года. Результаты: во всем уезде удалось добиться восстановления прежней аренды. Количество крестьян, входящих в союзы, возросло до 70 000 человек, в то же время в союзы вошли лица, ранее настроенные против союза.

5) Движение за снижение процентов посудам.

1) В Ань-хуа борьба за снижение процента увенчалась успехом и не вызвала особенного сопротивления. Крестьянство вполне удовлетворилось снижением ежемесячного процента с 7—8 до 4—5.

2) Стремление крестьян в Сянь-ин и Нью-чжоу уничтожить проценты претерпело неудачу.

Кантонское правительство, учитывая колоссальное движение крестьянства, особенно развернувшееся во время и после Северной экспедиции, за эти минимальные достижения к улучшению своего экономического положения вынуждено было принять целый ряд решений, которые, правда в незначительной степени, должны были бы улучшить положение крестьянства. Конечно, большинство решений кантонского правительства по крестьянскому вопросу оставалось на бумаге и в жизнь не проводилось, да и не могло быть проведено, в результате сопротивления мест-

ных властей, помещичьих группировок и джентри, но, во всяком случае, эти решения, сочетаясь с требованиями, выдвигаемыми крестьянами, играли роль лозунтов, вокруг которых крестьянское движение уже при формальной поддержке самого правительства смогло об'единяться.

Конгресс Гоминдана в Кантоне принял в конце 1926 года такую схему взаимоотношений с крестьянством и реформ, которые перед собою ставило кантонское правительство ¹⁾

1. 25 % скидки с арендной платы.
2. Единообразная система земельных налогов и уничтожение притеснений и тяжелых налогов.
3. Освобождение от арендной платы во время голода.
4. Улучшение ирригации и других водных работ
5. Улучшение лесоводства.
6. Реформа деревенского образования.
7. Создание деревенского кредита.
8. Давать общественные земли крестьянам в кредит
9. Распределение необрабатываемых земель между бедными крестьянами.
10. Запрещение лихоимства.
11. Правительственная помощь крестьянской колонизации.
12. Организация крестьянских кооперативов.
13. Принятие правительством мер против голода и помощь его жертвам.
14. Не взимать налогов преждевременно.
15. Организовать крестьянские исследовательские комитеты для изучения крестьянских нужд.
16. Деревенское самоуправление, избранное народом.
17. Политическая свобода для крестьян (организация съездов и т. п.).
18. Право крестьянского союза на организацию крестьянской милиции.
19. Запрещение притеснять крестьянство с помощью вооруженных сил.
20. Запрещение монополизации земли.

При рассмотрении этой схемы реформ Гоминдана по крестьянскому вопросу мы видим целый ряд моментов, которые

должны были определенно способствовать дальнейшему развитию крестьянского движения, если эту схему последовательно проводить в жизнь. Несмотря на то, что почти все эти реформы фактически в жизнь проведены не были, крестьянское движение смогло использовать эти декларативные реформы для фактического проведения многих из этих мероприятий. Часть этих предположенных реформ, в особенности относящиеся к арендной плате к земельным налогам, к распределению земли между бедняками, организациям крестьянских союзов, организациям крестьянской милиции и т. д., были использованы крестьянством в его выступлениях против помещиков, джентри и минтуаней. Эта резолюция Гоминдана по крестьянскому вопросу для Гаунданя сыграла свою положительную роль, дав возможность крестьянским организациям на законных основаниях при формальном признании кантонского правительства проводить эти революционные в существовавших в то время условиях мероприятия.

У местных властей, помещиков и джентри был выбит из рук крупный козырь — возможность законного противодействия росту крестьянских союзов и их мероприятий, направленных к улучшению экономического положения крестьянства. Реакционных элементов деревни оставался только один путь противодействия крестьянскому движению — вооруженная борьба с крестьянством, обоснованная только чисто классовыми интересами помещиков.

Формы и методы организации крестьянских союзов партией Гоминдана и компартией применялись самые разнообразные. «Чай-ниш Студентс Монгли» от апреля 1927 г. приводит 4 метода организационной работы среди крестьянства разных провинций:

«В своей пропагандистской и организационной работе партия применяет 4 различных метода, сообразуясь с местными условиями.

1-й метод: когда во многих деревнях организовываются крестьянские союзы, они образуют районный крестьянский союз; после организации многих районных крестьянских союзов они организуют уездные крестьянские союзы; когда было создано достаточно уездных крестьянских союзов, они организуют провинциальный крестьянский союз. Этот метод вначале был применен в провинции Шаньдунь, а позже в провинциях Хэнань, Хубей и Хунань.

2-й метод: в начале организуется провинциальный крестьянский союз, потом идет уездный союз, районный союз и, позже

всего, деревенские крестьянские союзы. Опыт показывает, что этот метод не является сколько-нибудь пригодным, ибо он часто позволяет феодальным элементам использовать эти организации в собственных политических целях. Этот метод был применен в Цзянси и испробован в провинции Хунань и Шаньдунь, но работники этих провинций изменили этот метод.

3-й метод может быть применен только в таких провинциях, как Шеньси, Шаньдунь, Хунань, где крестьяне имеют свои легальные и нелегальные организации. Необходимо только изменить идеологию и дать им достаточное воспитание и программу, чтобы превратить эти существующие уже организации в нормальные крестьянские союзы.

4-й метод по существу только подготовительный. Он заключается в организации для крестьян школы, клуба, гимнастического кружка для того, чтобы вообще приучить их к идее организации. Этот метод должен применяться в уездах, где реакционные элементы слишком могущественны и где пропаганда невозможна».

Как мы видим здесь, Гоминдан учитывал местные особенности отдельных провинций и, на основе их и сообразуясь с ними, проводил свою работу. Эта работа производилась или снизу, когда крестьянское движение росло стихийно, постепенно оформляясь на все более высоких ступенях, или же сверху, когда движение только начинается, когда необходимо было дать организующий центр раньше, чем самое движение на низах достигло достаточного развития. Приходилось также использовать всевозможные культурно-просветительные организации в тех местах, где реакция слишком сильна и где прямая пропаганда организации крестьянских союзов встретила бы слишком сильное сопротивление с ее стороны. Через посредство этих культурно-просветительных организаций Гоминдан постепенно приучал крестьян к идее организации крестьян. В тех местах, где существовали уже крестьянские организации с отличной от крестьянских союзов идеологией (движение «красных пик» и других подобных крестьянских организаций), Гоминдан старался действовать изнутри, стараясь постепенно изменить эти существующие организации в нормальный крестьянский союз. Конечно, почти всегда в отдельных провинциях Гоминдану приходилось действовать по большей части смешанными методами, чередуя организацию снизу и сверху, действуя внутри существующих крестьянских организа-

ций и организуя культурно-просветительные учреждения. Некоторые данные по поводу организации крестьянских союзов Гоминданом дает особая инструкция, специально выпущенная Гоминданом в Кантоне, представляющая из себя инструкцию по организации крестьянских союзов. Эта инструкция представляет из себя руководство для партийных агитаторов и пропагандистов, дающая основные моменты для организации крестьянских союзов. Вместе с тем, эта инструкция является также и официальным партийным документом, обязательным для нижестоящих партийных организаций к проведению в жизнь. Мы приводим эту инструкцию полностью, ввиду ее большого интереса.

Инструкция по организации крестьянских союзов.

1) Для организации крестьянского союза необходимо, чтобы каждый крестьянин понимал задачи крестьянских союзов и пользу, которую эти союзы приносят. Поэтому, прежде чем приступать к организации, нужно провести пропагандистскую работу.

2) После проведения пропаганды, когда крестьяне данной местности поймут в общих чертах эти задачи и захотят вступить в крестьянский союз, нужно создавать собрание крестьян, желающих вступить в союз, снова среди них провести более активную пропаганду и тогда уже можно будет одновременно избрать подготовительных организаторов крестьян данной деревни (не ограничиваясь одним человеком).

3) После избрания, подготовительные организаторы, просмотрев внимательно отчетный лист (1-й), составленный провинциальным крестьянским союзом ¹⁾, должны снова созвать собрание крестьян, подробно выяснить их общее мнение, утвердив, записать его по пунктам этого отчетного листа и отослать последний вместе со списком всех подготовленных организаторов, анкетами членов союза и прошениями об утверждении в провинциальный крестьянский союз (если в этой местности существует районный (чю) или уездный (сиань) крестьянский союз, то необходимо все это переслать через этот районный или уездный комитеты).

¹⁾ Здесь, как и дальше, повидимому, подразумевается провинциальный комитет крестьянских союзов. Примечание переводчика.

4) Провинциальный крестьянский союз, получив это прошение и рассмотрев его, иногда отвергает ходатайство, если найдет не- подходящие пункты в этих материалах, и, таким образом, крестьянский союз в этой деревне не может быть организован; если же провинциальный крестьянский союз найдет это прошение приемлемым, он посыпает подготовительным организаторам крестьянства этой деревни уведомление об утверждении организации.

5) Получив это уведомление от провинциального крестьянского союза (через уездный и районный союзы, если таковые имеются), подготовительные организаторы узнают таким образом, об утверждении подготовительного собрания; тогда, назначив определенный день, они созывают общее собрание всех членов организации, где избираются постоянные должностные лица, после чего название «подготовительные организаторы» ликвидируются; избранные постоянные должностные лица образуют исполнительный комитет крестьянского союза данной деревни. От имени этого исполнительного комитета посыпается подробный отчет об общем собрании (по определенной форме) в провинциальный крестьянский союз (через районный и уездный крестьянские союзы, если они имеются), а также деньги, вместе этим отчетным листом (2-й) и просьбой прислать флаг и печать.

6) Провинциальный крестьянский союз после получения сообщения об организации данного крестьянского союза и отчетного листа (2-й), если найдет что-либо противоречащее уставу, дает указание об исправлении этого или берет обратно утверждение организации и отменяет ее существование; таким образом, хотя союз данной деревни сначала и был утвержден и состоялось организационное собрание, но если открылись неправильности, организация может быть об'явлена недействительной; если же провинциальный крестьянский союз найдет все правильным, он посыпает данному союзу бумагу о предоставлении ему флага и печати, вместе с самими флагом и печатью.

7) С момента получения флага и печати данная организация считается формально существующей, но после этого она обязательно должна следовать уставу крестьянского союза, подчиняться всем решениям и установлениям союза и исполнять его распоряжения; в противном случае она будет реорганизована или распущена.

8) Данная организация, получив от провинциального крестьянского союза флаг и печать, пользуется ими согласно уставу и по-

сылает провинциальному крестьянскому союзу (если есть районный и уездный союзы, то через них) извещение о дне первого использования этого флага и печати.

П р и м е ч а н и е. Оригинал представляет собою специальную листовку.

9) Для организации районного крестьянского союза необходимо некоторое подготовительное время; от каждой деревни избираются подготовительные организаторы, которые запрашивают провинциальный союз об утверждении; если санкция на организацию районного союза получена, то подготовительные организаторы созывают собрание делегатов от всех деревень, которые избирают постоянных должностных лиц, образующих районный союз; если в этой местности существует сельский союз, то районный союз должен подчиняться распоряжениям уездного, но прежде он должен получить утверждение провинциального союза.

10) Для организации уездного крестьянского союза, необходимо существование не менее чем трех районных крестьянских союзов; если провинциальный крестьянский союз найдет необходимым организацию уездного союза, от каждого района выбирается некоторое число подготовительных организаторов, которые утверждаются провинциальным союзом, или последний непосредственно назначает некоторое число людей, как подготовительных организаторов для данного уезда, и создается таким образом подготовительный орган. Подготовительное время для организации уездного союза должно быть не менее одного месяца; под руководством провинциального союза в определенный срок созываются делегаты от членов союза данного уезда, которые избирают постоянных должностных лиц, и уездный комитет официально устанавливается.

Эта инструкция, которая представляет официальный партийный документ Гоминдана, является наглядным подтверждением того обстоятельства, что мелкобуржуазные группы, стоявшие тогда во главе Гоминдана, несмотря на свои постоянные колебания и шатания, проводили определенную об'ективно полезную для революции работу. Несмотря на то, что крупная буржуазия и правый Гоминдан, испуганные ростом массового крестьянского движения, были скорее заинтересованы в то время в подавлении или, во вся-

ком случае, в локализации крестьянского движения, все же проведение в жизнь этой инструкции показывает, что известную организующую роль, под давлением китайской компартии, в деревне буржуазия в то время сыграла. Правильное проведение в жизнь этой инструкции давало для крестьянских организаций нормальное организационное построение вновь возникающих крестьянских союзов.

Крестьянское движение смогло развиваться и получать организационное оформление по единообразной системе, что придавало крестьянскому движению особую силу.

Северная экспедиция, развязав массовое движение китайского крестьянства, подняла его на небывалую высоту, так например:

К декабрю 1926 года в пров. Хунань:

- 1) Официально сформировавшихся уездных крестьянских союзов — 36.
- 2) Подготовительных уездных управлений для организации союзов — 18.

Всего насчитывается в уездах 54 союза. Статистика членов союза: 1) по учету этого месяца в 30 уездах — 536 137 чел., по учету прошлого месяца, в 11 уездах — 505 000 чел., по приближительному подсчету в 13 уездах — 30 000, итого в 54 уездах — 1 071 137 чел.

К январю 1927 года количество членов крестьянских союзов в пров. Хунань достигало 1 200 000 человек. В других провинциях к этому же сроку крестьянские союзы, по данным «Чайнис Корреспонденс», насчитывали: в Гуандуне — 1 100 000, в Гуанси — 50 000, в Хубее — 270 000, в Цзянси — 150 000, в Фуцзяне — 25 000, всего 2 795 000 чел.

«Чайнис Корреспонденс» считает, что эти цифры несколько преуменьшены, так как цифры пров. Фуцзянь относятся к прошлому времени, некоторое количество крестьянских организаций было не учтено, и поэтому в этих 6 провинциях количество членов крестьянских союзов можно было к 1 января считать 3 000 000 человек. При этом в большинстве провинций, которые Северный поход задел только стороной, дело организации крестьян находилось лишь в ранней своей стадии. Вместе с тем, уже к этому времени наблюдался чрезвычайно сильный рост крестьянских организаций в отдельных уездах, которые являлись фактическими ядрами растущего крестьянского организованного движе-

ния. Например, в Хайфынском уезде в Гуандуне имелось уже 200 000 членов, уезд Са-мин в Хунани имел 175 000 членов, уезд Ху-анян в Хубее — 70 000 членов и т. д. Так как войска Северной экспедиции в это время подходили к пров. Ань-хой, то и там начали возникать первые организации крестьян, причем это наблюдалось, главным образом, в центральной и северной частях провинции.

К марта месяцу 1927 года, к тому моменту, когда войска Северной экспедиции подходили к Шанхаю, крестьянское движение, в особенности в пров. Хунань, достигает небывалой высоты. Отдельные уезды пров. Хунань насчитывают организованных членов крестьянских союзов сотнями тысяч. Общее число крестьян и рабочих, организованных в союзы, составляет 6 000 000 человек¹⁾.

35 уездов организовали крестьянские союзы, а 15 уездов приняли подготовительные меры для организации крестьянских союзов.

Хенъянский уезд имеет 600 000 членов крестьян. 4 уезда — Сян-дан, Сян-фан, Лю-ян и Пин-цзян — имеют каждый по 300 000 членов крестьян. 5 уездов — Чанша, Лин-лин, Линь-сян, Хэнь-шень и Жи-ян — имеют по 200 000 членов крестьян. 11 уездов — Хань-чжоу, Ся-нин, И-чан, Яо-ян, Лей-ян, Чжан-дэ, Ан-хуа, Бин-сян, Ю-сян, Хуа-ян и Ланьсян — имеют каждый по 100 000 членов крестьян. 4 уезда — Чжа-лин, Бао-цзин, Син-хуа и Ли-сянь — имеют каждый по 50 000 членов крестьян. 13 крестьянских уездных союзов и 2 малых окружных крестьянских союза Аньян, Синь-ин, Луси, Чжао, Юан-цзин, Тао-янь, Лин-лин, Цеи-ли, Чжа-нин, Синь-тянь, Гуй-тун, Це-цзюн, Линь-сян, и 2 окружных уезда Чан-ша имеют каждый по 100 членов крестьян. 9 уездов — Цинь-цзян, Маян, Лин-лин, Чень-пу, Нин-юань, Тао-сянь, Чи-пу, Ань-сян, Лань-шань — имеет каждый по 10 000 членов крестьян.

К апрелю 1927 года, по данным ЦК китайской компартии, количество членов крестьянских союзов достигло следующих цифр.

В Хунани — 5 204 000 членов, в Хубее — 1 714 000, Чжэцзяне и Цзян-су — 230 000, Гуандуне и Гуанси — 1 200 000, Цзянси — 300 000, Хэньнань — 1 000 000, Шенъси и Гань-су — 116 000, в Аньхое — 8 000, Сычуане — 30 000 членов, а всего 9 829 000 членов. К этому числу нужно прибавить еще довольно большое коли-

¹⁾ «Пиплс Трибюн», 21 апреля 1927 г.

чество членов, а иногда и целых организаций, которые не были учтены, поскольку в это время происходил массовый, часто стихийный рост крестьянских организаций. Если вспомнить при этом, что количество членов крестьянских союзов к апрелю 1925 года не превышало 200 000 человек, притом крестьянские союзы были организованы, главным образом, в провинции Гуандунь, то мы увидим ясную картину роста крестьянских организаций: за два года движение охватило большинство провинций Китая, и количество организованных крестьян увеличилось в 50 раз.

Организация отрядов крестьянской самообороны и их действия.

В противовес гнету минтуаней, помещиков и джентри крестьянские организации образовали свои собственные крестьянские отряды обороны, которые провели за время с 1924 года и особенно во время Северной экспедиции громадную работу по защите крестьян от угнетения со стороны своих классовых врагов в деревне, деревенских бандитов и т. д. Эти отряды самообороны оказали кантонскому правительству во время его борьбы с Чен-цзю-мином и другими реакционными генералами, которые выступали против Кантона и революции, огромную пользу, что подтверждают и официальные гоминдановские документы того времени. Но совершиенно исключительную помощь крестьянские отряды оказали войскам Северной экспедиции во время их борьбы с У-пей-фу и Сун-чуанфаном. Крестьянские отряды не только доставляли продовольствие кантонским войскам, они активно выступали на фронте, подготовляя победу революционных войск Северной экспедиции, а по временам и опережая в этом отношении революционную армию. Крестьяне перерезали коммуникацию противника, производили разведывательную работу в тылу противника, доставляли транспорт а когда было необходимо, то и шли в бой, окружая целые части У-пей-фу и принуждая их к сдаче.

В некоторых местах кантонские революционные войска шли по уже захваченной крестьянскими отрядами территории, очищенной от неприятельских войск. Вот сводка отдельных случаев, когда действовали крестьянские отряды самообороны (которые в приводимом ниже документе называются «крестьянской армией»), по данным крестьянского отдела Гоминдана:

а) Осенью 1924 года крестьянская армия была послана в Шао-гуан для охраны и для ведения пропаганды в тылу. б) Во время бунта купеческих волонтеров более 300 крестьянских солдат были выделены для ведения предохранительной работы. в) В феврале 1925 года, когда солдаты Гоминдана были посланы в первую Восточную экспедицию, крестьянская армия в Кайфыне, Люк-фыне, в Вей-яне и У-хуа была тайно сорганизована и помогала солдатам Гоминдана; также в Тун-куане была оказана такая же помощь. Они частью атаковали тыл солдат Чен-цзю-мина, перезывали их коммуникационную линию, захватывали провизию и помогали солдатам Гоминдана при продвижении, действуя в качестве проводников и разведчиков. И, таким образом, повстанцы Чен-лин, в течение многих лет упорно державшиеся в уездах Восточной реки, были, наконец, выбиты и разгромлены. г) В июне того же года, после искоренения повстанцев Лью и Яна, крестьянская армия всей провинции стала под руководством Гоминдана. В течение бунта Лью и Яна крестьяне сотрудничали с рабочими трех железных дорог (Кантон — Сан-шуй, Кантон — Каулун и Юе — Хань) для поддержки солдат Гоминдана, а крестьянский союз в уездах Тун-яна собрал более 3 000 своих членов на работу по воинскому транспорту и тем помог войскам подавить бунт в кратчайший срок. В то же время крестьяне района Пун — Юе и окрестностей города энергично помогали войскам при разведке состояния врага и тревожили его арьергард. Вдоль линии Кантон-каулянской ж. д. крестьянская армия в Нанке и Наньгу разоружила солдат Ху-си-шуна вдоль линии Кантон-саншуйской жел. дороги. Крестьянская армия Ку-нина в районе Западной реки заняла Киан-туа, чтобы пресечь отступление бунтовщиков Лью и Яна на запад. Вследствие недостатка в крестьянской армии вооружения 8 чел. было убито. Крестьянская армия в уездах Северной реки отрезала и атаковала остаток бунтовщиков. В то же время они занимались воинским транспортом. В этой схватке они потеряли своего деревенского старосту. д) Во время гонконгско-кантонской забастовки крестьянская армия помогала пикетам в районе ЧАО-ЧОУ, Сватоу, Кай-фын, Люк-фын, Пин-шан, Тан-шуй, Бокка Тигрис, Шин-чен, Юн-чи, Макао, Чъюн-Яй, Кай-кау, Кантона и бухты Белого Гуся, при блокаде морских портов и захвате бойкотируемых товаров. За это были убиты тов. Хуан-син, член крестьянской организации в пригороде, тов. Хуан-чао-фын и ряд других в Тан-шье и Вен-яне. е) После убийства одного гоминдановца, тов. Лью, был отдан крестьянской армии в Пао-ане приказ разоружить солдат Тан-чи-сью. Они арестовали 9 командиров батальонов и солдат и переслали их в провинциальную крестьянскую организацию, а затем в Вампу. Крестьянская армия всей провинции блокировала разные местности и таким образом препятствовала контрреволюционерам Сун-хе-у, Льян-хун-каю, Мок-суну и др. в осуществлении их планов. ж) При второй экспе-

диции по Восточной реке крестьянская армия в уезде Чунь-шань сражалась против повстанцев Лин-чин-юена, причем была уничтожена уездная крестьянская организация и разрушен ряд деревень. Организации в Куан-нине сотрудничали с населением при подавлении бандитов, бывших в союзе с бунтовщиками, и тем защищали район Западной реки от разграбления солдатами мятежников. Крестьянская армия в Вей-яне об'единила свои силы для борьбы против Ян-куан-ю; а организация Кай-фына и Люк-фына боролись против повстанцев, и более 100 человек было убито. Их видный офицер Лин-лао-кун был рассечен вдоль живота, и сердце его было вырезано. Крестьянская армия У-хуа тоже имела 3 или 4 схватки с Лью-чи-луком и Чен-цзю-мином, причем около 100 человек погибло. Когда была предпринята вторая экспедиция по Восточной реке, крестьянская армия действовала еще более энергично, и они служили не только разведчиками, проводниками и носильщиками войск, но также шли и на фронт. С их помощью уезды Восточной реки были взяты обратно в течение одного месяца. 3) Перед началом Южной экспедиции крестьяне в Лью-чоу, Ка-хане и Шуй-чи по директивам Гоминдана тайно сорганизовались, и когда экспедиция началась, они восстали и помогли войскам, тревожа части Тан-пун-яна, подрывая их боеспособность, и привели их к полному разгрому. и) Во время экспедиции, предпринятой кантонским правительством, Чуцзянский уездный крестьянский союз выделил более 3 000 крестьян для помощи в армейском транспорте. Крестьянская армия в Сун-то окружила бандитов «Гуанлун-тан» в местностях Хуан-ма-чун и Фын-чъен, а крестьянская армия Тун-куана искоренила известных бандитов «Син-чин-ше» под руководством Вей-пан-пинга в деревне Син-кин. Крестьянская армия в Чун-чане разбила видных бандитов Фын-эр и Хуа-лан, которых Вей-панг-пинг назначил в Чу-каумен. И почти в каждом уезде крестьянская армия мешала реакционному милиционному корпусу и бандитам тревожить тыл. Наконец, выше мы уже приводили примеры деятельности крестьянских отрядов самообороны во время экспедиции кантонских войск на Ханькоу.

Красные пики.

Кроме этого пути нормального развития крестьянского движения в форме крестьянских союзов, руководимых левым Гоминданом и Китайской компартией, крестьянское движение развивалось еще и по другому руслу, по руслу своеобразных крестьянских организаций, носивших подчас полумистический характер («красные пики» и другие организации), деятельность которых в основном сводилась к борьбе против бесконечных налогов и разорения,

вызываемого постоянными войнами между отдельными милитаристами.

Если движение крестьянства к организации нормальных союзов, главным образом, было развито в провинциях, которые так или иначе оказались в районе деятельности гоминдановского правительства, в районах, через которые прошла революция, то второй вид крестьянского движения захватывает собой главным образом провинции севера Китая — Хэнань, Шаньдунь и Чжили. Наиболее сильной организацией крестьян в этих районах являются организации о-в красных пик (далее мы сокращенно называем их ОКП). Нужно, конечно, сделать оговорку, что общество красных пик, особенно, когда оно выходит из-под руководства кулацкой части деревни, ставит себе определенные задачи революционного разрешения земельного вопроса, и что внутри ОКП, на основе именно этого стремления разрешения земельного вопроса революционным путем идет внутренняя борьба. Эта борьба особенно усилилась в последнее время, и Китайская компартия поставила себе определенной задачей работу внутри этих обществ. Пока же формально это общество с другими ему подобными остаются полумистическими организациями крестьянства, конечно, в известных случаях выполняющими определенную революционную роль, особенно, если они получают настоящее революционное руководство.

Вот некоторые данные об организации ОКП по материалам крестьянского отдела ЦК Гоминдана.

Устав ОКП требует, чтобы каждый член строго соблюдал тайны, а некоторые важнейшие принципы являются достоянием лишь вожаков общества.

Вот те простейшие основы, с которых снята тайна.

Клятва. Я, ныне почитатель высокого принципа, отдавший себя поддержке морального поведения, намерен подчиниться всем правилам:

1. Я не буду бесчинствовать, а если нарушу это, то буду наказан смертью, выстрелом в грудь.

2. Не буду вести распутной жизни, а если нарушу это, то буду наказан смертью, выстрелом в сердце.

3. Буду сохранять покорность и сыновние чувства к родителям.

4. Уважать учителей и начальство.

5. Если в данной местности происходит беспорядок (подразумеваются буйства бандитов и солдат), все должны действовать сообща.

6. Каждый обязан тщательно и благоговейно выполнять дневной урок.

Весь устав насчитывает около 100 пунктов. Это лишь некоторые из мест

Богов у них великое разнообразие. Они молятся всем явлениям природы: солнцу, луне, звездам, огню и даже свету лампы.

Они почитают своим патроном святого, который скрывается в одиночестве в течение нескольких месяцев и которого они считают всемогущим. Посвященные обязаны еженощно жечь ладан и молиться коленопреклонно лицом к западу. Человек, промолившийся таким образом 128 ночей, считается завершившим культ высокой веры, и затем считается, что он может противостоять любому оружию.

Вхождение в общество очень упрощенно. Необходимо лишь приготовить желтый шарф и три фута красной материи, которой нужно покрыть голову во время обета. После этого он считается членом общества. Вновь принятый в общество член обязан каждую ночь выходить в поле молиться богу. Молящийся молча стоит на коленях и заканчивает молитву, когда ладан весь сгорает. После трех дней новичок может подвергнуться испытанию мечом, а после десяти дней — огнестрельным оружием. Существует ряд разновидностей такой подготовки, а именно: самооборона, защита от мечей, защита от пик и защита от пуль. Пройдя всю эту подготовку, член общества считается способным противостоять врагам.

Основной ячейкой общества красных пик является десяток; над десятком нет вышестоящих организаций. Ими руководят многочисленные вожаки, и они действуют в большом порядке, даже если количество их достигает нескольких десятков тысяч. При возникновении в деревне какой-либо смуты они поднимают тревогу барабаном и гонгами. Тогда стар и млад высыпает на улицу с мечами в руках и атакует врага.

Таково состояние ОКП в южном Шаньдуне. В Хэнани, укрываясь от давления властей, они приняли название «Красное учение» («Хунг-сию»). Одна из таких организаций охватила множество деревень и насчитывает в каждой от 20 до 60 членов. Во главе каждой группы стоит начальник и его помощник. От пяти до

тридцати таких групп Сию образуют об'единение — корпус во главе которого стоит вожак с одним или двумя помощниками, которые имеют право распоряжаться членами организации. ОКП имеет ряд ответвлений, носящих название: «Те-хунг-сю» (Чьен-мен), «Сяо-хунг-цю» (Кан-мен), «Чин-чун-цао» и друг. Кроме общества красных пик, существует общество белых пик, о-во черных пик, о-во желтых пик, Хуан-ша-хуэй, Шин-иен-чяо, У-йен-вэй, Йин-то-юрт и т. д. Но они не идут в сравнение с СКП в смысле силы и влияния. Сущность их та же. Поэтому мы будем называть их в дальнейшем обществом красных пик.

Название ОКП вызвано тем, что члены о-ва носят с собой пики, украшенные красными шелковыми шнурками, в то время как общество желтых и белых пик употребляет украшения соответствующих цветов. О-во черных пик имеет в последнее время распространение вдоль Тай-ана. Они отличаются от красных пик тем, что употребляют только пики, в то время как ОКП пользуется скорострельным оружием. ОКП приобретает ружья за деньги, собранные по подписке, пропорционально числу му земли, а о-во черных пик само изготавливает свои пики. Есть еще различие между ними. Первые (ОКП) добывают деньги на свои расходы по подписке пропорционально му, а последние черные пик не пользуются общественными деньгами. Кроме того, учителя ОКП неустанно и серьезно призывают своих учеников не гнаться за добычей и за женщинами. Черные пики не ведут такой проповеди.

«Хуан-ша-вэй» распространен в Ян-ку. Каждый вступающий в о-во получает кусок желтой материи. В случае каких-либо недоразумений, они запрашивают бога с помощью дощечки. Способ этот заключается в написании заклинаний на доске, покрытой желтым песком, предоставляя руке свободно двигаться по нему. Поэтому их зовут Хуан-ша-вэй (о-во желтого песка). Их цель — поддержание мира и порядка в своей местности и защита жителей. «Шин-иен-чяо» («секта мудрецов») имеет преобладающее распространение вдоль Син-тай, и приверженцы этой секты носят прозвание «Цзю-ху» (изучать доброту). Они прорицают приближение беды, который можно избежать, лишь присоединившись к секте.

Они собираются в горах для защиты от бандитов и солдат.

«У-йен-вэй» получили свое название по пяти цветам: зеленый, желтый, красный, белый и черный. Другие организации,

вроде «Йин-ту-эр», «Тиа-пу-сан», «Чин-чун-сас», довольно многочисленны в Шеньси. Кроме них, еще есть множество других. Основной их чертой является суеверие. Исчерпав все известные им средства защиты, они обращаются к суеверию.

ОКП создаются обычно для следующей цели: противостоять бандитам, препятствовать бесчинствам солдат, противодействовать чрезмерным и разнородным налогам, противодействовать хождению военных денег и противодействовать реквизиции кули для военных нужд. Короче говоря, эти общества формально возникают для охранения мира и спокойствия крестьян. В самих этих обществах существует внутренняя борьба, например, борьба между землевладельцами и арендаторами, борьба между кулацкой частью деревни и бедняками и т. д. Но до известной степени вышеуказанные цели об'единяют все эти разнородные группы крестьянства и даже отдельных мелких помещиков против общего врага — милитаристов. Часто вождем такой организации является наиболее богатое лицо в деревне, а наиболее активными членами ее — лица, обладающие собственностью. В Хэнани и Шаньдуне большая часть членов обществ красных пик — крестьяне-собственники или же арендаторы. Число же батраков, входящих в них, чрезвычайно немногочисленно. Власть в значительной части этих обществ находится в руках имущих классов, и отдельные местные хулиганы и военные проявляют сильное стремление использовать эту организацию. Поскольку имущие классы деревни и значительное количество деклассированных крестьян часто используют ОКП для угнетения самих крестьян, эти общества по социальному признаку разделены на 3 группы: 1) чисто крестьянская организация самообороны, 2) бандитская организация ОКП, 3) ОКП, используемая местными хулиганами. Первый тип — организация крестьян, которые восстают, вследствие невозможности терпеть невыносимый гнет со стороны милитаристов и бандитов. Основной целью этого типа обществ является противодействие бандитам и военщине. Но этот тип обществ, если он не имеет достаточно революционного руководства, не отличается особой активностью. Они восстают лишь тогда, когда угнетение превосходит всякие пределы. Второй и третий тип ОКП пользуется обстоятельствами в целях личной наживы. Бандитские организации ОКП организуются деклассированными элементами деревни. Они чрезвычайно активны и повсеместно вместе с беглыми солдатами грабят насе-

ление. Эти организации фактически ничем не отличаются от обычновенных бандитов. Общества красных пик, используемые имущими элементами деревни, довольно многочисленны, потому что ОКП в пров. Хэнань и Шаньдунь стали уже настолько большой силой, что не могут не обращать на себя внимания помещиков. Когда милитаристы увеличивают свои армии, то они рассматривают местные ОКП как силу, которую необходимо использовать как резерв. Поэтому многие из наиболее активных местных помещиков стараются организовать свои ОКП. С одной стороны, они подавляют крестьян, с другой стороны, стараются попасть в войска милитаристов и таким путем увеличить свои шансы на личную наживу. Поэтому в Хэнани имеет место то своеобразное явление, что многие богачи деревни стремятся войти в ОКП и руководить ими, имея в дальнейшем стремление сделаться командирами отдельных войсковых соединений в армиях милитаристов. Между всеми этими типами ОКП часто происходят столкновения. Например, ОКП в Текоу, имея в своих рядах бродяг и бандитов, организовало специальную секцию, под названием «Пай-чи-хуэй», для борьбы с насилиями бандитствующих красных пик. Из-за этого имели место резкие столкновения. Общество «Та-хун-цзю» в Юн-яне есть чисто крестьянский союз, в то время как в Ся-хун-цзю более напоминает бандитов. Из-за этой разнородной структуры этих организаций между ними постоянно происходят столкновения.

Независимо от своего социального состава, красные пики и им подобные крестьянские организации главное свое внимание направляют на борьбу с китайскими милитаристами. Еще в 1925 г в пров. Шаньдунь чжан-цзу-чановские войска терпели сильнейшие поражения от этих восстающих и организованных в общества красных пик, крестьян. Крестьяне подчас уничтожали целые войсковые части, которые беспощадно грабили крестьянство; в ответ на это Чжан-цзу-чан, губернатор Шаньдуня, послал карательные экспедиции, которые уничтожали крестьянские деревни, громили общества, расстреливали их руководителей. Эти репрессии против красных пик еще более возбуждали крестьянство и толкали их на новые, все более ожесточенные выступления против мукденских и шаньдунских войск. Разгорелась настоящая война между обществами красных пик и армиями мукденцев. Эта борьба в течение всего времени нахождения в пров. Шаньдунь, Чжили мук-

денских войск велась с переменным успехом. Доходило до того, что мукденские войска оказывались буквально не в состоянии выдержать напор красных пик и вынуждены были просить их перемирия, обещая за это целый ряд льгот крестьянам, в частности, обещая заставить солдат мукденских армий не грабить население. Параллельно с этим мукденские власти старались привлечь на свою сторону и даже включить в состав своих армий организации красных пик, руководителями которых и наиболее активными членами являлись имущие или бандитские элементы деревни. Но и это очень редко помогало, так как дифференциация в обществах красных пик шла все дальше, и революционные настроения бедняцких и середняцких слоев хэнаньской деревни все более подпадали под руководство отдельных коммунистов и гоминдановцев, работавших в этой провинции. ОКП выились в грозную силу, которая представляет из себя серьезнейшую угрозу феодально-милитаристическому лагерю, представляющему Мукденом. При дальнейшей реорганизации ОКП по классовому признаку в нормальные крестьянские союзы они, конечно, должны были сыграть серьезнейшую роль в деле развития аграрной революции в Китае.

Таким образом, когда мы подводим итоги роста крестьянского движения в Китае, на первом этапе общенационального фронта, то мы можем сделать совершенно определенные выводы.

Первое: рост массового крестьянского движения в китайской деревне идет параллельно с ростом активности реакционных элементов в деревне, направленной на борьбу с крестьянскими организациями.

Второе: революционная деятельность кантонского правительства, во время пребывания его в Кантоне до Северного похода, несмотря на все растущее противодействие местных реакционных властей, помещиков и джентри, борьбу под их руководством отрядов минтуаней и корпуса милиции с крестьянскими организациями и несмотря на многие колебания в самом правительстве, дала определенные результаты, в смысле необычайного усиления активности крестьянских союзов, количественного их роста и создания новых кадров руководителей этого движения из среды самих крестьян.

Третье: Северный поход кантонских войск, руководителем которого, особенно в начале и в середине его, была буржуазия, сы-

трагал огромную революционную роль, в смысле пробуждения массового движения в провинциях, которые захватывались этим Северным походом, чрезвычайно быстрого роста массовых крестьянских организаций, придания им определенной централизованной системы и выставления лозунгов, близко подходящих к стремлениями китайского крестьянства по улучшению своего материального положения.

Четвертое: огромный рост крестьянского движения, принявший сравнительно организованную форму, встретил на своем пути наличие крупнейших остатков феодального строя, уничтожение которых в силу этого должно было стать первоочередной задачей растущей аграрной революции.

Пятое: только при помощи революционных мероприятий китайское крестьянство могло, во-первых, смести эти остатки феодального строя, и, во-вторых, улучшить свое невыносимое материальное положение.

Шестое: этот рост массового крестьянского движения, в сочетании с растущим рабочим движением в городах, задевая по основным интересам милитаристически-феодальных группировок в деревне и буржуазии в городе, должен был неминуемо оттолкнуть от революции и буржуазию и те помещичьи группировки, которые в силу особых обстоятельств, часто персонального свойства, оставались еще на стороне революции.

ПЕРЕВОРОТ ЧАН-КАЙ-ШИ И ОБРАЗОВАНИЕ НОВОГО ЛАГЕРЯ — ЛАГЕРЯ БУРЖУАЗНОЙ РЕАКЦИИ.

12 апреля 1927 г. Чан-кай-ши вместе с некоторыми верными ему войсковыми частями выступил против революции, произвел переворот в Шанхае, Нанкине и некоторых приморских городах, в том числе и в Кантоне, и начал наступление против рабочего и крестьянского движения. Конечно, 12 апреля явилось только переломным моментом в отходе буржуазии от революции и переходе ее на сторону контрреволюции. Этот процесс отхода начался еще ранее, и еще VII расширенный пленум Коминтерна, определяя будущие перспективы китайской революции и роль в ней национальной крупной буржуазии, определенно указывал на историческую неизбежность этого процесса отхода. VII пленум Коминтерна, предсказывая неизбежность такого процесса, имел приме-

ром не только события 20 марта 1926 года, но и ряд последующих колебаний, отступлений от революционной линии и даже прямых измен революции со стороны национальной крупной буржуазии.

После VII расширенного пленума этот процесс отхода буржуазии от революции намечался все яснее и яснее, а дальнейшее расширение и углубление массового движения рабочих и крестьян Китая все сильнее подталкивало буржуазию к отходу от революции. Взятие Шанхая, небывалый подъем рабочего движения, вылившийся в восстание шанхайского пролетариата против мукденских войск в Шанхае перед занятием его кантонскими войсками, сильнейшее обострение борьбы против империализма и, как следствие этого, нажим империалистов (расстрелы в Нанкине, ноты держав по этому поводу, посылки новых войск в Китай и т. д.) — все это, вместе взятое, делало неизбежным окончательный переход буржуазии на сторону контрреволюции. При таких обстоятельствах события 12 апреля были только переломной датой в этом назревшем уже процессе отхода буржуазии от революции.

Но точно так же является несомненным, что этот процесс не закончился немедленно после 12 апреля, а должен был продолжаться и далее, отрывая от революции ставшие уже теперь чуждыми ей элементы.

С отходом китайской крупной буржуазии от революции в Китае образовалось фактически три лагеря: первый лагерь, лагерь феодально-милитаристических группировок (типа Чжан-цзо-лина и К⁰), тесно связанных с империализмом, компрадорскими элементами и некоторыми группами помещиков деревни, — этот лагерь, в силу своей тесной связности с империализмом, осуществлял наиболее реакционную прежде политику в своей борьбе против революции. Характерной его особенностью является именно эта связь с империализмом. Второй лагерь, который образовался после перехода буржуазии в лагерь контрреволюции, будучи глубоко реакционным по существу, вместе с тем имеет весьма характерные особенности, которые, в особенности на первых порах, отличают его от феодально-милитаристического лагеря. Этот лагерь, начав расправу с рабочими и крестьянами, начав ожесточенную борьбу с революционным движением в городе и деревне, вместе с тем сохранил, правда, в значительной степени по внешности, некоторые черты антиимпериалистической политики. Отличие этого лагеря от лагеря феодально-милитаристического за-

ключается именно в этих остатках антиимпериалистической политики, которые придают ему известный политический вес. В силу этой традиционной преемственности антиимпериалистической политики этот лагерь буржуазной реакции имеет возможность даже до настоящего времени использовать эти свои антиимпериалистические черты для отвлечения от революции некоторых групп рабочих и крестьян. Нужно сказать, что лидеры буржуазии, правые гоминдановцы, довольно ловко используют эти свои, в значительной степени внешние черты антиимпериалистической политики. 10-й тезис декларации Чан-кай-ши, изданной вскоре после переворота, гласит: «Три пути открыты для Китая: первое — подчиняться милитаризму и империализму; второе — следовать по пути коммунизма и третье — действительно проводить три принципа Гоминдана и строить сильное правительство». Выступая под маской освободителей Китая и противопоставляя себя коммунистам, как агентам Москвы, лидеры буржуазной реакции ловко используют свои былые революционные черты. В четвертом тезисе этой декларации Чан-кай-ши пишет: «Гоминдан стоит за самоопределение народов и присоединение к мировой революции, на основе равенства между нациями, тогда как коммунисты смиряются перед манипуляциями России». Конечно, эта ложь Чан-кай-ши становилась все ясней и ясней рабочим и крестьянским массам, но до некоторого времени все же эта спекуляция на антиимпериалистической борьбе приносила свои политические проценты.

Третий лагерь — лагерь Ухана, лагерь революционных рабочих, крестьян и городской бедноты — был настоящим революционным лагерем. Этот лагерь был призван к тому, чтобы руководить революцией, к тому, чтобы двигать вперед массовое движение, расширять и углублять аграрную революцию. Но этот лагерь с самого начала перехода буржуазии в стан реакции носил тоже свои характерные черты. Власть в нем осуществлялась Гоминданом, или, правильнее, не всем Гоминданом, а его верхушкой, которая, несмотря на свою в то время революционность, была чрезвычайно оторвана от действительно революционных масс левого Гоминдана. Этот лагерь, с отходом буржуазии и значительной части армии от революции — выступления их уже на стороне контрреволюции — потерял значительную часть своей военной силы, да и оставшаяся военная сила не была надежной, действительно революционной

вооруженной силой. Поскольку отдельные руководящие элементы армии были теснейшим образом связаны с феодально-помещичьими группировками, поскольку значительная часть их, особенно комсостав, сама принадлежала к этой помещичьей группировке, — неизбежен становился процесс отхода и этих военных группировок от революции и перехода их на контрреволюционный путь. Правда, до некоторого времени этот переход сдерживался целым рядом персональных отношений как между этими военными группировками внутри уханской армии, так и взаимоотношениями их с Чан-кай-ши и другими генералами нанкинской армии. Но все это компенсировалось с верхом колоссальным развитием массового революционного движения в городе и деревне, придававшим этому лагерю чрезвычайный вес и полную возможность для победоносного завершения революции.

РОСТ АГРАРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Несмотря на то, что Чан-кай-ши и китайская буржуазия после переворота 12 апреля повели форменное наступление на крестьянские организации, стремясь подавить растущее революционное движение крестьян, стремясь разгромить аграрную революцию в деревне на захваченных им территориях, крестьянское движение не было разгромлено. Правда, во многих местах буржуазии удалось совместно с помещичьим элементом, используя все реакционные классовые силы в деревне, о которых мы подробно говорили в главе о крестьянском движении (минтуани, джентри и т. д.), придавить крестьян, но движение, будучи загнано в подполье, приобрело вместе тем чрезвычайно резкие, ожесточенные формы.

На юге Китая повсеместно вспыхивают крестьянские восстания в противовес растущему нажиму реакции. Особенно сильное движение возникает в районе Западной реки, где крестьянские отряды самообороны успешно борются с минтуанями и с регулярными войсками, посланными для их подавления.

Сообщение из Шанхая от 17 мая 1927 г говорит что крестьянские восстания в районе Сватоу продолжаются. Против крестьянских отрядов из Сватоу высланы части надежных войск, снабженные пулеметами; одновременно властями Сватоу отдан приказ сельским минтуаням выступить против восставших крестьян. Кре-

стяянские отряды концентрируются в уездах Тен-хай (Гуандунской провинции — 18 км от Сватоу к северу), Чжао-пин (Гуандунской пров. — 60 км от Сватоу) и ЧАО-АН (Фуцзян — 60 км от Сватоу). В крестьянских отрядах насчитывается несколько тысяч бойцов. Посланные на их подавление войска не в состоянии справиться с ними и требуют себе подкрепления. Сильные крестьянские отряды, руководимые коммунистами, сосредоточены в районах Пунина (Гуандунской пров. — 50 км от Сватоу к востоку) и Часана и выжидает удобного момента для нападения на Сватоу и Вай-чжоу. Насколько сильно в крестьянских массах этого района коммунистическое влияние, ведущее крестьян на восстание против реакции, — показывает донесение миссионеров из этого района, «не поддается описанию, насколько все проникнуто здесь коммунистической пропагандой. Трудно понять, как эти неграмотные крестьяне сумели доисконально усвоить коммунистические доктрины, однако факт налицо». Конечно, крестьянам, даже и неграмотным, было нетрудно усвоить эти доктрины, поскольку коммунисты призывали крестьян к восстанию против реакции, громящей крестьянские организации, стремящейся восстановить прежнее положение, когда помещики и джентри могли свободно распоряжаться в деревне, когда крестьяне задыхались от безземелья и умирали от голода.

Гонконгская газета «Минго-ши-бао» от 11 июня сообщает что столкновения крестьянских отрядов с регулярными войсками в районах Увай и Пунин (на юго-востоке пров. Гуандунь, в 50 км от Сватоу) прекратились, и правительственные войска были отозваны; очевидно, реакция полагала, что крестьянское движение в этом районе окончательно подавлено. Однако после ухода войск вооруженные крестьянские отряды возобновили свою деятельность «как ни в чем не бывало». 6 июня, по словам газеты, вооруженные крестьянские отряды в несколько сот человек окружили город Пунинсян, под стенами которого происходят ожесточенные бои. Военные власти Сватоу срочно отправили в эти районы войсковые части. Военные власти могли отправлять сколько угодно войск, но, поскольку крестьяне боролись за свое существование против реакции, стремящейся повернуть все по-старому, данных на успех у войск было очень мало. В лучшем случае они могли загнать восстающее крестьянство в подполье, могли разгромить крестьянские организации, сжечь деревни и перебить

повстанцев (что они, между прочим, и делали), но окончательно задавить это движение реакции было не под силу.

В июне же месяце более тысячи крестьян напали на городское управление в Ямыне и освободили 200 заключенных в тюрьме, арестованных за выступления против нанкинского правительства. Городской голова города бежал и до сего времени не вернулся в город. Такое восстание крестьян, когда они не только очищают от минтуаней и правительственные войск свои деревни, но и нападают на города и даже больше того — берут эти города, показывает насколько сильно было крестьянское движение в этом районе. Тот же факт что крестьяне освободили 200 заключенных в тюрьме, показывает, что движение приняло такие серьезные размеры, что правительству приходится арестовывать в одном, даже небольшом, районе целых 200 главарей.

В это же время гонконгский корреспондент агентства «Тохо» сообщает, что генерал Чен-да-чун (командированный для борьбы с крестьянскими повстанцами) немедленно по приезде в Сяо-цзян организовал штаб и принял меры оборонительного характера против сил Чен-чи-яо (коммунист, возглавляющий повстанческое движение крестьян). В Кантоне производится вербовка людей для войск Чен-да-чуна. Рекруты отправляются в Сяо-цзян. Несколько китайских командиров выехали также из Кантона в Сам-сунь. Циркулируют слухи, что железная дорога Кантон — Ханькоу перерезана. В этом сообщаемом факте интересны два обстоятельства: во-первых, что коммунист возглавляет повстанческое движение крестьян, и то, что движение настолько сильно, что даже железная дорога перерезана, и против повстанцев приходится высыпать крупные правительственные войсковые силы. Тот же корреспондент «Тохо» сообщает, что Чен-чи-яо, во главе отрядов крестьянских повстанцев, подошел к городу Сяо-гуаню и угрожает его взятием.

Можно было бы привести еще целый ряд фактов, показывающих чрезвычайное развитие крестьянского движения как на юге Китая, так и в других провинциях, занятых реакцией, но мы думаем, что и этих фактов достаточно для того, чтобы показать, что крестьянское движение под нажимом реакции не было окончательно разгромлено и приняло особо острые формы.

В пров. Хэнань в это же время под влиянием деятельности мукденских войск все более и более ширилось движение красных

пик. Это движение приняло необычайно широкие формы и привело к тому, что мукденские войска на занятых ими территориях пров. Хэнань буквально не могли действовать против уханских войск и против войск Фын-юй-сяна.

Вот несколько фактов из крестьянского движения в пров. Хэнань, относящихся к этому времени. Английский орган в Шанхае «Норд Чайна Дейли Ньюс» от 9 мая сообщает об увеличившемся движении крестьянских отрядов самообороны красных пик в пров. Хэнань. «Отдельные отряды красных пик, — пишет газета, — разбросаны по всей провинции. Многие уезды, занимающие громадную территорию, находятся целиком под властью красных пик. Красные пики хорошо организованы. Руководят ими офицеры-инструктора. Собрания красных пик созываются регулярно. Сигнальная система отрядов хорошо разработана». Это сообщение газеты вполне соответствовало действительности, ибо в это время Чжан-цзу-чан и другие командиры мукденских войск вынуждены были поднять перед Чжан-цзо-лином даже вопрос о заключении настоящего перемирия с красными пиками и о необходимости пойти на крупные уступки хэнанским крестьянам.

Другое сообщение от этого же времени — уже китайской прессы — говорит, что крестьянское движение в северной части пров. Хэнань ширится, общество «Тян-мен-уэй» («красные пики») преобразовало свои отряды в народное ополчение. Несколько уездов к востоку и западу от Пекин-ханькоуской ж. д. занято крестьянскими отрядами. Мукденские войска не в состоянии подавить движение. В середине мая китайская пресса сообщает, что движение красных пик в пров. Хэнань особенно усилилось после взятия мукденскими войсками Суй-пина (на Пекин-ханькоуской ж. д.). В уезде Ие-си-ен бандиты с помощью дезертиров разорили в течение недели 300 деревень и убили много крестьян. На помощь крестьянам выступили красные пики, которые нанесли поражение бандитам. Особенно сильны красные пики в районе Лойана, где они хорошо вооружены и имеют в своем распоряжении даже полевые орудия. Чжан-чин-ху (мукденский генерал) неоднократно пытался вступить с отрядами красных пик в переговоры. Однако красные пики задерживали парламентеров Чан-хин-хуна. Это движение красных пик в районе Лойана и в других местах около фронта между Фын-юй-сяном и мукденцами было настолько сильно, что само взятие Лойана китайская пресса (и притом

совершенно правильно) приписывала только помощи со стороны красных пик, которые оказывали активную помощь продвижению войск Фын-юй-сяна на Кайфын. Это сочувствие красных пик уханскому правительству подтверждают и японские корреспонденты, которые в мае месяце сообщали, что красные пики начинают склоняться на сторону уханского правительства».

Национальное китайское а-во «Гоу-вен» сообщает в мае мес. об усиливающейся деятельности красных пик в Хантане и Тамине, а также во всей южной части пров. Чжили, и о том, что движение это настолько сильно, что 15-я Гиринская дивизия Чжан-цзо-сяна направлена в Хантан, чтобы подавить деятельность красных пик в тылу мукденской армии. Между мукденскими войсками и красными пиками в этом районе происходили ожесточенные сражения с явным перевесом на стороне красных пик.

У нас имеются сведения о подробностях этого таминского восстания красных пик. Северные войска взяли в плен и казнили вождя красных пик — Лю, в ответ на это, отряд красных пик, численностью в 20 000 человек, окружили Таминфу. Борьба между северными войсками и красными пиками продолжалась несколько дней. Войска отступили за городскую стену, и красным пикам удалось даже занять окраины города, и только после ожесточенных боев и прибытия крупных подкреплений, войскам удалось несколько отеснить отряды красных пик. Этот факт такого крупного восстания, когда красные пики занимают окраины одного из крупных городов и наносят поражение крупнейшим войсковым частям мукденцев, весьма знаменателен, — он показывает, насколько сильно было это движение красных пик и какие крупные усилия приходилось делать реакции для того, чтобы хотя бы в некоторой степени сократить это движение.

«Норд Чайна Стандарт» сообщает, что в пров. Шеньси в июне мес. усиленно разрастается новое «боксерское движение». Газета под «новыми боксерами» подразумевает красные пики. Сведения об энергичной деятельности отрядов красных пик в пров. Шеньси газетой были получены от прибывших в Пекин шведских миссионеров, которые старались изобразить красные пики в виде какой-то почти людоедской религиозной секты. Конечно, миссионеры в данном случае пускают определенную провокацию,

так как движение красных пик является, в особенности последнее время, классовым движением крестьян, направленным к защите крестьян от наступления феодально-милитаристической реакции. Те же миссионеры вынуждены были признать, что красные пики в пров. Шеньси являются крупной силой, которая действует не только против угнетения милитаристов, но и против империализма. Миссионеры говорят, что шеньсийские крестьяне, солдаты и студенты все время поют «песни, полные ненависти к иностранцам», и что вообще «стало совсем невозможно продолжать миссионерскую работу», так как иностранцы на улицах подвергаются насмешкам и т. д.

И в движении красных пик можно было бы привести бесчисленное количество примеров, показывающих, насколько сильно это движение и насколько ожесточенные формы приняла борьба крестьянства с феодально-милитаристической реакцией. Характерно, что это движение красных пик, которое всего несколько лет тому назад носило полумистический характер, было затуманено целым рядом религиозных предрассудков, в последнее время принимает все более и более классовый характер, направляя основные свои удары против остатков феодального строя в деревне, против угнетения крестьян помещиками и джентри за конфискацию помещичьих земель и т. д. Не менее характерным является активное участие коммунистов в этом движении красных пик. Коммунисты провели целый ряд мероприятий, организуя отряды красных пик и реорганизуя самые организации, придавая им определенно классовый характер.

Что касается территорий, оказавшихся под властью уханского правительства, то на них крестьянское движение поднималось с необычайной быстротой. Крестьянское движение в пров. Хунань достигло таких размеров, что дальнейшее развитие его должно было неминуемо вызвать отход помещичьих группировок, находившихся в армии уханского правительства, и возникновение с их стороны движения против этого крестьянского движения. Уже в мае мес. 1927 г. Хунань была центром крестьянского движения. С марта 1927 года по май число членов крестьянских союзов возросло с 2 000 000 до 5 370 000 человек, среди них 300 000 женщин. Такое увеличение членов крестьянских союзов в 2 раза за 2 месяца наглядно показывает рост крестьянского движения в этой провинции. Следует при этом иметь в виду, что обычно в

союз вступал лишь один член семейства, так что фактически в организованное крестьянское движение было вовлечено значительно большее количество лиц, чем вышеуказанные цифры. За исключением нескольких уездов в западной части Хунани, крестьянские союзы были организованы во всех уездах провинций. В одном Сянтанском уезде насчитывалось 500 000 членов. Крестьянские союзы в деревне являлись фактической властью. Организованные по деревням крестьянские комитеты изгоняли оставшуюся еще после милитаристов старую власть, состоявшую из чиновников и джентри, и становились сами во главе деревенского управления. Во многих местах уездная власть также находилась под контролем союза. Крестьянские союзы в деревнях плебейским способом проводили целый ряд мероприятий, являющихся функциями власти; они устанавливали твердые цены на предметы первой необходимости, регулировали вывоз риса, производили суд над джентри, ростовщиками и помещиками; в качестве наказания крестьянские союзы применяли штрафы, конфискацию имущества, а иногда и расстрел наиболее злостных реакционных элементов в деревне. Практиковались также и «моральные» наказания. Виновных проводили по улицам в высоком колпаке с надписями, говорящими об их преступлениях; но крестьянские союзы одновременно с этим проводили и большую работу по землеустройству, по наделению землей безземельных и малоземельных крестьян, по урегулированию налогового вопроса, по снижению аренды и т. д. Крестьяне, в лице их отрядов самообороны, спешно вооружались. Эти деревенские отряды самообороны начали беспощадно громить отряды минтуаней и вообще вооруженную силу реакционных элементов в деревне. Кроме того, крестьянские союзы вели большую культурно-просветительную работу, проводили кампании против курения опиума, азартных игр, вели борьбу с бинтованием ног у женщин, открывали вечерние курсы по ликвидации безграмотности, женские курсы, библиотеки и проч. В этой работе на помощь крестьянам приходили в большинстве случаев местные организации компартии и временами организации левого Гоминдана. Характерным в этом движении хунанского крестьянства является то обстоятельство, что наиболее активной частью крестьянских союзов была беднота, малоземельные крестьяне и арендаторы, которые составляли 70 % членов союза. Быстро шло вооружение крестьянства. Крестьянство добровольно

облагало себя дополнительным налогом для покупки оружия, патронов и других боеприпасов. За неимением винтовок, крестьяне часто вооружались пиками и другим самодельным оружием, а также оружием, отобранным у местных отрядов минтуаней. Крестьяне под руководством компартии старались подготовить квалифицированных руководителей крестьянских отрядов самообороны. В Чанша была открыта специальная школа таких руководителей, рассчитанная на 500 человек. Характерно, что в дальнейшем, когда в Чанша комсоставом стоявшего там гарнизона, состоящего из местных помещиков, было произведено выступление против уханского правительства и против растущей аграрной революции, повстанцы, в первую очередь, постарались разоружить именно эту школу.

Крестьянство старалось организоваться в провинциальном масштабе для того, чтобы повести более широкую работу по углублению аграрной революции. Делегация конференции крестьянского союза пров. Хунань, состоявшей в апреле с. г., вынесла специальное постановление, которое содержало следующие два момента: 1) необходимо сплотить свои силы для экономической борьбы для того, чтобы добиваться снижения аренды, и 2) об'единиться для политической борьбы. В своей речи на этой конференции председатель областного крестьянского союза указал, что феодализм должен быть сломлен, и что прежняя административная система должна уступить место деревенскому самоуправлению. Эти две мысли председателя крестьянского союза выражали фактически общее настроение крестьян в пров. Хунань, ибо движение уже в апреле 1927 г. шло именно по линии радикального уничтожения остатков феодализма в деревне и по линии организации местной народной власти в деревнях.

Если мы обратимся теперь к крестьянскому движению в пров. Хубей, то мы увидим, что и там это движение развивалось с небывалой быстротой. Число членов крестьянских союзов в Хубее, составлявшее в марте 800 000 чел., к середине мая увеличилось до 2 200 000 чел., т. е., иначе говоря, средний ежедневный прирост членов крестьянских союзов составлял около 30 000 человек. Темп роста крестьянских союзов все более и более повышался. Точно так же, как в пров. Хунань, в большинстве уездов пров. Хубей в деревнях власть фактически находилась в руках крестьянских союзов. Во многих уездах старый аппарат власти был

плебейским же способом крестьянами совершенно упразднен. Если же местные власти, оставшиеся еще от времен милитаристов, сопротивлялись, то крестьяне силой изгоняли их и организовывали свое собственное крестьянское самоуправление. Эти крестьянские самоуправления, так же, как и в пров. Хунань, выполняли фактически функции власти на местах. Судебные дела разбирались непосредственно в деревнях, причем эти своеобразные крестьянские суды разбирали дела по обвинениям реакционных джентри, «тухао», ростовщиков, помещиков и других элементов, которые эксплуатировали китайскую деревню. Так же, как и в пров. Хунань, эти суды выносили различные наказания вплоть до изгнания этих элементов из деревни и даже расстрелов. В уезде Янсин за май месяц по приговорам крестьянских судов казнено 45 человек наиболее реакционных элементов деревни. Крестьяне отдельных деревень арестовывали реакционных помещиков и джентри и доставляли их в распоряжение провинциального крестьянского союза, находящегося в Ухане, который передавал их в распоряжение судебных властей. За этот же месяц в крестьянский союз пров. Хубей было доставлено из разных уездов 160 человек, переданных в распоряжение судебных властей.

Хубейские крестьяне в своих требованиях выставляли на первый план требование земли. Крестьянские конференции в уездах Хуанган, Ло-тиен, Ян-син и другие выдвигали лозунг конфискации земли у крупных помещиков. В некоторых районах крестьяне, готовясь к переделу земли, самостоятельно производили предварительный обмен земельных участков и подсчет душ, а в некоторых местах уже приступили к самому переделу земли, в первую очередь конфискованных у наиболее реакционных помещиков своих деревень. Помещики бежали в города. Уже в то время руководители крестьянского союза провинции Хубей сомневались, чтобы ближайшей осенью крестьяне начали вносить обычную арендную плату помещику, скорее всего можно было предполагать, что крестьяне вообще откажутся платить какую бы то ни было арендную плату, а в некоторых местах, где сроки взноса аренды подходили в это время, или где необходимо было платить ростовщикам проценты, крестьяне уже категорически отказывались производить эти взносы. Стоимость уже конфискованной земли и недвижимого имущества крупных помещиков, джентри и «тухао» в мае месяце превышала 20 000 000 кит. долларов.

Точно так же, как в провинции Хунань, крестьяне поспешно вооружались, одновременно разоружая отряды минтуаней. Крестьяне облагали себя также и добровольным налогом для того, чтобы закупать в городе оружие. Кроме того, они посыпали специальные делегации к провинциальным и центральным властям с просьбой о выдаче оружия для деревенских отрядов самообороны. Правда, центральное правительство не особенно охотношло на такое снабжение оружием, но показателен именно этот факт обращения крестьян за оружием к правительству. Основными требованиями, которые выставляли хубейские крестьяне, были следующие: 1) вооружение крестьян и создание своих вооруженных отрядов, 2) оформление крестьянской власти на местах, 3) создание крестьянской кооперации и кредитных организаций, ввиду прекращения деятельности ростовщиков, многие из которых уже бежали в города, и т. д.

«Фар Истерн Таймс» от 13 июня 1927 года говорил, что «по-крестьянскому движению Хубей быстро превращается во вторую Хунань. Крестьянские союзы всемогущи в 69 округах провинции. Они не только отбирают собственность землевладельцев, но и убили многих из них. Например, хотя генерал Тан-пинчен является командиром 2-й национальной армии, не только его имение в Хуанкане было конфисковано местным союзом, но и один из его братьев был казнен, за то, что он был землевладельцем». Конечно, крестьяне расстреляли этого брата, очевидно, не только за то, что он был просто землевладельцем, а за то, что он был одним из наиболее реакционных элементов деревни, ибо движение пока-что шло именно только против наиболее реакционных помещиков и джентри. Но постепенно, все более и более развиваясь, оно должно было развернуться в борьбу крестьянства со всеми помещиками, в борьбу крестьянства за отобрание земель у помещиков.

Конечно, этот небывалый рост крестьянского движения и в особенности углубление этого движения, направленное по линии конфискации помещичьих земель, передела этих земель между малоземельными и безземельными крестьянами, по линии снижения арендной платы, а в дальнейшем и полного прекращения ее и т. д., должен был напутать не только помещичьи группировки, находившиеся в армии, но и само уханьское правительство; если бы не были приняты определенные мероприятия, которые должны

были связать уханское правительство с массами, должны были подпереть его в тот момент когда оно, под влиянием этого своего испуга, было на переломном рубеже.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ ПОСЛЕ ОТХОДА БУРЖУАЗИИ.

Рабочее движение и до переворота, произведенного Чан-кайши, в силу особой своей структуры и многих обстоятельств, о которых мы здесь не говорим, было фактически разделено на два русла, из которых одно шло целиком по линии революции, другое же примыкало к революции лишь постольку, поскольку в революции участвовала буржуазия. С отходом буржуазии от революции рабочее движение, в особенности в Кантоне, где цеховое устройство имело наибольшее распространение, должно было фактически расколоться.

Сразу же после переворота китайская буржуазия повела бешеное наступление против революционного рабочего движения, используя все средства для того, чтобы отколоть от революционного движения наибольшее количество рабочих организаций, а с другой стороны, разгромить ту часть рабочих союзов, которые безоговорочно стояли на стороне революции.

Вскоре же после контрреволюционного переворота в Кантоне было об'явлено военное положение, на основании его военные власти запретили забастовки под страхом самого сурового наказания. С 21 апреля была введена строжайшая цензура пропаганды не только во всех газетах, но и в правительственные и общественные учреждениях и рабочих союзах. Пользуясь этим военным положением, местные контрреволюционные генералы, во главе с Ли-ти-сином, произвели форменный разгром многих рабочих организаций. Лидеры этих организаций арестовывались и расстреливались. Самые рабочие союзы закрывались. Деятельность же оставшихся незакрытыми рабочих союзов ставилась под строжайший контроль местных военных властей. Этими мероприятиями власти предполагали задавить рабочее движение. Пользуясь кампанией, открытой военными властями против революционного рабочего движения, предприниматели Кантона начали производить массовые незаконные увольнения.

Одной из наиболее революционных организаций был Гонконгский стачечный комитет, тот самый комитет, который проводил

знаменитую противогонконгскую стачку, продолжавшуюся полтора года. К моменту переворота в Кантоне находилось около 40 000 этих гонконгских стачечников, которые, закаленные в этой борьбе с Гонконгом, представляли из себя серьезную революционную силу. Не решаясь пока-что прямым нажимом разгромить эту организацию, право-гоминдановское правительство Кантоне начало готовиться к постепенной ликвидации этого комитета. Оно предполагало выдать каждому из стачечников по 100 долларов за то, чтобы эта организация не возражала против ликвидации. Насколько велика была сила этого стачечного комитета, — показывают усилия реакционного кантонского правительства, которые оно предпринимало для того, чтобы достать необходимые ему для окончательного расчета со стачечниками три с половиной миллиона долларов. Предполагалось, что полтора миллиона правительство возьмет из средств государственного банка, 500 000 из доходов с монополии, 500 000 получит путем займа у соляных торговцев и 1 миллион возьмет взаймы у Кантонской торговой палаты. Кантонская торговая палата по этому вопросу даже созывала специальное совещание, на котором присутствовал сам министр финансов. Так как желательных средств не было найдено, и так как стачечный комитет совершенно не был склонен самоликвидироваться, то кантонское правительство начало принимать решительные меры уже чисто военного свойства для разгрома этой организации.

В конце мая был разогнан кантонский союз печатников. По словам «Гонконг Дейли Пресс» от 28 мая, хотя внешне печатники как будто бы смирились, но обявление ими всеобщей забастовки более чем вероятно.

Для реорганизации кантонского союза моряков правыми гоминдановцами был образован специальный комитет. Это мероприятие совпало с разгромом гонконгского союза моряков английскими властями, причем при этом разгроме был предварительно произведен обыск в помещении союза и взяты различные документы.

Несколько раньше кантонские власти распустили рабочие отряды по борьбе с контрабандой, которые выполняли ту же роль, что и рабочие пикеты во время гонконгской стачки.

Как только военное положение было отменено, рабочие союзы революционного направления немедленно возобновили свою дея-

тельность. В городе опять появились рабочие пикеты. Бастовавшие рабочие табачных фабрик хотя и возобновили работу, но утромали вновь забастовать, если их требования не будут удовлетворены. Бастовавших почтовиков силой заставили возобновить работу.

Как мы уже сказали выше, кантонская буржуазия и реакционные военные власти, пользуясь уже имевшимся разделением между рабочими союзами, начали спешно всеми доступными им средствами подкреплять эти правые реформистские союзы, об'являть только их представителями рабочих соответствующей отрасли промышленности. Когда рабочие союзы хотели об'явить всеобщую забастовку, в виде протеста против переворота, и когда начался целый ряд революционных выступлений против этого переворота, Гуандунская федерация профсоюзов (правая, связанная с предпринимателями) опубликовала для сведения всех рабочих организаций следующее сообщение: «Во время действия военного положения созыв митингов, организация союзов, демонстрации и забастовки могут производиться лишь по особому предписанию Федерации. Для предотвращения всяких махинаций со стороны реакционеров (?) предписания эти будут составляться в письменной форме и скрепляться печатью. В случае возникновения каких-либо конфликтов союзы должны перед принятием соответствующих мероприятий совещаться с Федерацией. Забастовки в настоящее время недопустимы. Для того, чтобы выразить свою приверженность к Гоминдану, мы должны также нести ответственность за поддержание спокойствия и порядка».

Незадолго до этого реакционное кантонское правительство издало постановление, в котором заявило, что все забастовки будут рассматриваться им как контрреволюционные акты. Это обращение правой реформистской организации, тесно связанной с предпринимателями и реакционерами, весьма показательно. Приверженность к Гоминдану желтой Гуандунской Федерации профсоюзов рисуется как запрещение забастовок именно в то время, когда реакция бешено наступает против революционного движения рабочих, когда она тромит рабочие союзы, арестовывает руководителей и активных участников, бросает их в тюрьмы и расстреливает.

Правые профсоюзы, толкаемые предпринимателями и реакционными властями в Кантоне, употребляли все усилия и способы,

чтобы оторвать от революционного движения как можно больше рабочих. Не останавливались перед насилием для вербовки рабочих в свои правые союзы. Так, союз рабочих чайных предприятий обратился к рабочему отделу Гоминдана с письмом, в котором он требует прекращения насилиственной вербовки его членов правым союзом рабочих чайных заведений. Этот правый союз был в прошлом году по приказанию прежнего правительства распущен, однако после переворота бывший член его правительства — некий Та-сю-Фонг — организовал его вновь, и все те рабочие, которые отказывались от вхождения в него, подвергались со стороны его членов избиениям и всяческим преследованиям. В знак протеста против этого преследования революционно настроенных рабочих со стороны правого союза рабочие союзы чайных предприятий решили забастовать. Имеется целый ряд фактов, показывающих, что военные власти, буржуазия и реформистские союзы добивались любыми средствами и методами от кола отдельных рабочих от революции. Немудрено, что при такой работе этих правых профсоюзов Чан-кай-ши специально передал им свою благодарность за эту «полезную» работу и указал на то, что в дальнейшей борьбе с левыми он будет попрежнему на них рассчитывать. В то же самое время военные власти выпустили 21 апреля декларацию, в которой говорится, что легальным (т. е., иначе говоря, правым) организациям будет оказываться всемерная поддержка, и что все обвинения, которые будут возводиться на «подлинные» рабочие и крестьянские союзы, будут караться по всей строгости законов.

В противовес всекитайской Федерации труда, находившейся в Ханькоу, кантонские реакционеры начали организовывать под тем же названием реформистское об'единение в Кантоне. 5 мая организаторы его опубликовали следующее сообщение: «Всекитайская Федерация труда находилась до последнего времени под контролем коммунистов. Сейчас после их подавления Федерация находится в стадии реорганизации. Поэтому все прежние циркуляры, изданные ею, в том числе циркуляр о созыве IV всекитайского с'езда профсоюзов, об'являются недействительными. О времени созыва с'езда будет сообщено в дальнейшем».

Конечно, это «сообщение» не помешало представителям революционных профессиональных союзов Гуандуня прибыть на всекитайский с'езд профсоюзов в Ханькоу и участвовать в реше-

ниях этого съезда. Но интересен самый факт попыток реформистов, инспирируемых предпринимателями и правыми гоминдановцами, противопоставить себя как местным профсоюзам, так и всекитайским об'единениям.

Об отношениях революционных профсоюзов Кантона к уханскому правительству характерную картину дает телеграмма кантонского союза печатников уханскому правительству. В этой телеграмме печатники заявляют о своей готовности поддержать уханское правительство и указывают на то, что добиться победы над контрреволюцией, уничтожения феодализма и осуществления демократии удастся лишь под руководством уханского правительства. Настроение других революционных профсоюзов по отношению к тогда еще революционному уханскому правительству было таким же.

Таким образом, хотя реакции в Кантоне и удалось разгромить ряд профсоюзов, но самое движение не было разгромлено. Рабочие организации сохранили свое ядро, а многократные революционные выступления говорили о том, что воля к борьбе у революционных кантонских рабочих не была ослаблена. Правда, в некоторых кругах рабочих и даже среди коммунистов существовало некоторое время после выступления реакции мнение, что ничего с реакцией своими силами сделать не удастся, что единственная надежда на вооруженное наступление со стороны уханского правительства на Кантон и что борьбу нужно переводить на экономическую почву. Такое настроение способствовало развитию пассивности в некоторой части революционных кругов Кантона, но вскоре это настроение было изжито, и кантонские коммунисты, а вместе с ними и революционные рабочие, начали активную борьбу против реакции, готовя свои собственные силы, организуя их.

В Шанхае после разгрома рабочих организаций, произведенного Чан-кай-ши, вскоре после выступления 12 апреля, рабочее движение, уйдя вглубь, отнюдь не было задавлено окончательно, наоборот через некоторое время начинается усиленное рабочее движение. Так, в июне забастовали работницы шелковых фабрик в Шанхае, причем забастовка окончилась частичной победой бастующих. Несмотря на попытки местных желтых профсоюзов сорвать забастовку и заставить бастующих согласиться на предложение предпринимателей о 10 %-ной прибавке к зарплате,

работницы не прекращали забастовки, пока не добились повышения зарплаты на 16 %. Не успела закончиться забастовка работниц на одних шелковых фабриках, как забастовали работницы на ряде других. В течение 2 месяцев забастовка охватила около 40 фабрик, число бастующих доходило до 15 000 чел. Забастовка протекала в крайне трудных условиях, так как желтые профсоюзы (а революционные были разогнаны) не поддерживали бастующих. Во время демонстрации бастующих в китайской части города нанкинские солдаты ранили 2 работниц. Во время «празднования» событий 30 мая в Шанхае разогнанный в апреле войсками Чан-кай-ши шанхайский совет профсоюзов издал в подполье прокламацию в связи с этой годовщиной. В этой прокламации шанхайский совет профсоюзов призывает рабочих бороться с Чан-кай-ши, новым милитаристом, жестоко преследующим рабочих. Шанхайский студенческий союз в прокламации по поводу этих же событий заявляет что следующая годовщина событий 30 мая будет встречена в свободном Шанхае на территории международного сettльмента.

В Цзянане забастовали в начале июля рабочие доков, требуя увеличения зарплаты и улучшения условий труда. Несмотря на призывы военных и морских властей к патриотизму рабочих и ссылку на тяжелое материальное положение доков, рабочие продолжали забастовку. Мы не будем перечислять всех забастовок, которые произошли за это время в Шанхае. Одно несомненно, что рабочее революционное движение в Шанхае не замерло, а, уйдя в подполье, продолжает интенсивно развиваться.

Желтые профсоюзы, которые существовали и раньше в Шанхае, а с переворотом Чан-кай-ши начали расцветать искусственным цветом, несмотря на все свои усилия не могут оторвать от революционного рабочего движения значительных масс рабочих. Количество членов желтых профсоюзов в Шанхае, организованных Чан-кай-ши, не превышает 70 000 человек, что при почти миллионном рабочем населении Шанхая представляет ничтожную цифру.

На севере Китая в лагере феодально-милитаристической реакции рабочее движение, которое и раньше было в подполье, после этого переломного момента в истории китайской революции (отход буржуазии) также возросло. В Мукдене, где прежде почти не было слышно о рабочем движении, началось, хотя и медленное,

но совершенно ощутимое повышение активности рабочих. «Маньчжуриа Дейли Ньюс», — японский орган, — в конце мая пишет: «Медленное, но неуклонное пробуждение китайских рабочих и усиление рабочего движения на различных фабриках вокруг Мукдена заслуживает надлежащего внимания. Забастовочное движение в Маньчжурии имеет теперь отчетливо антииностранный характер». Газета подчеркивает организованность движения, расширение района его влияния и появление во многих местах агитаторов. Газета заявляет, что агитаторами были вызваны забастовки в Мукденском арсенале, на текстильных фабриках и на некоторых японских заводах в Маньчжурии. Указание газеты на то, что забастовочное движение в Маньчжурии имеет характер антииностранный, обясняется тем, что в Маньчжурии, в особенности в Южной, большинство фабрик и заводов принадлежит японцам. Эти фабрики, по своим размерам гораздо крупнее китайских, имеют большое количество рабочих, которые в силу этого имеют более высокую степень сознательности, и поэтому естественно, что забастовочное движение в первую очередь распространяется на японские предприятия. Однако указание на то, что была забастовка, и довольно длительная, в Мукденском арсенале указывает, что забастовочное движение не носит только антииностранного характера, а является подъемом рабочего движения в Маньчжурии. Имеется также сообщение о забастовке 500 китайских рабочих на маслобойных заводах в Ляояне, которые потребовали от администрации увеличения заработной платы на 30 долларов в месяц, мотивируя свое требование катастрофическим падением мукденской валюты. Эти рабочие при этом организовали свой профессиональный союз и заявили, что в случае невыполнения этих требований на заводах будет объявлена забастовка. Этот факт организации в Маньчжурии профессионального союза, который руководит рабочим движением и подготавливает забастовку, чрезвычайно показателен, ибо в Маньчжурии до последнего времени, кроме реформистских союзов, почти нет революционных союзов. Имеется, кроме того, сведение, что в конце апреля на угольных копях в Пен-чи-ху (Маньчжурия) бастовало 3 000 рабочих.

Крайне скучные сведения, которые поступают в прессу о забастовочном движении на севере Китая и в Маньчжурии, находящихся под властью феодально-милитаристического лагеря, не

дают возможности нарисовать полную картину революционного рабочего движения в этих районах, однако, даже и те немногочисленные факты, которые становятся достоянием гласности, говорят о значительном увеличении рабочего движения в этих районах.

Рабочее движение на территории уханского правительства шло не столько по линии забастовочного движения, хотя количество забастовок за последнее время было довольно значительно, сколько по линии дальнейшей организации революционных рабочих союзов, по линии улучшения материального положения рабочих и по линии борьбы рабочих с предпринимателями, главным образом иностранными. Иностранные предприниматели в результате различных мероприятий, как со стороны уханского правительства, направленных к регулированию взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, так и со стороны самих рабочих, начали закрывать свои предприятия. Рабочие обращались с требованиями к правительству о принятии решительных мер против такого закрытия или же нахождения иного выхода из положения. Одновременно с этим рабочие в некоторых случаях начали пытаться устанавливать на этих иностранных предприятиях, особенно тех, которые закрывались, свой рабочий контроль.

Показателем настроения трудящихся Ухана является празднование 1 мая. 200 000 трудящихся приняли участие в первомайской демонстрации в Ханькоу. На огромном ипподроме китайской части города состоялся грандиозный митинг, на котором выступали представители различных стран и лидеры уханского правительства. Бурными аплодисментами покрывали слова ораторов, разоблачивших врагов китайской революции — международных империалистов, контрреволюционную буржуазию, Чан-кай-ши и феодалов-милитаристов Севера. Ораторы подчеркивали, что в настоящее время в Китае столкнулись силы международной революции и международной реакции и призывали рабочие массы Ухана бороться за революцию. Выступление ораторов с революционными лозунгами встречались бурными одобрениями демонстрантов. Все демонстрации прошли под флагом поддержки революционного уханского правительства, доверия к левому Гоминдану и Китайской коммунистической партии. Чрезвычайно важным обстоятельством, определившим рост рабочего движения в Китае, был IV Всекитайский с'езд профсоюзов.

IV Всекитайский с'езд профсоюзов собрался уже в обстановке совершившегося отхода буржуазии от революции и наступления ее на рабочее и крестьянское движение. С'езд в своей резолюции о политических задачах китайского рабочего движения, суммировав предыдущее рабочее движение, указал на критический момент, в котором находилась революция и поставил перед собой целый ряд задач, которые были необходимы для того, чтобы революция была победоносной. В первую очередь с'езд указал на необходимость приложения всех усилий к разрешению земельной проблемы и уничтожения феодальных сил в деревне и организации местной власти. С'езд считал необходимым всеми мерами способствовать образованию блока рабочих, крестьян и мелкой буржуазии для совместного наступления на контрреволюцию. Рабочие, — говорит с'езд, — должны предложить правительству принять соответствующие меры к очищению территории национального правительства от реакционных элементов и подавлению белого террора. Одновременно с этим с'езд поставил вопрос о необходимости бороться за единство мирового профессионального движения и образования прочного союза с рабочими стран Тихого океана, с целью ведения общего наступления на империалистов, воспрепятствования посылке империалистических войск в Китай и т. д. С'езд поставил также задачей рабочего класса Китая раз'яснение мелкой буржуазии необходимости об'единения со всеми угнетенными.

«Жизненной необходимостью является также укрепление рабочих организаций и создание единой формы контроля над производством. Должны быть организованы фабрично-заводские контрольные комитеты, которые должны будут принимать участие в контроле над всеми национальными производственными предприятиями, будут помогать профсоюзам в их работе».

Одновременно с этим с'езд ставит прямой задачей рабочего класса в Китае повсеместное раз'яснение необходимости военной подготовки рабочих и связи с армией. «Рабочих надо посыпать в армию, чтобы ознакомить с военной жизнью и содействовать дружбе с солдатами, солдатам нужно раз'яснить необходимость об'единения с трудящимися массами».

Эти решения IV Всекитайского с'езда профсоюзов являются прямым отражением решений VII расширенного и VIII пленумов

ИККИ. Рабочий класс Китая, выполняя эти решения пленумов ИККИ, ставил себе определенную задачу — руководить революцией, укреплять союз рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии, углублять аграрную революцию.

РЕШЕНИЕ ПЛЕНУМОВ ИККИ О ПОЛОЖЕНИИ В КИТАЕ И ОШИБКИ ОППОЗИЦИИ.

Наша оппозиция, упрекая ЦК и ИККИ в ряде несуществующих ошибок, проявляет свойственную ей непоследовательность и противоречивость своих положений. В отличие от оппозиции, позиция ИККИ отличалась определенной последовательностью решений и их преемственностью. Доказать это легко, если мы сравним хотя бы решения VII расширенного и VIII пленумов ИККИ.

VII расширенный пленум Коминтерна, который собрался в декабре 1926 года, т. е. тогда, когда массовое движение рабочих и крестьян в Китае начало принимать особенно широкие размеры, определяя обстановку в Китае, указал в первую очередь на чрезвычайно важное значение китайской революции, как одного из наиболее важных и мощных факторов, нарушающих стабилизацию капитализма.

VII расширенный пленум Коминтерна указал на чрезвычайно большой вес иностранного империализма в Китае и на возможность вооруженной интервенции для подавления китайской революции, хотя между отдельными империалистическими державами и существует взаимный антагонизм. По мнению пленума, китайская революция, в силу уже своего антиимпериалистического характера, является неот'емлемой частью международной революции. Это обстоятельство, в свою очередь, сочетается со взаимной конкуренцией империалистических держав в Китае, кризисом мирового капитализма и ростом пролетарского движения в Западной Европе. Все эти обстоятельства придают китайской революции характер фактора, сильнейшим образом влияющего на всю международную обстановку.

Пленум ИККИ указал на совершенное своеобразие, в котором развивается национальная революция в Китае и которое существенным образом отличает ее от классических буржуазных революций западно-европейских стран прошлого столетия, равно

как и от революции 1905 года в России. Этим самым пленум предостерегал от аналогий, с вытекающими из них выводами, которые не приложимы к китайской революции. Определяя китайский милитаризм, пленум ИККИ указывает на то, что «он, будучи военной организацией, в то же время представляет из себя один из основных каналов первоначального капиталистического накопления в Китае, опирающийся на целую систему государственных органов полуфеодального характера».

Пленум ИККИ определенно указывает что «в настоящий момент движение находится на пороге к третьей стадии, накануне новой перегруппировки классов. На этой стадии развития основной силой движения становится блок еще более революционного характера — блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии, при устраниении большей части крупной капиталистической буржуазии», причем гегемоном все более становится пролетариат

Наша оппозиция, которая только в самое последнее время так или иначе суммировала свои взгляды на китайскую революцию, показала своими выступлениями (тов. Радек в Комакадемии и на Московском активе, тт. Троцкий и Зиновьев на апрельском пленуме ЦК), что она или не читала этих резолюций VII расширенного пленума Коминтерна, или старательно забыла их. Обвиняя Коминтерн и ЦК нашей партии в том, что они главную ставку в китайской революции в то время делали на буржуазию, обвиняя их в том, что они забывают о рабочем классе и крестьянстве, они определенно передергивают факты. Пленум ИККИ, как это видно из цитированной резолюции, еще в декабре месяце, 1926 года, т. е. тогда, когда процессы отхода китайской буржуазии от революции еще только намечались, определенно указывает на историческую неизбежность отхода буржуазии от революции и ставит перед пролетариатом задачу овладения руководством революцией, разумеется, широко используя все те силы, в том числе и буржуазию, которые ведут революционную борьбу против империализма и милитаризма.

Оппозиция же пыталась построить свои доказательства по линии голой схемы, по линии шаблона, который совершенно не применим к китайской обстановке.

Китайская революция, как это правильно указывает VII расширенный пленум Коминтерна, является революцией, с одной сто-

роны, национальной, направленной против империализма в Китае, с другой стороны, — буржуазно-демократической, призванной снести все остатки феодального строя в Китае.

Тов. Радек, выступая на Московском активе и в Комакадемии, совершенно отрицал наличие этих остатков, тем самым ставя перед китайской революцией задачи перехода на чисто социалистические рельсы.

Тт. Троцкий и Зиновьев на апрельском пленуме ЦК определенно говорили о необходимости перехода революции на социалистические рельсы, перевиная факты, увеличивая произвольно удельный вес китайской буржуазии и вес китайской национальной промышленности, совершенно забывая о наличии империализма в Китае, — империализма, пронизывающего всю китайскую экономику, не говоря уже ни слова об остатках феодализма. Между тем, как мы это видели выше из многочисленных примеров, приведенных в соответствующих главах этой книги, наличие остатков феодального строя в Китае бесспорно. Правда, оппозиция в дальнейших своих выступлениях, очевидно, разобравшись в этом вопросе и не будучи в состоянии спорить против фактов, молчаливо согласилась с ЦК по этому вопросу, но, отказавшись от этого основного доказательства «правильности» своей позиции, она полностью сохранила все выводы, которые она делала из своих ошибочных положений.

Те факты, которые мы сообщаем в главах о рабочем и крестьянском движении, подтверждают правильность решений VII расширенного пленума и по вопросам отношения к крестьянству, необходимости выставления определенных лозунгов, которые должны были осуществить Китайская компартия и Гоминдан для привлечения крестьянства на сторону революции¹⁾.

1) а) Максимальное снижение аренд; б) упразднение многообразных видов налогового обложения, падающего на крестьянство и замена одним сельскохозяйственным прогрессивным налогом; в) максимальное упорядочение и уменьшение налогового бремени, ложащегося на основную массу крестьянства; г) конфискация монастырских и церковных земель, принадлежащих реакционным милитаристам и тем компрадорам—помещикам и джентри, которые ведут гражданскую войну с гоминдановским национальным правительством; д) обеспечение за арендаторами права на бессрочную аренду обрабатываемых ими участков земли и установление максимума арендной платы крестьянскими союзами с представителями революционной власти; е) всемерная поддержка кантонским правительством интересов кре-

Эти мероприятия, которые должны были облегчить положение крестьянства, были чрезвычайно своевременны, потому что крестьянское движение стихийно росло, как раз на почве этих необходимейших требований. Если мы вспомним размеры арендной платы, которые временами достигают 80% урожая, если вспомним те 20—30 и более видов налогов, которые ладают на плечи крестьянства, притом самым беззаконным образом, если вспомним колоссальное малоземелье крестьянства, бесправное положение арендаторов, то вполне понятными и своевременными становятся решения VII расширенного пленума ИККИ по этим вопросам.

Бесчинства минтуаней, производимые помещиками, джентри и другими реакционными элементами деревни: разгромы крестьянских организаций, угнетение крестьян ростовщиками, налеты бандитов и т. д., — все это еще более подчеркивает необходимость и своевременность проведения в жизнь мероприятий, рекомендованных VII расширенным пленумом ИККИ. Эти конкретные мероприятия при их проведении в жизнь, совпадая с требованиями крестьянства, выдвигаемыми с низов растущим революционным движением, должны были в чрезвычайно большой степени повысить массовое крестьянское движение. В то время как пленумы ИККИ и ЦК партии давали конкретную программу, которая должна была еще более увеличить массовое крестьянское движение, в то время как Коминтерн практически работал над усилением этого массового крестьянского движения, оппозиция, которая в то время еще не имела даже своей определенной точки зрения по китайскому вопросу, упрекает Коминтерн и ЦК в недостаточно внимательном отношении к массовому революционному движению крестьян.

Точно так же совершенно правильны и своевременны были решения VII расширенного пленума ИККИ по вопросу о необходимости улучшения материального положения рабочего класса

стянства, в частности защита крестьян от угнетения и притеснения их помещиками, джентри и ростовщиками; ж) разоружение минтуаней и всяких других помещичьих отрядов; з) вооружение крестьянской бедноты и редняков и подчинение всех вооруженных сил в деревне органам революционной власти; и) максимальная поддержка со стороны правительства крестьянских организаций, в том числе и крестьянских союзов; к) организация дешевого государственного кредита, решительная борьба с ростовщичеством, поддержка соответствующих крестьянских организаций взаимопомощи; л) правительенная помощь кооперации и организациям взаимопомощи.

для того, чтобы вовлечь его еще более в революционное движение и укрепить его положение в национальной революции.

Если вспомнить то положение рабочего класса Китая, которое обрисовано в главе о рабочем движении, то становится совершенно ясной необходимость немедленного проведения этих мероприятий, указанных VII расширенным пленумом ИККИ. В то время как пленум ИККИ указывает конкретные мероприятия, оппозиция имеет смелость упрекать наши руководящие партийные органы в недостаточном внимании к революционному движению рабочего класса и к развертыванию массового рабочего движения. Оппозиция видела только одно слово «буржуазия» и, откидывая совершенно основную часть резолюции VII расширенного пленума, которая определяла значение рабочего класса и крестьянства в китайской революции, упрекает Коминтерн в пристрастии к буржуазии, в ставке на буржуазию.

За время, протекшее между VII расширенным пленумом и VIII пленумом ИККИ, события блестящим образом подтвердили все предположения, высказанные VII пленумом.

VIII пленум ИККИ, собравшийся уже в обстановке совершившегося отхода от революции китайской крупной буржуазии, указывает, что переворот Чан-кай-ши создал новую общеполитическую обстановку в Китае и новое расположение основных классовых сил в стране.

Признавая, что революция потерпела частичное поражение, пленум ИККИ, однако, считает совершенно неправильным тот взгляд, что это поражение является решающим.

Основной задачей революции VIII пленум ИККИ считает по-прежнему дальнейшее вовлечение рабочих и крестьянских масс в активную борьбу. Растущее массовое движение должно создать тот противовес частичному поражению революции, которое она понесла в результате отхода буржуазии от революции. Вместе с тем, для более успешного вовлечения масс в революцию, пленум ИККИ рекомендует выставление определенных лозунгов, идущих навстречу запросам масс в данный момент.

Как видим, и VIII пленум, так же как и VII, особенное внимание китайской компартии заострял на необходимости дальнейшего расширения и углубления массового революционного движения китайских рабочих и крестьян. В этом массовом движении VIII пленум ИККИ видел основное содержание теперешнего этапа

китайской революции. Без расширения этого массового движения, революция не могла бы перейти на новый, более высокий этап — этап аграрной революции — и не могла бы победоносно двигаться дальше, несмотря на отдельные, частичные поражения. Определяя отношение к уханскому правительству, пленум ИККИ еще раз подчеркивает все значение этого массового движения и необходимости связи с народными массами революционного правительства.

«Аграрная революция, включающая конфискацию и национализацию земли, — таково основное внутреннее, социально-экономическое содержание нового этапа китайской революции. Основным является в настоящее время «плебейско»-революционное разрешение аграрного вопроса десятками и сотнями миллионов самих крестьян снизу, причем компартия должна становиться во главе движения и руководить им. При этом компартия должна вести и внутри правительства такую политику, которая будет содействовать развязыванию аграрной революции и со стороны самого правительства».

Это решение VIII пленума ИККИ особенно важно наряду с решением о необходимости быстрейшего вооружения рабочих и крестьян и создания настоящей революционной армии. Пленум ИККИ, указывая на необходимость поддержки уханского правительства, одновременно указывает и условия, при которых уханское правительство могло и должно было остаться на стороне революции. Если бы удалось подпереть уханское правительство связью его с народными массами и настоящим действительным влиянием этих масс на него, если бы удалось создать настоящую революционную армию, то уханское правительство, несомненно, не колебалось бы так сильно при изменениях отдельных генералов и не было бы так напугано растущим крестьянским движением. Если бы удалось проведение всех этих мероприятий, если бы головка китайской компартии действительно проводила в жизнь решения ИККИ, то и самая измена уханского правительства была бы отсрочена на весьма продолжительный срок.

«Только при таком курсе будут созданы максимальные контратаки против возможного и неизбежного отхода колеблющихся групп из левых гоминдановцев (как это случилось в Кантоне) и против измен генералов и других военных лидеров».

Оппозиция, выступая на VIII пленуме ИККИ, утверждает, что выступление Чан-кай-ши и отход буржуазии от революции совершился в результате ошибочной тактики со стороны Коминтерна и ЦК, шедшей по линии благожелательного отношения к китайской либеральной буржуазии.

Тов. Троцкий, вспоминая отношение Ленина к либеральной буржуазии в буржуазно-демократической революции 1905 года, делал ссылку на мнение Ленина о том, что, мол, раз революция 1905 года буржуазная, поэтому необходимо бороться против контрреволюционной буржуазии. Тов. Троцкий и оппозиция забывают одну, чрезвычайно большую особенность китайской революции, отличающую ее от нашей революции 1905 года. Наша революция 1905 года была революцией в стране империалистического характера, тогда как китайская революция происходит в стране полуколониальной, где чрезвычайно силен гнет империализма. Китайская буржуазия, выступая на стороне революции против империализма, была об'ективно полезна, и тов. Ленин в свое время говорил, что мы можем вступать и должны вступать не только в соглашения, но и в прямые союзы с буржуазией, различая роль этой либеральной буржуазии в странах отсталых, угнетенных и в странах-угнетателях. Если мы можем идти на соглашение и даже на поддержку буржуазии угнетенных стран, которая борется с угнетением со стороны империалистов, то, конечно, мы, как партия, не сможем вступать ни в какие соглашения с буржуазией стран-угнетателей.

Китайская буржуазия, до своей измени, делала определенно революционное дело, и потому мы стремились ее использовать; после переворота китайская крупная буржуазия стала контрреволюционной, и поэтому мы коренным образом меняем наше отношение к ней.

Ленин в 1905 году говорил, что разница между нами и меньшевиками заключается в том, что меньшевики поддерживали либеральную буржуазию, а мы были против какого-либо соглашения с ней, но Ленин это говорил о российской революции 1905 года. Совсем другое Ленин говорил о восточных революциях. Поэтому все упреки оппозиции и обвинения с ее стороны по адресу ЦК партии и Коминтерна являются прямой подтасовкой фактов.

Оппозиция упрекает Коминтерн в том, что он, якобы, не предвидел этого отхода китайской буржуазии. Мы видим, что еще VII расширенный пленум Коминтерна совершенно ясно и точно указывал на возможность такого отхода и даже больше того: на историческую неизбежность такого отхода. Оппозиция дальше упрекает партию и Коминтерн в том, что они своевременно не приняли мер к тому, чтобы смягчить последствия этого отхода, к тому, чтобы этот отход не оказался решающим поражением для китайской революции. Прежде всего партия и Коминтерн не считают этого отхода решающим поражением, во-вторых, — Коминтерн еще на VII пленуме дал директиву насчет развития массового движения, выбрасывания из Гоминдана правых коминдановцев, вооружение рабочих и крестьян, создание массовых организаций и т. д. Если бы эти условия были как следует выполнены, если бы некоторые товарищи из китайской компартии уже в то время не саботировали решений пленума ИККИ, то этот отход не сыграл бы серьезной роли.

Но даже и то, что было проделано китайской компартией для проведения решений VII расширенного пленума ИККИ и в дальнейшем VIII пленума, было достаточно для того, чтобы смягчить последствия этого отхода. Оппозиция и здесь забывает факты и основывается только на своих собственных предположениях.

Оппозиция отрицала преобладающее значение феодально-милитаристического гната и тем самым недооценивала роль крестьянства в китайской революции. Мы уже говорили выше, что многочисленные примеры, которые приведены по этому вопросу, показывают определенное наличие чрезвычайно сильных пережитков феодального строя, и против этих остатков феодального строя заостряется в основном растущее крестьянское движение. По вопросу об отношении к уханскому правительству оппозиция выдвинула целых три противоречащих друг другу положения. Во-первых, Ухань есть фикция, с которым, очевидно, рассуждая логически, считаться не следует; с другой стороны, оппозиция говорит о необходимости поддержки уханского правительства, а тов. Зиновьев идет даже дальше, предлагая «самую энергичную и всестороннюю помочь Ханькоу». В-третьих, выдвигая, одновременно с этим, лозунг советов, — правда, не указывая, в каком виде и с какими задачами должны советы существовать, — оппози-

ция фактически ставит вопрос о борьбе с уханским правительством через советы. Эти три противоречивых взгляда в настоящее время дают возможность оппозиции использовать их как своего рода беспроигрышную лотерею. Забывая о двух положениях, которые противоречат третьему, оппозиция сейчас «торжествуя» заявляет, что она еще на VIII пленуме ИККИ указывала на уханское правительство как на фикцию.

Выдвигая в то время лозунг советов рабочих и крестьянских депутатов в Китае, оппозиция делала новую ошибку. Оппозиция ставила вопрос о необходимости немедленного создания советов рабочих и крестьянских депутатов, не указывая, с какими задачами необходимо создавать советы. Между тем, советы могут существовать или как органы подготовки восстания, или как органы восстания, или как органы власти. При наличии уханского правительства, которое в то время еще играло роль революционного центра, чего не отрицала и сама оппозиция, предлагая ему даже «самую энергичную и всестороннюю помочь», создать советы значило создать двоевластие, дать лозунг образования новой советской власти в Китае. Уханское правительство в то время еще не исчерпало своей роли, и если бы Китайская компартия прошла по настоящему решения VII и VIII пленумов ИККИ, то отход уханского правительства наверное был бы задержан на довольно продолжительный срок. Поэтому дать лозунг организации советов в то время — значило бы раздробить силы революции, внести дезорганизацию и тем ускорить поражение революции в Китае.

Что оппозиция понимала, что лозунг советов в то время означал одновременно лозунг свержения уханского правительства,—показывают сами тезисы тов. Троцкого: «лозунг советов означает призыв к созданию действительных органов власти через переходный режим двоевластия».

Оппозиция в данном случае, очевидно, брала за образец события из истории нашей революции перед октябрьем 1917 года. Оппозиция в данном случае опять забывает чрезвычайную своеобразность условий китайской революции и неприменимость тех шаблонов, которые имеются в арсенале оппозиции.

В вопросе об отношении китайской компартии к Гоминдану оппозиция делает новую ошибку. Не говоря на VIII пленуме ИККИ прямо о необходимости выхода коммунистов из Гоминдана,

оппозиция фактически ставила вопрос о невозможности пребывания коммунистов в Гоминдане. Оппозиция забывала, что Гоминдан (левый) представлял из себя массовую организацию, стоявшую на стороне революции, активно ее поддерживающую и активно в ней работающую. С отколом правого Гоминдана ушли представители либеральной буржуазии, а народные массы в левом Гоминдане остались; поэтому коммунисты, уходя из Гоминдана, передавали бы его в руки правых реакционных группировок, которые только поблагодарили бы их за это. Достаточно вспомнить, что все лозунги восставших против Ухана генералов и лозунги правых гоминдановцев начинаются именно с требования исключения коммунистов из Гоминдана. Правые группировки великолепно понимали, что значило освободить Гоминдан от коммунистов. Да и само уханское правительство, когда оно в результате сложившейся обстановки изменило революции, начало именно с исключения коммунистов из Гоминдана. Все это показывает насколько ошибочен был взгляд оппозиции на VIII пленуме ИККИ по вопросу о взаимоотношениях между компартией и Гоминданом.

VIII пленум ИККИ поставил вопрос совершенно иначе: он указывает на необходимость завоевания Гоминдана, на необходимость большей демократизации его, на необходимость воздействия низовой революционной массы Гоминдана на его головку ЦК и политбюро Гоминдана.

Это действительно реальный практический подход к вещам. Если бы Киткомпартии удалось решительными мероприятиями, толканием верхушки Гоминдана добиться проведения быстрейшим темпом реорганизации Гоминдана по линии наибольшего сближения с массами, если бы удалось добиться полной выборности Гоминдана и действительного влияния массы Гоминдана на верхушку, то, конечно, ЦК Гоминдана и уханское правительство не колебались бы, не отошли бы от революции и проводили бы действительно революционную линию. Не вина Коминтерна, что руководство Китайской компартией оказалось не на высоте своего положения, и что Китайская компартия за время, прошедшее с VII пленума ИККИ до последнего времени, наделала целый ряд ошибок, которые в значительной мере создали обстановку, благоприятствующую переходу уханского правительства на сторону контрреволюции.

КОЛЕБАНИЯ УХАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ОШИБКИ ЦК КИТКОМПАРТИИ.

Таким образом, VIII пленум ИККИставил целый ряд условий, при которых уханское революционное правительство должно было остаться на стороне революции еще продолжительный срок.

Проведение этих условий было тем более необходимо, что в это время начинается отход от революции отдельных военных группировок, которые по тем или иным причинам — часто персонального свойства — еще оставались на стороне революции.

В начале мая, под влиянием все усиливающегося крестьянского движения, происходит первое крупное выступление против уханского правительства, как центра революции, со стороны этих военных группировок. Один из командиров дивизии уханских войск, Ся-доу-ин, будучи послан на фронт против выступившего в то время сычуанского генерала Ян-сена (на западе Хубея), вместо того, чтобы бороться с Ян-сеном, договорившись со своим комсоставом, двинулся на Ханькоу, предполагая, что там нет достаточных военных сил, чтобы противостоять ему. Ся-доу-ин был разбит и бежал, но лозунги, которые он выдвинул при этом восстании, были чрезвычайно показательны: изгнание коммунистов из правительства и прекращение «крестьянских эксцессов», что, конечно, в переводе на другой язык, означало прекращение аграрной революции.

Вскоре после восстания Ся-доу-ина вспыхнуло новое восстание в главном городе провинции Хунань, в Чанша. То обстоятельство, что это крупное восстание вспыхнуло именно в Чанша, объясняется тем, что значительная часть уханской армии к этому времени состояла из хунанских частей, комсостав которой был тесно связан с феодальными помещичьими группировками Хунани, а иногда и сам принадлежал к числу помещиков этой провинции.

Газета «Чен-бао», относящаяся весьма дружественно к повстанцам, пишет по поводу этого восстания: «Причины событий 21 мая в Чанша заключаются в том, что крестьянские союзы производили за последние месяцы аресты, вымогательства и конфискации имущества комсостава (арестовали семью начальника дивизии 2-го корпуса Тан-дао-юан и т. д.). Союзами было

объявлено, что участки свыше 100 му конфискуются для распределения. Дома, за которые получалась рента свыше 200 долларов в год, также отходили в общее пользование. Конфискации, аресты и убийства джентри вызвали неудовольствие комсостава и мелкой буржуазии.

Откинув в сторону отдельные выпады газеты по адресу крестьянских союзов, нужно признать, что в основном, в смысле определения причин восстания, газета была права. Причиной его была растущая аграрная революция. Действительно, крестьяне производили конфискацию земель и имущества помещиков, возможно, что среди этого конфискованного имущества было и имущество некоторой части комсостава из числа хунанских помещиков, возможно, что некоторые «дяди», которые были наиболее реакционными элементами в деревне, и были арестованы.

Уже с самого начала мая реакционные элементы Чанша готовились усиленно к перевороту. Была создана специальная ассоциация солдат и купцов. Реакционеры провоцировали население, пуская слухи о том, что все мужчины и женщины, старше 30 лет, не состоящие в Гоминдане, якобы, будут вырезаны и т. д. Поводом к перевороту послужило то, что отец генерала Хо-чена был арестован и его, будто бы, водили по улицам с веревкой на шее; в ответ на это Хо-чен приказал своим частям совершить переворот. Имеется также указание, что, якобы, профсоюзы собирались разоружить войска.

21 мая ночью 33-й полк 36-го корпуса окружил рабочие и крестьянские организации, провинциальный и городской комитеты Гоминдана, крестьянскую школу инструкторов самообороны, военную гоминдановскую школу и проч. и разоружил всех, кто там находился. Войска разграбили и разгромили как помещения этих организаций, так и дома отдельных представителей власти, причем по слухам были убиты комиссары иностранных дел и промышленности. Во время переворота было убито несколько сот человек.

Узнав об этом, около 50 000 крестьян собрались в Сиан-тане поблизости от Чанша. Из них только 2 000 имели винтовки. Несмотря на это, при первом же столкновении с войсками, крестьяне разбили противников и захватили два пулемета. Войска, получив подкрепление, взяли обратно Сиан-тань и, захватив в плен вождя

крестьянского союза Ян-чоу-чи, обезглавили его. Тело его было разрезано на мелкие куски и сожжено. После этого, крестьяне еще раз предприняли наступление на Чанша, но были отбиты войсками. Несмотря на это, крестьяне обложили Чанша и обратили его фактически в осажденную крепость, не дав восстанию распространяться дальше. Характерно, что руководителями этого крестьянского наступления на Чанша были местные коммунисты. Началась расправа над левыми революционными руководителями в Чанша. 6 июня были казнены Тян-бо-ян, Чень-ай-чжень, Гу-юн-цзи, Гу-шень, Цао-бо-линь, Ли-ке-чень и Чен-сю-жень, арестованные при захвате повстанцами комитета компартии. Им было предъявлено обвинение в попытке занять город. Из числа этих казненных Чен-ай-чжень и Тян-бо-ян были видными коммунистами в провинции Хунань. Тян-бо-ян был секретарем комсомола, а Гу-юн-цзи — заведующий общим отделом Хунанского студенческого союза.

Повстанцы в Чанша выставили те же самые лозунги, которые были выдвинуты в свое время Ся-доу-ином. Они заявили уханскому правительству, что правительство является игрушкой в руках коммунистов, и требовали изгнания коммунистов из правительства и из Гоминдана. Они заявляли, что в то время, как хунанские войска ушли на фронт, крестьянские организации захватывают землю комсостава и солдат конфискуют имущество и арестовывают их родственников. Конечно, требования повстанцев шли дальше, чем только прекращение «эксцессов» против хунанского офицерства. Они ставили вопрос во всей полноте: подавление аграрной революции.

Уханское правительство, вокруг которого к этому времени не было создано тех условий, о которых говорил VIII пленум ИККИ, и которые должны были бы придать ему соответствующую устойчивость во время этого переломного момента, определенно засколебалось. Кроме того, и в среде самой Китайской компартии, в ее верхушке, были тоже определенные колебания по вопросу об отношении к событиям в Чанша. Некоторые товарищи из ЦК компартии, которые, в противоположность определенной директиве Коминтерна, стояли на точке зрения необходимости только расширения революции, а не ее углубления, — указывали на это восстание, как на доказательство своей точки зрения о вреде для революции углубления аграрного движения в деревне.

После долгих колебаний, когда события в Чанша достигли уже своего кульмиационного пункта, ЦК Киткомпартии уже по настоянию Коминтерна обратился с открытым письмом в ЦК Гоминдана, которым указал на опасность для революции этого восстания и предложил ряд мер, в целях подавления контрреволюции: 1) национальное правительство должно издать декрет, об'являющий повстанческий комитет в Чанша контрреволюционным и призывающий солдат свергнуть этот комитет, 2) уволить комитет и назначить законное провинциальное правительство, 3) назначить немедленно карательную экспедицию для подавления восстания, 4) распустить узурпаторский местный комитет Гоминдана и назначить новый, 5) издать декрет о свободном существовании в провинции Хунань рабочих и крестьянских организаций и компартии, 6) национальное правительство должно издать приказ о возвращении оружия рабоче-крестьянской гвардии, 7) вооружить крестьянство, дабы иметь гарантию против реакционных вспышек в будущем.

К сожалению, обратившись с таким правильным письмом в ЦК Гоминдана с требованием принять ряд мер к немедленному подавлению восстания, ЦК Киткомпартии и в дальнейшем не приложил достаточных усилий к тому, чтобы эти рекомендуемые им мероприятия были уханским правительством и ЦК Гоминдана действительно проведены в жизнь.

Не имея перед собой постоянного упорного нажима в этом вопросе со стороны ЦК Китайской компартии, уханское правительство, которое и без того было напугано развитием крестьянской революции в Хунани, колебалось все более и более. Вместо того, чтобы принять решительные меры к подавлению восстания, уханское правительство послало своего эмиссара с целью завязать переговоры с повстанцами и предложить им мирным путем подчиниться власти уханского правительства. Одновременно с этим уханское правительство поставило своему эмиссару задачей произвести коренную реорганизацию рабочих и крестьянских союзов в Чанша и Хунани, так как, по мнению уханского правительства, эти союзы занимали слишком революционную позицию.

Повстанцы подчинились, но фактически положение вещей осталось таким же, как и в самый разгар восстания. Революционные рабочие и крестьянские организации остались разгромленными, а «реорганизация» их вызвала к жизни новые организа-

ции, тесно связанные с военными помещичьими группировками. Крестьянское движение в местностях, занятых повстанцами, по-прежнему подавлялось, и повстанцы оказывали поддержку отрядам минтуаней, помещикам и джентри в их борьбе с аграрной революцией.

Процесс отхода военных группировок от революции не остановился только на этих восстаниях. Он должен был ити и дальше, поскольку аграрная революция продолжала развиваться. Фын-юй-сян, который к этому времени вместе со своими войсками при поддержке «красных пик» занял Лойан и Кайфын, напутанный этой растущей революцией, тоже заколебался. Вместо того, чтобы решительно поддержать крестьянское движение и об'явить безоговорочно о своей непримиримой борьбе с лагерем буржуазной реакции, в лице Чан-кай-ши, он начал с ним договариваться, выдвигая «компромиссные» предложения, которые в общем сводились к необходимости примирения между Нанкином и Уханом, на почве исключения коммунистов из Гоминдана и борьбы с аграрной революцией. Одновременно с этим на занятой им территории Фын-юй-сян повел борьбу с крестьянскими организациями, включая часть из крестьянских отрядов самообороны насилиственно в свою армию, а часть просто разгоняя. Изгнан коммунистов из армии и с руководящих постов, начал форменное наступление на революцию. Это все, вместе взятое, сразу поставило его по другую сторону революционного фронта, об'единив морально с лагерем буржуазной реакции.

В других частях уханской армии генералы ждали только случая, чтобы перейти в лагерь реакции.

Под влиянием такого положения вещей уханское правительство колебалось все сильнее и сильнее. Центральный комитет Гоминдана начинает предпринимать целый ряд мер к тому, чтобы сократить рабочее и крестьянское движение. В начале июля он публикует инструкцию по вопросу о рабоче-крестьянском движении. В этой инструкции он говорит, что «во многих районах руководство рабоче-крестьянским движением шло вразрез с инструкциями национального правительства, совершая много ошибок, имевших результатом многочисленные достойные сожаления инциденты».

Этим своим выпадом против рабочего и крестьянского движения ЦК Гоминдана пытался заверить ставшие уже реакционными

военные группировки своей армии, а также собирающиеся перейти на сторону реакции, что в развитии и углублении аграрной революции ЦК Гоминдана не виноват и дает обещания, что в будущем приложить все свои усилия к тому, чтобы сократить растущую аграрную революцию. Одновременно с ЦК Гоминдана национальное правительство опубликовало приказ, гласящий: «В последнее время рабоче-крестьянское движение совершило ошибки. Под предлогом борьбы с злонамеренными джентри, нежелательные элементы захватили руководство союзами и повели кампанию, которая ставит под угрозу безопасность добрых граждан. Эти граждане арестовывались, на них налагали штрафы. Такого рода действия нарушают приказы правительства, защищающего личность и имущество граждан. Неверно было бы говорить, что национальное правительство изменило свою политику в отношении рабоче-крестьянского движения. Такого рода слухи распространяются только реакционерами. Настоящий приказ извещает население, что рабоче-крестьянские союзы не должны подвергаться преследованиям, но и они, в свою очередь, не вправе в дальнейшем производить аресты или налагать штрафы». Эта инструкция ЦК Гоминдана и приказ правительства был первой официальной попыткой уханского правительства и Гоминдана стать на «внеклассовую» позицию. С одной стороны, мол, нельзя обижать «добрых граждан» (вспомним действия этих «добрых граждан» — помещиков, джентри, минтуаней и пр., указанные в главах о рабочем и крестьянском движении), с другой стороны, мол, и рабоче-крестьянские организации тоже имеют право на существование.

Ван-тин-вей, который до этого времени в ЦК Гоминдана занимал сравнительно левую позицию, начинает понемногу становиться на эту же «внеклассовую» позицию. Осуждая в серии своих статей в «Чайна Пресс» революционные действия массовых организаций и называя их «основной причиной волнений», возникших за последнее время, Ван-тин-вей пытается доказать, что «учение Сун-ят-сена совершенно противоположно марксизму и не содержит указаний на классовую борьбу». «Сун-ят-сен, — пишет Ван-тин-вей, — считал, что система индивидуального капитализма не нашла почвы в Китае, и поэтому считал необходимым замену частного капитализма государственным, дабы народ имел выгоду от капиталистической системы, а не страдал от нее. Та-

ким образом Сун-ят-сен стремился избежать классовой борьбы в Китае». В заключение своей статьи Ван-тин-вей говорит о том, что лозунги массовых организаций должны быть изменены (конечно, в сторону урезки их революционности). Главным из этих лозунгов должен быть: «Гоминдан, национальное правительство и народ должны стоять плечо к плечу, об'единяя свои силы и сливая их в мощную об'единенную силу национальной революции». Этими своими заявлениями Ван-тин-вей делает первые попытки охолостить революционное движение, выдернув из него его классовое содержание, и тем самым урезать и сократить аграрную революцию. Ван-тин-вей пытается повернуть революцию на старый этап, этап общенационального фронта, добиться мира и согласия между классами, которые в процессе революции уже разошлись и выступали друг против друга как непримиримые классовые противники.

К этому решающему моменту сказались со всей силой сделанные головкой Китайской компартии целый ряд крупнейших, принципиальных и организационных ошибок.

Пленум ИККИ поставил перед Китайской компартией определенную задачу развивать массовое движение, всячески его углублять, толкать уханское правительство на поддержку революционного движения китайских крестьян, на углубление аграрной революции. Головка Китайской компартии вместо этого саботировала решения ИККИ, выдвигала свою собственную точку зрения о необходимости сначала расширения базы революции, путем захвата новых территорий и фактического сдерживания аграрной революции в узких рамках минимальных реформ. Вместо того, чтобы со всей решительностью толкать уханское правительство на проведение действительно революционных мероприятий, способствующих дальнейшему углублению аграрной революции, головка китайской компартии своим колебанием и боязнью дальнейшего углубления аграрной революции, увеличивала и без того уже значительные колебания в среде уханского правительства.

Пленум ИККИ поставил перед Китайской компартией определенную задачу — завоевание армии, создание новой действительно революционной армии, а вместо этого ЦК Китайской компартии еще до выступления Чан-кай-ши сопротивлялся вооружению шанхайских рабочих, и таким образом даже те 5 000 винтовок, которые были в руках левых, попали в руки Чан-кай-ши. Несмотря

на собственное свое решение послать несколько тысяч рабочих и коммунистов в армию, до самого переворота Чан-кай-ши ни одного рабочего не было послано.

Вместо того, чтобы вести решительную кампанию на основе решений VII пленума ИККИ и дальнейших директив Коминтерна против готовящегося переворота, против правых, разоблачать открыто Чан-кай-ши и его компанию, ЦК компартии пытается повлиять на правых гоминдановцев через личные знакомства.

VIII пленум ИККИ заострил внимание Китайской компартии на необходимости вооружения рабочих, а вместо этого с согласия ЦК Китайской компартии уханские рабочие вынуждены были в самое последнее время добровольно сдать оружие назревавшей уже реакции. Руководящая часть ЦК Китайской компартии не верила в массы и в массовое движение, боялась этого движения, боялась углубления аграрной революции и, вместо выполнения директив Коминтерна, всячески саботировала их проведение. Доходило до того, что основные решения Коминтерна на несколько месяцев задерживались головкой ЦК и не сообщались массам. Все это создало такую обстановку, при которой колеблющаяся компартии не только для проведения, но даже и для сведения мелкая буржуазия, стоявшая у власти в Ухане, не получила той подпорки, которая необходима была ему, чтобы не упасть в решающую минуту. Скорее наоборот, головка Китайской компартии своими действиями, непроведением директив Коминтерна — еще более подтолкнула уханское правительство к скорейшей измене. А оппозиция продолжает упрекать Коминтерн в недостаточном руководстве, в несвоевременности директив и т. д.

Теперь оппозиция выдвигает новое обвинение, почему Коминтерн, зная о саботаже ЦК Киткомпартии, не принял своевременно мер к смене руководства Киткомпартией. Нужно все же помнить, что смена руководства компартии в то время, когда в стране происходит революция, когда необходима чрезвычайная осторожность, чтобы как-нибудь не дезорганизовать руководство — вещь крайне болезненная, и к ней можно прибегнуть только в крайнем случае. Коминтерн многократно пытался воздействовать на ЦК Киткомпартии, заставить его выполнять свои директивы, переубедить его в ошибочности его точки зрения и т. д., но ничего не помогало, и, наконец, ИККИ, когда уже больше нельзя было оставлять руководство Киткомпартией преж-

ним, решился на смену его. Отрадным является тот факт, что основная масса Киткомпартии осталась здоровой и, фактически даже не зная о директивах Коминтерна (по вине ЦК компартии, который не сообщал их рядовой массе партии), проводила их в жизнь. Комсомол оказался на высоте положения, ЦК комсомола не только полностью присоединился к решениям ИККИ, но и в противовес ЦК Киткомпартии проводил их в жизнь.

Коминтерн, видя, что критический момент китайской революции наступает, что уханское правительство находится на рубеже к лагерю контрреволюции, и, видя многочисленные ошибки руководства Китайской компартии, в специальном постановлении о текущем моменте китайской революции ¹⁾ принял целый ряд решений, которые, определяя обстановку, дают конкретные указания Китайской коммунистической партии.

Коминтерн в своем постановлении считал необходимым немедленно исправить ошибки руководства Китайской коммунистической партии, для чего необходимо было сделать: 1) китайским коммунистам выйти демонстративно, не медля ни минуты, из уханского правительства, сопроводив этот выход принципиальной политической декларацией, мотивирующей этот шаг враждебным отношением уханского правительства к аграрной революции и рабочему движению; 2) не выходить из Гоминдана, оставаться в нем, несмотря на кампанию со стороны гоминдановского руководства за исключение коммунистов; теснее связаться с гоминдановскими низами, стараясь завоевать Гоминдан и добиться смещения теперешнего руководства Гоминдана; 3) всемерно усиливать работу среди пролетарских масс, строя массовые рабочие организации; 4) развертывать аграрную революцию, ведя борьбу за завершение буржуазно-демократической революции плебейским путем и вооружая рабочих и крестьян; 5) организовать нелегальный аппарат партии и 6) сменить руководство.

Центральный комитет Китайской компартии, несмотря на противодействие отдельных его членов, под влиянием этого категорического указания Коминтерна, предложил коммунистам немедленно выйти из правительства и обратился с декларацией по поводу этого выхода. Обрисовав обстановку после Северной экспедиции, перехода буржуазии на сторону контрреволюции, отдель-

¹⁾ «Правда», от 14 июля 1927 г., № 157.

ных выступлений реакционных генералов против революции, ЦК Киткомпартии констатировал, что «политика большинства ЦК Гоминдана и национального правительства гибельна для революции, она превращает уханское правительство в новую милитаристическую группировку. Коммунистическая партия не может брать на себя ответственности за такую политику. Поэтому ЦК компартии Китая постановил отозвать своих представителей из уханского правительства». Перечисляя далее требования компартии в защиту интересов рабочих, крестьян, городской мелкой буржуазии и солдат, декларация заявляет: «Компартия будет вести эту борьбу вместе с подлинно революционными элементами Гоминдана и гоминдановскими массами. Поэтому коммунисты не имеют основания для ухода от Гоминдана и отказа от сотрудничества с ним». Декларация далее намечает мероприятия, которые компартия будет проводить для завоевания руководства в Гоминдане и смещения теперешнего, ставшего контрреволюционным руководства и заканчивается заявлением компартии о необходимости сотрудничества со всеми, кто действует в духе трех политических директив Сун-ят-сена — союз с СССР, сотрудничество Гоминдана с коммунистами и защита интересов рабочих и крестьян.

ИЗМЕНА УХАНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Политбюро Гоминдана, в котором к этому времени уже окончательно сложилось мнение о необходимости исключения коммунистов из Гоминдана и перехода уханского правительства на путь решительной борьбы с аграрной революцией, в виде ответа на это заявление Китайской компартии опубликовал свою декларацию. В этой декларации политбюро Гоминдана, заявляя о своей верности трем принципам Сун-ят-сена и завету его о сотрудничестве с коммунистами, напоминая о мартовском пленуме Гоминдана, который проходил под флагом сотрудничества с коммунистами, указывает, что с течением времени коммунисты начали вести заговорщическую политику по отношению к Гоминдану, стремясь захватить руководство в нем в свои руки.

Эту «заговорщическую» политику компартии декларация пытается подтвердить документом, который, якобы, кто-то из коммунистов показал Ван-тин-вею. Далее декларация говорит: «Недавняя декларация коммунистической партии (опубликованная компартией 5 июля 1927 г. Б. С.), в которой она осуждает

Гоминдан, клеймит его как контрреволюционную организацию и об'являет о своем решении отозвать коммунистов из национального правительства, является лучшим доказательством заговора коммунистов против Гоминдана». Декларация предлагает далее коммунистам немедленно выйти из всех правительенных учреждений и армии, и об'являет о прекращении сотрудничества с коммунистами. Ссылаясь на директивы Сун-ят-сена, декларация обещает относиться к коммунистам с терпимостью.

Эта «терпимость» была немедленно же проявлена. На другой же день после опубликования этой декларации политбюро Гоминдана начался настоящий поход против коммунистов и других революционных организаций в Ухане. ЦК Гоминдана в качестве предварительной меры начал проводить регистрацию коммунистов на предмет их изгнания из учреждений, а военные власти, которые только ждали одобрения своих действий ЦК Гоминдана, приняла свои меры. Немедленно же в помещениях многих рабочих союзов и даже в некоторых районных комитетах Гоминдана, где было особенно сильно влияние коммунистов, были расквартированы военные части, под предлогом недостатка помещений в городе. Помещение совета профсоюзов было также занято солдатами. 16 июля солдаты заняли телеграф и в течение нескольких часов мешали нормальной работе телеграфа, пытаясь, повидимому, установить направление связей коммунистов.

В отдельных войсковых частях, началось изгнание коммунистов из рядов войск. В провинции Хунань коммунистам под угрозой репрессий было предложено заявить о своем выходе из компартии.

Началась кампания в прессе, в которой правые группировки начали требовать от уханского правительства «обуздать компартию», доказывая все это принципами Сун-ят-сена. Газета «Ченбао», которая резко выступила против коммунистов и революционных организаций, доказывала необходимость централизации власти в руках Гоминдана, предлагая для этого следующие мероприятия: 1) члены Гоминдана не могут состоять в других партиях и группах, 2) в Гоминдане не должно допускаться существование фракций и группировок, 3) государственные посты могут заниматься только членами Гоминдана, 4) рабочим и крестьянским движением должны руководить только «подлинные гоминдановцы», 5) в партии должна соблюдаться строжайшая дисциплина.

Другие газеты заговорили о необходимости сохранить единство Гоминдана и для этого изгнать коммунистов из Гоминдана.

Реакционные генералы из всей этой кампании немедленно же сделали свои собственные выводы: уцелевшие еще до того времени крестьянские союзы в окрестностях Ухана были разгромлены, а в Ханькоу из Чанша прибыл известный «спец» по переворотам полковник Сю-кей-сан — руководитель восстания в Чанша.

Командир 35-го корпуса, расположенного в Ухане, Хо-чиен заявил: «Расстреливать коммунистов, подобно тому, как это делается в Шанхае, бессмысленно. Преследования коммунистов создают им популярность, необходимо устраниć их от руководства рабочими и крестьянскими организациями и удалить с важных государственных постов. Незачем прибегать к казни коммунистов, когда достаточно применить высылку». Но вскоре Хо-чиен в противовес своим же собственным словам об'явил в Ухане военное положение и начал производить аресты. На улицах Ухана начали производиться расстрелы мирных демонстрантов-рабочих.

В то же время в Хунани Тан-шен-чжи изгнал коммунистов из своих войск, расстреляв нескольких из них. В других войсках также был произведен целый ряд репрессий, арестов и казней. Таким образом, «терпимость», которую обещал по отношению к коммунистам ЦК Гоминдана, была расшифрована военными командирами как необходимость расстреливать коммунистов.

Этими расстрелами, погромами рабочих и крестьянских организаций, борьбой с аграрной революцией уханское правительство поставило себя по другую сторону революционного фронта и фактически перешло в лагерь реакции, отличаясь с этих пор от нанкинского правительства и Чан-кай-ши лишь отдельными персональными комбинациями, большим количеством сохранных по внешности прошлых традиций и географическим положением.

Конечно, еще некоторое время уханское правительство должно было отличаться от нанкинского правительства, и его политика по отношению к борьбе с революционным движением, возможно, будет несколько иной, чем политика Чан-кай-ши, но самый ход событий и неизбежный процесс слияния Уханского правительства с лагерем реакции должен был в дальнейшем все теснее и теснее сближать оба эти лагеря.

Конечно, основная масса левого Гоминдана, которая состоит из революционных рабочих и крестьян, не разделяет позиции

ставшего конрреволюционным уханского правительства и ЦК Гоминдана. Точно так же как и лучшие и наиболее стойкие левые гоминдановцы немедленно же отмежевались от этой реакционной политики уханского правительства. Жена Сун-ят-сена — член политбюро Гоминдана, стоявшая на позиции совместной работы с коммунистами и резко протестовавшая против постановления ЦК Гоминдана об исключении коммунистов из Гоминдана, опубликовала декларацию, в которой резко критикует эту новую позицию ЦК. Развивая взгляды Сун-ят-сена, описывая его жизнь и его взгляды, она говорит что «в настоящий момент я вижу, что мы отходим от политики Сун-ят-сена, от политики, которая должна руководить народом и увеличивать его силу».

В этом заявлении жена Сун-ят-сена говорит, что, в силу ее несогласия с политикой Гоминдана, она должна отойти от активной работы до того, «пока более мудрая линия не возьмет верх».

«Хотя деятели Гоминдана, руководившие революцией, и отошли от пути, который Сун-ят-сен завещал для китайской революции, — говорит жена Сун-ят-сена, — я не отчаиваюсь, ибо миллионы китайского народа, уже сплотившиеся вокруг знамен Гоминдана, будут продолжать этот путь, стремясь к конечной цели революции. Это значит, что я не одна сохранию верность заветам Сун-ят-сена, я уверена, что все верные члены Гоминдана изберут революционный путь».

ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В результате происшедшего отхода от революции — сначала буржуазии (переворот Чан-кай-ши), потом военных группировок, стоявших ранее на стороне революции (хунанский комсостав, Фын-юй-сян, Тан-шэн-чжи и т. д.), и, наконец, самого уханского правительства, революция потерпела сильнейший ущерб. Этот ущерб усугубляется еще и тем обстоятельством, что как раз в этот серьезный момент, в результате оппортунистической линии головки Китайской компартии, приходится в спешном порядке менять руководство. Наша оппозиция, упрекая партию и ИККИ в несуществующих ошибках руководства, в своих выводах договаривается фактически до констатирования гибели китайской революции и в панике предлагает ряд мер, которые действительно могут надолго отсрочить победоносное завершение китайской ре-

волюции, а в худшем случае — дать победу соединенной китайской реакции. Некоторые товарищи, расценивающие события по чисто внешним их проявлениям, считают, что поражение китайской революции настолько сильно, что нельзя и думать о дальнейшем под'еме массового революционного движения, и поэтому необходимо стараться возобновить связи с теми военными группировками, которые отошли уже от революции и перешли в лагерь реакции. Но обстановка совершенно не такова, как это рисуется нашей оппозицией и этими товарищами.

В Китае попрежнему имеет место разделение всех сил на три лагеря. Это те же самые лагеря, которые сложились после отхода от революции буржуазии на сторону реакции.

1. **Лагерь феодально-милитаристический**, тесно связанный с империализмом. Этот лагерь в значительной степени увеличил свои силы. Чжан-цзо-лин, который некоторое время тому назад понес сильное поражение от уханских войск, войск Фын-юй-сяна и Чан-кай-ши, к августу 1927 года до некоторой степени исправил свое положение. На фронтах в Шаньдуне происходят бои, которые пока-что дают перевес Чжан-цзо-лину. Правда, в известной степени этот перевес об'ясняется тем обстоятельством, что Чан-кай-ши, готовясь к столкновению с Уханем, оттянул часть своих сил на Ян-цзы. Теперь с переходом Ухана на сторону контрреволюции Чан-кай-ши получает большую возможность обратной переброски своих сил на север и восстановления положения. Финансовое и внутреннее положение этого лагеря по-прежнему плачевное. Но увеличение сил этого лагеря заключается не только в том, что Чжан-цзо-лину удалось на время сдержать наступление нанкинских войск. Оно выражается в гораздо более сильной, чем раньше, поддержке этого лагеря империализмом. Империализм к настоящему времени стянул в Китай огромные военные силы, которые могут быть использованы в любой момент против китайской революции. Наши западные компартии не провели той интенсивной работы по противодействию отправке этих сил и их разложению, какую требовал от них ИККИ. Это обстоятельство специально было зафиксировано в постановлениях VIII пленума ИККИ как определенная ошибка наших западных товарищес, играющая весьма серьезную роль в судьбах китайской революции.

Громадные военные силы империалистов готовы в любой момент поддержать лагерь феодально-милитаристической реакции

и вообще оказать давление на революцию, вплоть до прямых военных действий. Но не только в этой военной силе заключается сила империализма в Китае. Империализм в Китае не есть какая-то посторонняя система, которая является наносным явлением. Эта система пронизывает буквально всю экономику страны, определяет отношения в Китае. Достаточно вспомнить хотя бы один пример. Денежная система Китая целиком связана с империалистическими предприятиями и банками. Например, во время знаменитой стачки в Кантоне, когда не пропускалось буквально ни одного фунта английских товаров в Кантон, основной денежной единицей, имеющей обращение в том же Кантоне, оставались банкноты Гонконг-шанхайского банка. И таких примеров можно привести тысячи. Все эти примеры доказывают что для окончательного искоренения империализма в Китае нужно, во-первых, продолжительное время, а во-вторых — громадное напряжение всех революционных сил. Буржуазно-демократическая революция не сможет окончательно ликвидировать империализм в Китае, это может сделать только пролетариат, переведя в дальнейшем революцию на социалистические рельсы. До этого же времени империализм в Китае в тех или иных размерах будет существовать, придавая значительные силы именно этому лагерю феодально-милитаристической реакции.

Потерпел ли империализм в Китае решающее поражение за истекшее время? Конечно, нет; его позиции остались в значительной степени непоколебленными.

Единого фронта империалистов в Китае еще нет, но наметившееся в последнее время сближение между Англией и Японией дает основание говорить и о более близком контакте их и в китайском вопросе.

2. Лагерь буржуазной реакции имеет в настоящее время ряд оттенков, в особенности в связи с отходом от революции уханского правительства и переходом его именно в этот лагерь. В связи с этим отходом этот лагерь получает дополнительные силы, которые будут направлены в первую очередь против революции. Если нанкинское правительство, как выражитель одного из оттенков этого лагеря, тошло гораздо дальше по пути сближения с лагерем милитаристической реакции, то уханское правительство только еще вступило на этот путь. Конечно, нет никаких сомнений в том, что и оно быстро проделает

этот путь, постепенно сливаясь вместе с феодально-милитаристическим лагерем в новый единый лагерь — феодально-милитаристическо-империалистическо-буржуазный лагерь. Этот лагерь очевидно, сохранит на некоторое, правда, время, свои антиимпериалистические черты, которые отличают его от лагеря голой феодально-милитаристической реакции. До некоторого времени, очевидно, еще будут выступления Нанкина и Ухана против империализма, постепенно ослабевая и обращаясь в простые заклинания, не подкрепляемые делом. Факты в этом отношении достаточно показательны. Когда в Шанхае и других городах началась кампания против японской интервенции, — кампания, грозившая вылиться в новый антияпонский бойкот, — нанкинское правительство постаралось поскорее ликвидировать этот бойкот путем применения репрессий к этому движению. Встретив противодействие властей, движение постепенно пошло на убыль. Точно так же и в Кантоне постепенно идет на убыль анти-английское движение, при полной поддержке кантонских властей. Недаром гонконгские английские газеты полны восторженных отзывов о политике теперешних кантонских властей, восхваляя их как спасителей Китая. Постепенное стирание антиимпериалистических черт этого лагеря будет стирать и разницу, которая сейчас еще существует между этими двумя лагерями. Недаром в последнее время так усиленно муссируются слухи о переговорах между Чан-кай-ши и Чжан-цзо-лином. Эти переговоры как раз и являются отражением этого постепенного слияния двух лагерей в один, но уже новый лагерь, который, очевидно, воспримет черты обоих лагерей, возможно только в разных пропорциях. Пока идет речь только о военном соглашении между Нанкином и Мукденом, но уже и в этом военном соглашении намечаются определенные об'единяющие оба этих лагеря черты: совместная борьба против красных, против коммунистов, борьба против растущей революции, против аграрной революции. С своей стороны, Чжан-цзо-лин начинает говорить уже о своей преданности трем принципам Сун-ят-сена. Конечно, три принципа Сун-ят-сена в толковании Чжан-цзо-лина выливаются в свою полную противоположность, но показателен уже и сам факт «признания» принципов Сун-ят-сена. Уханьское правительство пока еще говорит о своей непримиримой ненависти к Чан-кай-ши, но это не мешает ему начать переговоры с тем же Чан-кай-ши и с нанкинским правительством, добиваясь

соглашения. Поскольку теперь задачи у обоих правительств общие — борьба революцией, борьба рабочим и крестьянским движением, — нет никаких задерживающих моментов, кроме разве персональных, которые смогли бы остановить этот процесс сближения между Уханем и Нанкином. Персональные же моменты перед угрозой аграрной революции отойдут на задний план. Таким образом мы имеем в настоящее время определенный процесс сближения отдельных лагерей реакции и об'единения их в один новый лагерь, который со всей силой должен выступать против революции.

3. Лагерь революционных рабочих и крестьян и городской бедноты переходом уханского правительства в лагерь реакции не имеет пока своей собственной организованной военной силы, не имеет органов власти, хотя восстание в Нанчане и говорит уже о попытках создания и собственной военной силы и органов власти. Этот переход сильно ударили по интересам этого лагеря, нанес ему значительное поражение. Но можно ли говорить о решающем поражении? Нет нельзя. В главах о рабочем и крестьянском движении мы специально привели целый ряд фактов, нарисовали обстановку, в которой живет китайский рабочий и крестьянин, для того, чтобы при выводах опереться на них. Рабочий и крестьянин в революцию вступили не ради каких-то абстрактных целей и схем, а ради улучшения в первую очередь своего невыносимого экономического положения.

Поскольку рабочий класс, крестьянство и городская беднота в Китае, при их численности, при их революционности, при их безвыходном экономическом положении, являются основными, решающими силами, поскольку вопрос дальнейшего развития революции упирается только в правильное руководство. Правда, руководство революцией в связи серьезными ошибками головки Китайской компартии в настоящее время значительно ослаблено. Правда, это руководство Китайской компартии приходится сменять в самый тяжелый для революции момент. Но нужно иметь в виду, что Китайской компартии оппортунизмом страдало только руководство, а самая масса партии осталась здоровой. Вспомним хотя бы факты руководства коммунистами на местах крестьянскими восстаниями, вспомним хотя бы руководство китайских коммунистов восстаниями в Шанхае и других местах. Правильное и точное выполнение директив ИККИ должно

дать гарантию неповторения в дальнейшем оппортунистических ошибок прежнего руководства компартии.

Рабочее и крестьянское движение в Китае понесло серьезное поражение — это несомненно. Ряд рабочих и крестьянских организаций разгромлен, часть руководителей физически уничтожена, реакция бешено наступает на оставшиеся еще рабочие и крестьянские организации. В некоторых местах движение пошло на убыль. Но можно ли сказать, что это является окончательным поражением рабочего и крестьянского движения? Нет, ни в коем случае. Поражение есть, но не окончательное. Более того: все факты говорят в настоящее время, что революционное движение рабочих в городе и крестьян в деревне вновь поднимается, борьба расширяется, принимает новые еще более обостренные формы. В Кантоне, где наступление реакции было особенно сильно, некоторое время после переворота, рабочее движение как бы заглохло. Но уже через самый короткий срок оно вновь возникло, и в настоящее время рабочие упорно борются с реакцией. Власти Кантона, которые, успокоившись после первого своего натиска на рабочее движение, отменили военное положение, уже в июле опять вынуждены были об'явить военное положение уже в рабочих кварталах, куда были стянуты войска с пулеметами и даже орудиями. Упорство рабочих в борьбе доходит до того, что даже ружейным и пулеметным огнем их нельзя разогнать (пример с демонстрацией стекольщиков в Кантоне), и этот огонь не мешает им назавтра опять демонстрировать против реакции, выставляя на знаменах лозунги революции и поддержки компартии. Гонконгские стачечники в Кантоне до сих пор не ликвидированы, несмотря на все усилия властей, несмотря уже на прямой военный нажим на них. Стачечники на собраниях, где их пытаются переубедить казенные ораторы, вместо лозунгов доверия Нанкину и Чан-кай-ши, выдвигают лозунг доверия и поддержки Китайской компартии.

В Шанхае рабочее движение, загнанное в подполье, не ослабевает. Революционные рабочие организации, под руководством компартии, проводят значительную работу по сплочению рядов пролетариата и подготовки его к новой борьбе. Листовки и обращения компартии и совета шанхайских профсоюзов, распространяемые среди рабочих, пользуются огромным доверием. Фашистские организации, которые встречают полную поддержку и

помощь со стороны Чан-кай-ши, — организации, во главе которых стоят чанкайшистские офицеры, — не смогли за все время своего существования собрать более 70 000 членов, что при почти миллионном рабочем населении Шанхая составляет ничтожную часть. Забастовки не утихают, принимая обостренные формы.

В Ухане, несмотря на разгром рабочих организаций и закрытие ряда союзов, рабочее движение, перейдя в подполье, не ослабевает, готовясь к новой борьбе. Попытки уханского правительства реорганизовать рабочее движение, сделав его желтым, не удаются. Правда, возникают искусственно созданные некоторые фашистские союзы, но члены их насчитываются только сотнями.

Конечно, немалую роль в деле организации таких фашистских союзов в Китае играет и указанное выше недостаточное развитие профессионального движения в Китае, сохранение цеховых союзов и т. д. Но революционные союзы, несмотря на бешеный напор реакции, сохранили свои кадры и, перестроив ряды и способы работы, продолжают об'единять вокруг себя основную массу революционных рабочих.

Крестьянское движение, несмотря на огромный натиск реакции, совместно со всеми реакционными элементами деревни, окончательно не подавлено. Сейчас оно, оправляясь от нанесенных поражений, перестраивается и начинает вести наступление против деревенской реакции. В Хунани крестьяне упорно борются с реакцией, которая на подавление их бросает все новые и новые силы. Крестьяне продолжают, несмотря на прямое уже противодействие властей, разрешать земельный вопрос «плебейским» способом. В Гуандуне, разгромленное было вначале, крестьянское движение идет вверх. Не прекращаются восстания в районе Сватоу, вновь возникают восстания в районе Западной реки, на севере Гуандуна. Движение на севере принимает очевидно, такие серьезные размеры, что гуандунские власти вынуждены послать в этот район крупные военные силы. Имеются сведения, что Литисин вынужден был послать для подавления крестьянского движения на севере следующие силы: 5 полков 20-й дивизии, 3 полка 15-й дивизии и полк 13-й дивизии, туда же послано четыре полка двух гуандунских бригад. Таким образом, там сосредоточено 13 полков, общей численностью до 30 тысяч. И это не считая 15 тысяч минтуаней, которые имеются в этом районе. Если для подавления крестьянского движения

в таком, сравнительно небольшом районе нужно 45 тысяч войск, то насколько же велико это движение!

Движение красных пик не ослабевает, начиная обращать свое острее и против мукденцев, и против Фын-юй-сяна и т. д.

Если китайская компартия сможет создать надлежащее руководство, то это рабочее и крестьянское движение сравнительно быстро может компенсировать результаты понесенного поражения. Конечно, крайне трудно быстро перестроить руководство в такое время, но нужно иметь в виду, что масса компартии осталась здоровой, и что Киткомпартия сейчас принимает решительные меры по перестройке этого руководства. Доверие масс она сохранила полностью, доказательством чего является непрекращающийся рост партии. Комсомол же с самого начала занимал правильную позицию и полностью выполнял директивы ИККИ.

Какие лозунги должна сейчас выставлять Китайская компартия? Пленум ЦК ВКП(б) (август 1927 г.) дает на это следующий ответ: Прежние лозунги, касающиеся отношений к уханскому правительству и вхождению в правительство, конечно, с переходом этого правительства на сторону контрреволюции, отпадают. Компартия должна вести решительную борьбу против всех теорий, которые противопоставляют интересы национально-освободительной борьбы интересам классовой борьбы рабочих и крестьян. Компартия должна принять самые энергичные меры к сохранению и дальнейшему развитию рабочих профсоюзов и организаций крестьянства. Компартия должна поднять низы Гоминдана против его контрреволюционного теперь руководства. Одновременно с этим компартия должна развить энергичную пропаганду лозунга советов. Лозунг немедленного образования советов нуждается еще в подготовке его для восприятия масс. Когда т. Stalin в своих «Заметках на современные темы» разбирает этот вопрос, то он проводит некоторую аналогию с постановкой этого вопроса у нас в 1917 году. Тов. Богданьев, выставляя этот лозунг в апреле 1917 года, встретил отповедь тов. Ленина, который именно указывал на необходимость предварительной пропаганды этого лозунга в массах. Недостаточно, что передовая часть рабочего класса — его коммунистическая партия — уже осознала необходимость организации советов. Нужно, чтобы и широкая масса поняла, что только советы являются в данный момент той формой власти, которая может повести

революцию дальше. Для Китая необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что Гоминдан является признанной в течение уже многих лет формой организации масс. Если же попытки компартии революционизировать Гоминдан не увенчаются успехом, так же, как и ее попытки демократизировать эту организацию, превратить ее в организацию широких рабочих и крестьянских масс, и если революционное движение будет итти на подъем, тогда необходимо будет перевести пропагандистский лозунг советов в лозунг непосредственной борьбы и приступить к организации советов рабочих, крестьян и ремесленников.

Необходимо прилагать все усилия к тому, чтобы развивать аграрное движение, вооружая рабочих и крестьян, закладывая основы действительно революционной рабоче-крестьянской армии. Последние восстания в Нанчане, попытки революционной части уханской армии выйти в Гуандунь и в районы крестьянских восстаний показывают, что компартия в этом направлении ведет уже работу. Лозунги VIII пленума ИККИ и постановления ИККИ от 14 июля 1927 г. направленные к удовлетворению непосредственных запросов рабочих и крестьянских масс, конечно, остаются в силе.

При правильном руководстве, при правильном и точном выполнении директив ИККИ, при дальнейшем вовлечении масс революция не только восстановит свои силы, разрешит свои задачи и будет победоносной. Текущий этап китайской революции мы не можем считать окончательным поражением, так как основные задачи, которые стоят на этом этапе перед революцией, еще не разрешены: — «аграрная революция, освобождение от ига империалистов, революционное об'единение Китая еще ждут своего разрешения» (Сталин, «Заметки на современные темы»). И совершенно прав ИККИ, когда в своем постановлении от 14 июля говорит: «Ход великой китайской революции пробудил к политической жизни и к политическому действию такие широкие массы рабочих и крестьян, что их движение не может подавить никакая сила. При правильном руководстве победа будет за китайскими рабочими и крестьянами».

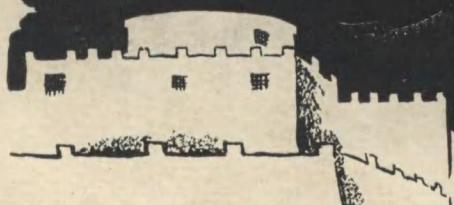
СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Введение	3
Силы, действовавшие в первый период революции	4
Шанхайские расстрелы 30 мая 1925 г. и под'ем революц. движения	
Дальнейшее нарастание революции	15
Кантонская стачка и Северный поход	23
Положение китайского рабочего	31
Рост забастовочного движения	38
Борьба внутри рабочего движения и рост революц. союзов	45
Положение китайского крестьянина	49
Классовая борьба в деревне	80
Рост крестьянских организаций	91
Переворот Чан-кай-ши и образование нового лагеря—буржуазной реакции	115
Рост аграрной революции	118
Рабочее движение после отхода буржуазии	128
Решения пленумов ИККИ о положении в Китае, ошибки оппозиции	137
Колебания уханского правительства и ошибки ЦК Киткомпартии	147
Измены уханского правительства	155
Перспективы китайской революции	159

17200

274-110/8

16.09.11.2

1 р. 40 коп.